Л. ХАРЧЕНКО

ШЕЛ РЕБЯТАМ В ТУ ПОРУ...

Л. ХАРЧЕНКО

ШЕЛ РЕБЯТАМ В ТУ ПОРУ...

СТАВРОПОЛЬСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО 1973

9(C)27
122

X $\frac{0763 \rightarrow 047}{M159(03)-73}$ 47—73

МАЛЕНЬКИЙ ТАНКИСТ

В кабине грузовика шофер и мальчик. Сразу можно определить, что это отец и сын. Оба с буйными русыми шевелюрами, полногубые, лобастые. И у Петра Александровича Жигайлова и у его двенадцатилетнего сынишки Васи карие внимательные глаза.

В кузове под зеленым брезентом снаряды. Мальчонка знал, что могло бы произойти, если бы в эти «огурцы» попала хоть одна малюсенькая фашистская бомба.

В смотровое стекло Вася видел дорогу: то ровную, то с кочками и ямками. На «трясучей» дороге, как окрестил ее Вася, лоб отца покрывался морщинами, глаза прищуривались, губы плотно сжимались. В такие минуты Васька хоть выпади из кабины, отец не обратит внимания. Когда же «трясучка» оставалась позади и дорога опять становилась ровной, лоб Петра Александровича разглаживался, он косил взглядом в сторону сынишки и, улыбаясь, бросал:

— Пронесло!

Тогда и Вася легко вздыхал, начинал смотреть по сторонам. Степь и степь... Поля белесой, спелой пшеницы, массивы желтолицых подсолнухов, кукурузы...

Ох, ты! Вон в голубом небе, распластав могучие крылья, кружится орел. В школе мальчишки, рассматривая чучело орла, говорили, что это царь степей. Вот он тяжелым камнем стал падать вниз, что-то схватил в свой мощный клюв (никому бы не попадаться в него!) и взмыл в голубую высь.

Дорога была длинная-предлинная. Васильку надоедало сидеть в одной позе. Разморенный, он склонял свою светловолосую голову к правому боку отца и, незаметно для себя, засыпал. Петр Александрович спокойно держал правую руку на баранке, работал больше левой и думал о том, куда деть сына.

Уезжая в служебную командировку, он забрал его с собой. В село Садовое Сталинградской области. Там строили машинно-тракторную станцию. Петра Жигайлова назначили главным механиком. А с первых дней войный его перевели в десятый парк тяжелых машин.

Вася проснулся от крика: «Осторожнее! Это же раненые!»

Отца в кабине не было. Вася открыл дверцу. В кузов их машины солдаты и его отец поднимали на носилках раненых. Молодая женщина в военной форме и еще какой-то военный укладывали тяжелораненых рядышком на солому, накрытую серыми покрывалами.

Когда солдат разместили в кузове, медсестра скомандовала:

— Поехали!

Петр Александрович побежал к кабине.

— Василь, быстро садись! — крикнул он.

Мальчик пустился было за отцом, но вдруг круто повернулся назад и, подняв голову, чтоб услышала медсестра, закричал:

— Теть, можно я буду с вами? Помогать! Ну, можно?..

На какое-то мгновение женщина заколебалась:

— Рано тебе еще. Да ладно уж!

Василий мигом вскочил в кузов, и грузовик тронулся. Примостившись в уголке, Вася с любопытством и жалостью смотрел на неподвижных солдат в окровавленных бинтах.

Война для Васи Жигайлова становилась реальностью, хотя он и не слышал еще ни одного выстрела.

После этой поездки отца и других шоферов перевели в танковую бригаду.

По прибытии на новое место Петр Александрович решительно направился к комдиву.

Урбан поднял голову, положил на военную карту карандаш.

— Разрешите обратиться, товарищ комдив? — и правая рука Жигайлова взметнулась к виску.

— Говори!

— Я с двенадцатилетним сынишкой, Василием Жигайловым. Позвольте оставить его при себе.

Черные брови Урбана зашевелились, сошлись у переносицы.

— Ты в своем уме? — прогремел комдив.— Будут же бои! В детский дом отправим сына. Никаких...

Договорить ему не дал сам виновник отцовской тревоги. Он вихрем влетел в комнату, без передыху выпалил:

— Товарищ командир! Дяденька! Оставьте меня с отцом. Не поеду я никуда. А отправите силком, сбегу все равно. И буду искать вас с отцом по всем дорогам, по всем боям.— Глаза мальчишки с мольбой смотрели на комдива.

Лицо Урбана подобрело.

— Так и быть, временно оставим тебя, Василий Жигайлов. Но только временно, понял?— Товарищ Урбан вызвал дежурного и приказал взять на довольствие Василия Жигайлова.

Пока шли занятия у солдат, Василий тоже не сидел без дела — ему поручалось доставлять начальству военные донесения. Зато когда у солдат появлялось свободное время, Василек встречал их радостным криком, залазил на башню и по просьбе уставших танкистов: «А ну-ка, Василек, вдарь «барыню»,— лихо выстукивал каблуками по броне. Иногда он забирался в танк отца и все выспрашивал, что и как называется, как стрелять по врагам.

Танковая бригада, которой командовал полковник Урбан, стояла в бескрайних степях Калмыкии.

На исходе был сорок второй военный год. Конец декабря.

Дождались танкисты Урбана приказа о наступлении. Повели свои боевые машины на село Яшкуль.

Метельным, вьюжным вечером немцы справляли рождество. В Яшкуль советские танкисты вошли без единого выстрела, выгнали фрицев на улицу в одном белье. С ходу взяли село Вознесеновку и двинулись на Элисту. А она в семи километрах от Вознесеновки. Преодолеть такое расстояние танкистам — раз плюнуть.

Василий Жигайлов — в танке отца. Он сдал экзамен на стрелка-радиста.

Мчались на Элисту, и Васильком овладела неуемная радость: он, ученик Элистинской средней школы № 1, барабанщик пионерского отряда, будет освобождать от фашистской нечисти свой город, свою родную школу. Улыбка не сходила с губ, хотя Василий и старался быть серьезным.

В двенадцать часов ночи, под новый тысяча девятьсот сорок третий год, танкисты Урбана ворвались в Элисту. У Дома Советов стояли три грузовые, под брезентом, машины — фашисты жгли и подрывали город.

Опоздай на час советские танкисты, и взлетело бы в воздух красивое здание Дома Советов.

Первого января Элиста была освобождена от оккупантов. Город ликовал.

— Василек, а ну-ка вдарь «яблочко»!

И Василек взлетал на башню танка.

Петр Александрович довольно улыбался.

— Пап, можно я в школу сбегаю? — попросил Василек.

— Беги, только долго не задерживайся,— разрешил Петр Жигайлов.

В форме танкиста, в танкошлеме, то и дело сползавшем на лоб, бежал по знакомым заснеженным улицам к своей школе Вася Жигайлов. Еще издали увидел он ее развалины. От здания пахло гарью. Три года учился здесь Вася, три класса окончил. Враги спалили его школу.

Вспомнились стихи:

Шли вперед на зло врагу,
Шли и не свернули.
На твоем крутом боку —
След кулацкой пули.
На войне тебя спасли
Из горящей школы.
И немым тебя несли
В дальний путь тяжелый.

И слова припева: «Старый барабанщик, старый барабанщик, крепко, крепко, крепко спал. Он проснулся, перевернулся, рабочего увидал».

Вася тогда тоже участвовал в литературном монтаже. Если бы это было теперь, он сказал бы барабанщикам своей школы: «Красные барабанщики, не спите! Ударьте барабанными палочками в барабаны и поведите за собой всех сильных, всех честных людей на борьбу с фашистами». И тогда все разом спели бы песню о красном барабанщике, который проснулся, перевернулся и всех фашистов разогнал.

Из задумчивости Васю вывело прикосновение чьей-то руки. Оглянулся. Перед ним стоял мальчик из их школы, годом старше.

— Бадма, здравствуй! — воскликнул Вася.

Черные глазки Бадмы заморгали, лицо расплылось в улыбке;

— Какой ты красивый! Возьми меня с собой воевать, Жигайло!

— Я ж тебе не Урбан! Не могу,— с чувством понятного превосходства ответил Вася.— Расскажи, как вы тут жили?

Василий присел на завалинку, рядом с ним примостился Бадма.

— Чего вспоминать, как жили... Плохо было. Я тебе про ребят наших лучше расскажу, про Юру Калмыкова и Леву Касиева. Помнишь их? Послали их в разведку, в Элисту. Партизаны послали. А фашисты их схватили. Предатель один выдал. Мучили их в гестапо. Все дознавались про партизан. А они молчали. Лева, говорят, только здорово кричал. Но все равно ничего не сказал им. Когда вывели на расстрел, так Юрка Калмыков вцепился зубами в руку гестаповца и не отпускает. Но, конечно, гестаповец был сильнее, да и много же их было. И с оружием. Но Юра как-то вырвался и побежал по длинному коридору и закричал: «Убьете нас, придут другие!» — И со всего размаха ударился головой о кафельную печь. Лева тоже так умер. Говорят, фашисты подбежали к ним и стреляли из пистолетов в головы.

Вася сидел потрясенный.

— Я тебе еще про Тамару Хахлынову расскажу, — Бадма сдвинул на лоб ушанку, помолчал.— Тамара же была комсомолкой. Тоже в разведке ее фашисты застукали. Она спряталась в землянке. Ее окружили гитлеровцы. Тамара стреляла, не сдавалась. Убила нескольких. Тогда враги вызвали подкрепление. Прибежала туда танкетка, по землянке стреляла раз, стреляла два и не стало больше в живых Тамары Хахлыновой.

Вернулся Вася к своим хмурый. Первый раз просьбу старших товарищей: «А, ну-ка, Вася вдарь «цыганочку» — он не выполнил...

... Из Элисты советские танкисты пошли на совхоз «Гигант». Перед совхозом натолкнулись на танковую бригаду противника. Завязался жестокий бой. Васе казалось, что сейчас, вот сейчас вражеский снаряд ударит по их танку и машина рассыплется на мелкие куски.

Наши танки пошли на таран.

Направил свой танк на бронированное чудовище со свастикой и Петр Жигайлов. В смотровую щель Вася видел, как сокращалось расстояние. Близко, совсем уже

рядом... Вася от страха даже глаза прикрыл. На секунду. Ура! Вражеский танк стал поворачивать назад! И тогда по команде Вася нажал гашетку. Бронебойный снаряд ударил по танку противника, а внутри Васиного танка рассыпались искры. Мальчик сжался — он всегда боялся этих искр, казалось, они подожгут и его, и танк, и весь экипаж.

Много в том бою было подбито танков противника. Много погибло и наших танкистов.

После боя вместе со взрослыми отдавал Вася прощальный салют героям.

Пошли на Батайск. Там снова схватка не на жизнь, а насмерть. Батайск освободили, бригаду оставили здесь для пополнения.

...Через трое суток танкисты вновь были на марше. Дошли до реки Миус. Двигались по равнине. Пересекли небольшую речку, преодолели подъем и опять вышли на голую, как ладонь, равнину. И здесь снова в лоб столкнулись с вражескими танками. Завязался жестокий бой. Он был последним для Петра Александровича Жигайлова, Васиного отца.

В танк попал снаряд. Танк загорелся.

— Экипаж, из танка!— успел крикнуть Петр Жигайлов. Механик-водитель, башенный стрелок выбрались через аварийный люк. Вася задержался: он вытаскивал из «гнезда» пулемет. Схватил пять дисков. Танк наполнялся дымом. Скорее! Скорее! Ведь танк — это все равно, что пороховой погреб: везде в гнездах стоят смертоносные снаряды.

Василий выбрался на землю.

— Немедленно отходить!— дал вторую команду Петр Жигайлов.

У танка остались отец и сын Жигайловы прикрывать отход экипажа. Танкисты переползли через грейдер, потом по траве добрались до проселочной дороги и уже вошли в небольшой лесок.

Петр Жигайлов поставил пулемет на сошки и начал косить наступавших фрицев. Вася прижался к боку отца.

— Вася, в танке осталась моя планшетка. Там документы. Лезь, только мигом.

Василий схватил планшетку, метнулся к люку, но увидел танковые часы и принялся их отвинчивать от-

верткой, которая всегда лежала в кармане брюк. Как же оставить часы? Пригодятся!

А пожар уже перешел в башенную часть. На Васе загорелся сапог. Когда он перекинул ногу, вылезая из танка, его ранило осколком в правую бровь. Беспомощный, истекающий кровью, он лежал на броне горящего танка. Пламя уже подбиралось к нему.

Петр Александрович, обеспокоенный, что Вася долго не возвращается, поднял голову вверх, увидел сына. Бросив пулемет, он схватил его, стащил на землю, снял с ноги горевший сапог. Но на мальчишке загорелись и брюки, а у Петра Александровича уже не было времени, чтобы оказать сыну помощь. Он отстреливался от наседавших фашистов.

Мина разорвалась рядом с Петром Жигайловым. Вася увидел, как отец свалился на землю.

— Папа! Не умирай!

Последнее, что видел Жигайлов старший,— глаза сына, полные слез.

Вася метнулся к пулемету, залег и начал стрелять.

На помощь пришел экипаж танка. Петра Жигайлова положили на плащпалатку и оттянули в лесок. Вася все еще лежал за пулеметом, прикрывая отход товарищей. Оглянулся: танкисты вместе с отцом уже скрылись за деревьями. Тогда по кювету, пригибаясь, он побежал догонять своих.

Отец неподвижно лежал на плащпалатке. Вася опустился на колени, приник ухом к сердцу отца — оно уже не билось.

— Папа!

Наскоро вырыли могилу под раскидистым деревом у села Лысогорки. Долго и безутешно плакал на ней маленький танкист. Но война есть война. Танкистов ждали новые бои.

Прежде чем идти дальше, надо было узнать, какова противотанковая защита у немцев.

Села Равнополье и Новоравнополье стоят на расстоянии одного километра друг от друга. Может, в одном из них притаился враг в своих бронированных чудовищах?

Командование бригады решило послать в разведку Васю Жигайлова. На мальчишку меньше обратят внимание. Надели на него рваные штаны, дали сумку, в

которую положили три сухаря, рассказали, что он должен разведать и как себя вести, и юный разведчик отправился в Равнополье.

Стояло лето сорок третьего года. Солнце скрылось за горизонтом, позолотив часть неба. В воздухе обманчивая, как перед бурей, тишина. Вася шел по проселочной дороге. Нигде ни души. Зоркие глаза мальчика заметили увядшие ветки деревьев. «Замаскировали танки и орудия»,— мелькнула мысль.

У околицы села его увидели немцы:

— Кляйне партизан, ком сюда!

Вася вздрогнул, но не подал виду, что испугался.

— Хенде хох!— скомандовали солдаты.

А Вася по-детски, жалобно попросил:

— Пан, дай брот,— и заплакал, растирая по румяному лицу слезы.

— Мы дай тебе комендатуру,— сказал один из немцев и засмеялся.

Васю толкнули вперед. Два немца с автоматами шли позади него и тихо разговаривали между собой. Один из них заиграл на губной гармошке. Это было так неожиданно, что Василий оглянулся и недоуменно посмотрел на игравшего солдата.

— Шнель! Шнель!— прикрикнул на Васю другой.

«Эх, автомат бы!— с досадой подумал Вася.— Попиликали бы вы на губной гармошке на том свете, было бы вам «шнель-шнель».

Маленький разведчик заметил балку и лесок: «Бежать!»

Подошли к балке. Вася скосил взгляд: обрыв, внизу лес. Когда поравнялись с обрывом, Вася взял левее, рванулся, и... не успели немцы опомниться, как он прыгнул вниз. Вскочил, побежал под свист автоматных очередей, не чуя под собой земли.

Шурхнул в яму с водой. Воды в ней по горло Василию. Схватился за ветки пышно разросшегося над ямой кустарника.

Автоматные очереди то приближались, то удалялись; немцы рыскали по лесу, искали беглеца.

Еще какое-то время в лесу раздавалась автоматная трескотня, потом все стихло. «Ушли или нет? Вдруг это хитрость, и враги притаились где-то рядом?». Сколько стоял он в воде без движения, трудно сказать. Уже

на овраг спустились синеватые сумерки, уже показалась луна, а Вася все стоял в воде, держась то одной рукой, то другой за ветки кустарника. От холодной ли воды, от страха ли Васю била дрожь.

Юный разведчик решил, наконец, выбраться из своего укрытия. Тихо Вася вылез из ямы, присел под стволом старого дерева, снял сапоги, вылил из них воду. С опаской оглядываясь по сторонам, пошел по лесу.

А наши танкисты всю ночь ждали своего посланца. Когда увидели маленькую фигурку, переползавшую дорогу, в совсем противоположной стороне открыли огонь, чтобы отвлечь врага и дать мальчику перейти линию фронта.

Двадцать третьего августа штурмовали Таганрог. Тридцатого взяли его.

Неожиданное произошло третьего сентября. Василька Жигайлова направили в штаб бригады, а оттуда прямым сообщением в Ставрополь, в Суворовское училище.

Мальчишки-суворовцы с восторгом смотрели на юного фронтовика-танкиста с гвардейским значком на груди.

А Василий даже ночами учился, чтобы не отставать от своих однолеток. Незаметно он пробирался в классную комнату и при тусклом свете маленькой электрической лампочки учил уроки, учил немецкий язык, который, как он ответил начальнику училища, «сто лет не нужен ему», но звание гвардейца не позволяло отставать в учении.

И вдруг страшная катастрофа. В сорок седьмом он ослеп. Сказалось незначительное, на первый взгляд, ранение в бровь.

В Ростове сделали операцию правого глаза, зрение частично возвратилось, но с училищем пришлось расстаться.

Приехал в Дивное, село, где он родился. Здесь началась новая, трудовая жизнь.

ПОДРУГИ

★

В классе шла репетиция. Участники художественной самодеятельности готовились к выступлению в госпитале. Оставалось прорепетировать еще три номера, а Нели Белявской все не было. Что могло случиться? Неля всегда аккуратна. Валя Плугарева часто подходила к окну и смотрела на дорогу, по которой они вместе с Нелей ходят в школу. Как быть? Через час начало. Волнение Вали, ответственной за концерт, передалось и другим восьмиклассникам.

А Неля нервничала дома. Квартира заперта, и Джульбарса, красивую, огромную овчарку, не на кого было оставить. Один пес оставаться никак не хотел.

— Джульбарс, ну как ты не понимаешь, что я иду в госпиталь? Тебе туда нельзя. Ясно? Псина ты разумная, а вот не понимаешь, что идет война. И нам всем тяжело: и отцам нашим, что на фронте, и нам. Сиди дома.

Но у собаки даже после столь убедительных доводов не появилось желания разлучаться с хозяйкой. Неля высоко подняла черные брови, что-то соображая. Голубые глаза лукаво посмотрели на собаку.

— Подожди же, сейчас я заложу камнями окно в сарае и закрою тебя. Не вырвешься, не думай!

Заперев, наконец, Джульбарса, она облегченно вздохнула и пустилась по улице.

Запыхавшись, Неля вбежала в класс:

— Я очень виновата... Все Джульбарс... Пока я нашла, куда его зепереть.

Нелю прервал дружный смех. Она с недоумением перевела взгляд туда, куда смотрели ребята, и.. ахнула: в открытых дверях класса стоял Джульбарс.

— Противный!— закричала Неля со слезами.— Как же ты выбрался оттуда? Ты ж теперь и в госпиталь за нами потащишься!

Джульбарс виновато посмотрел на хозяйку, но чувствавалось — «сдавать завоеванных позиций» не собирался.

После короткого совещания ребята решили: Джуль-

барс пойдет с ними в госпиталь и подождет их во дворе.

Увидев Джульбарса, вахтер, седобородый старичок, забеспокоился:

— С собакой нельзя!

— Мы этого артиста здесь оставим. Он не выступает!— пошутил кто-то из ребят.

— Джульбарс, тубо!— приказала Неля.

Постояв немного, овчарка отошла к цветочной клумбе и легла, не спуская глаз с двери.

Валя подала знак начинать. Маленькая девочка из четвертого класса открыла концерт стихотворением Исаковского «Наказ сыну». Потом играл оркестр, ребята танцевали, пели. Объявили Нелин номер.

Ее голос сразу покорил слушателей. В открытые окна песня неслась на улицу.

Джульбарс услышал голос хозяйки, привстал, навострил уши... Вахтер как раз отлучился на несколько минут. Собака рванулась в дверь, огромными прыжками пронеслась по серой мраморной лестнице, мигом очутилась на третьем этаже и вбежала в зал. Мгновение — и Джульбарс оказался на сцене. Сел у ног хозяйки и невозмутимо посмотрел на публику. Зал зашумел.

— Вот так артист!

Под громкие рукоплескания Неля с Джульбарсом ушла со сцены.

Концерт очень понравился раненым.

Во дворе восьмиклассники столкнулись с группой девушек.

— Что они здесь делают?— спросила Валя у парторга, провожавшего их.

— Это комсомольская бригада,— пояснил парторг.— Работают у нас в столовой.

— Постоянно работают?— спросила Неля.

— Нет, они общественницы.

Вдруг одна из комсомолок крикнула:

— Неля! Валя!

Девочки остановились. К ним подбежала рослая, с озорными глазами, подстриженная под мальчика Женя Буланова. Раньше она училась вместе с ними, а потом перешла в ремесленное училище.

— Вы у нас выступали?

— С каких это пор «у вас»? — удивилась Валя.

Женя улыбнулась, и, кажется, улыбнулись веснушки на ее лице.

— Я так привыкла, что считаю госпиталь своим.

Валя попросила:

— Поговори о нас, Женечка. Мы тоже хотим быть своими. Все будем делать. Все!

— Хорошо, я поговорю с Аней Ивановой. Это секретарь горкома комсомола. Я тогда вам скажу. Договорились?

— Ладно!— согласились подруги и побежали к воротам догонять товарищей.

* * *

На третий день Валя и Неля уже работали в столовой госпиталя. На кухне чистили картошку, рыбу. Все, что им ни предлагали, делали охотно.

Как-то начальник госпиталя разрешил комсомольской бригаде навестить палаты тяжелобольных. Пришли с цветами, книгами, бумагой. Медицинская сестра открыла дверь четвертой палаты.

— Здравствуйте, товарищи бойцы!— волнуясь, сказала Аня Иванова.— Мы из горкома комсомола. Пришли к вам в гости... Скажите, может, кому письмо домой надо написать? Может, газету кто послушать хочет? Мы с удовольствием все сделаем...

— И письма надо написать, и о чем в газете говорят, послушаем.

Женя подошла к койке, на которой лежал раненый с забинтованным лицом. Свободными от повязки оставались лишь губы.

— Как вас зовут?— Женя легонько тронула раненого за плечо.— Вы откуда?

— Я ставрополец. Местный. Зовут меня Глеб. Глеб Волков. Эх, завязаны глаза. Не вижу...— Он высвободил из-под покрывала руку и протянул Жене.

— А я Буланова. Евгения.

— Ну, вот и познакомились. Вы приходите почаще.

— Спасибо, Глеб. Обязательно приду.

Знакомство девочек с бойцами вскоре переросло в дружбу. Каждый вечер перед началом работы на кухне Женя, похожая больше на мальчишку своими решительными поступками и грубоватыми жестами, и нежная, голубоглазая Неля с белокурыми косами, уложенными

венком на голове, торопливо шли через большой двор госпиталя. в четвертую палату.

— Наши девушки!— ласково встречали их бойцы.

И девчонкам-подросткам было приятно, что их величали девушками. Значит, они уже взрослые.

В последний их приход Глеб сообщил Жене, что в субботу снимут повязку с глаз.

— Вот тогда и увидите рыжую, конопатую Женьку Буланову,— засмеялась Женя.

Когда вышли из палаты, Женя задумалась:

— Как бы поторжественнее отметить выздоровление Глеба?

Неля несколько минут молчала, а потом воскликнула:

— Придумала! Вышьем на все четыре тумбочки салфетки. Валя тоже умеет вышивать. К воскресенью успеем. Рисунки выберем самые красивые. У меня их много.

— Цветов принесем,— добавила Буланова.

В тот же день подруги пришли к Вале Плугаревой с кипой рисунков, разноцветными нитками мулинэ. Из дома ушли в сад. Там расстелили рядно и принялись за работу. Женя вздохнула, потом закрыла свои огромные глаза.

— Нелька, знаешь, я вижу тебя сейчас на сцене. Ты окончила консерваторию. Тебя уже приняли в оперу. А какой у тебя красивый костюм! И сама ты раскрасавица, что ни в сказке сказать, ни пером описать.

— Нашла красавицу! — рассмеялась Неля.— Следи лучше за стежками, а то забракую работу.

— А знаете, девчонки, у меня тоже мечта,— сказала Валя.— Только не об опере... О другом. Окончу десятилетку, поеду в текстильный институт. Сяду в вагон, помашу своему городу платочком и подставлю лицо ветру. Люблю ветер! Я буду все время смотреть в открытое окно вагона на наши степи, беленькие домики в садах. Войны тогда уже не будет. Одно только страшно — как я выйду из вагона на московскую землю?! Я же там сразу потеряюсь! А как я институт найду? А потом... а потом все станет на свое место. Будут Москва, институт, новые друзья и подруги. Но вас-то, девочки, я все равно не забуду.— Валя перестала класть стежки на полотно, задумалась.

— Ладно, не забывай! — снисходительно согласилась

Женя.— Только после войны и меня здесь не будет. Не будет Женьки — токаря из ремесленного. Инженер Евгения Кузьминична Буланова! — Женя встала и смешно показала, как строго, даже чуть высокомерно представится подругам.— Ой, девочки, что я придумала! Давайте в палате устроим нашим раненым концерт. Неля возьмет гитару, ты, Валя, прочтешь стихи, а я расскажу какие-нибудь смешные были-небылицы. Надо же отвлечь раненых от госпитальной обстановки.

— И будешь иметь самый шумный успех,— предсказала Неля.

Пришло воскресенье. С цветами, гитарой и небольшим свертком подруги шли по знакомому длинному коридору. В дверях они столкнулись с высоким белокурым молодым человеком. Он внимательно посмотрел на девушек и пошел дальше.

В палату вошли на цыпочках. Поздоровались и сразу устремились к Глебу. Шрам, идущий от правой брови к виску, был еще розовым. Глеб, радостно улыбаясь, рассматривал подруг.

— Глеб, узнайте среди нас Женю,— предложила Неля.

— Она посередине стоит.

— Верно! А как же вы узнали?

— Так она сама сказала, что рыжая и веснушчатая.

Все засмеялись. А Женя деловито попросила:

— Товарищи, закройте на минуту глаза.

— Мне только их открыли и опять закрывать?! Не буду!

— Ну, пожалуйста, Глеб, это же на минутку.

Подруги расстелили нарядные салфетки на тумбочки, в банки поставили цветы, и палата сразу приняла нарядный вид.

— Теперь смотрите! — разрешили девочки.

— О-о!

— Спасибо!

— С гитарой пришла? Споешь нам что-нибудь, дочка? — спросил пожилой боец.

— Спою, Никифор Степанович, обязательно спою.

Глеб воскликнул:

— У меня сегодня настоящий праздник. Брат приходил. Вы его, наверное, в коридоре встретили. И вижу всех вас. Спасибо за праздник.

* * *

Накануне летних каникул Валю Плугареву вызвали в комитет комсомола и строго наказали не забывать, что она вожатая пионерского отряда. Пусть ребята помогают семьям фронтовиков. «И вообще постарайся, чтоб интересно было пионерам»,— сказали ей члены комитета.

Валя вспомнила, как сама была пионеркой, как редко приходила к ним вожатая и какими неинтересными были пионерские сборы. Только название, что сбор, а на самом деле он был продолжением урока. «Надо побольше затей»,— думала Валя. Вспомнила, как однажды спросила пионервожатую, кто такие квислинговцы и в какой стране они живут. Вожатая растерянно посмотрела на карту мира, что висела на стене, зарделась и сказала: «Валя, на этот вопрос я завтра тебе отвечу».

Секундного замешательства было достаточно, чтобы Валя перестала верить в знания вожатой. Так может случиться и с ней. Но первый сбор прошел хорошо, и она вздохнула с облегчением. Пионеры сами подсказали много интересного. Доверчиво брали ее за руки, заглядывали в глаза, спрашивали про кинокартины. А однажды предложили играть в красных и синих.

Мысль о военной игре увлекла всех. Валя решила, что лучше играть с отрядом другого класса, параллельного пятого «б». Но тут возникло неожиданное препятствие: никто не хотел играть за синих. И как ни уговаривала Валя пионеров, как ни убеждала в условности этого названия, все равно это ни к чему не привело. Решили разбиться на восточную и западную группы.

Оба отряда изучали азбуку Морзе, дорожные знаки, сигнализацию флажками.

Наконец настал долгожданный день. Тайно друг от друга отряды направились к назначенному часу в лес. Отряд Вали занял восточную часть гористой местности, а пионеры пятого «б» класса расположились на западном склоне. В двенадцать часов пионерские горны возвестили о начале игры.

Командиры расставили своих «бойцов» на «передовой линии». Послали самых отважных и смекалистых в разведку. Перебегая от дерева к дереву, Ваня Дуньков, Петя Гарбузов и Сеня Дмитриев пробирались на территорию «противника» за «языком». Сеня Дмитриев, про-

званный Зоологом за любовь к животным, птицам и насекомым, увидел, как на ветку шиповника села большая красивая бабочка. Забыв о том, что он разведчик, поднялся и приготовился накрыть бабочку рукой.

— Зоолог, ложись! Ты же выдашь нас,— прошептал Петя и потянул его к себе.

Вдруг они заметили, как по лощине кто-то крадется. Ребята затаились. Не ожидая опасности, «вражеский» разведчик приблизился и был немедленно схвачен. Пленнику завязали глаза, взяли под руки, повели в штаб.

— Товарищ командир, задание выполнено, «язык» захвачен! — четко доложил Петя Гарбузов начальнику штаба Сереже Разгонову, вооруженному биноклем и деревянным кинжалом.

«Пленный» заложил руки в карманы, плотно сжал губы и, поблескивая карими глазами, молчал.

— Где находится ваш штаб? — начал допрос Сережа Разгонов.

«Пленный» молчал. На все другие вопросы он тоже отказывался отвечать. Тогда Сережа изменил тактику допроса.

— Что его спрашивать? — пренебрежительно махнул он рукой в сторону «пленного».— У них и штаб-то бродячий, места определенного не имеет.

Такой обиды «противник» вынести уже не смог.

— Ну да, «бродячий»! А шалаш в боярышнике? Замаскирован — сто лет будете искать и не найдете.

Этого было достаточно для «штабистов». «Языка» увели. Сергей с Валей приказали своему отряду ждать сигнала к штурму, который должны были дать разведчики, немедленно посланные на поиски штаба.

Ребята спустились с горы и залегли в низине. Высокая густая трава служила надежным укрытием. Прошло минут двадцать. Наконец с поляны отряд увидел сигналы флажками: «штаб противника находится в ста метрах за третьей полосой кустарника».

Не успел сигнальщик передать последнее слово, как его захватил отряд «вражеских» дозорных. Но сигналы дошли по назначению. Пионеры восточной группы с криками «ура!» бежали к кустам боярышника. Началась рукопашная.

Девочки-санитарки с красными крестами на белых косынках перевязывали «раненых», укладывая их на

траву. Но «тяжелораненые» срывались с мест, и никакие крики санитарок не могли их остановить.

Штаб «противника» был окружен. Победа! Вожатые с трудом успокоили «противников», и начался разбор ошибок и промахов.

Но что это? До слуха ребят донесся грохот взрыва, настоящего взрыва. Ребята встревоженно переглянулись, поглядели на чистое небо.

Налет фашистской авиации был вполне возможен. Из рассказа Нели Валя знала, что давно идет эвакуация госпиталей.

Стараясь не показать ребятам своего беспокойства, Валя подняла руку:

— Ребята, не надо волноваться. Сережа подводит итоги. Как, дослушаем его?

— Дослушаем! — хором ответили ребята и постепенно утихли, но прежнего внимания уже не было.

Валя пошла в школу. Там никого из учителей не оказалось. Попросила уборщицу тетю Дору открыть кабинет. Ей нужно позвонить по телефону. Взяла трубку, попросила центральную соединить с училищем.

— Ремесленное училище? Пригласите к телефону Женю Буланову. Что?! Отпустили собираться в эвакуацию? — Валя стояла бледная, растерянная.— «Эвакуация... эвакуация...» — билось в голове незнакомое прежде слово.

Валя выбежала на улицу. На углу Ленинской столкнулась с Женей.

— Я к тебе!

— А я к тебе! Я думала, ты дома... нам сказали, чтоб эвакуироваться. Что делать? — и, не дожидаясь ответа, Женя предложила идти в райком комсомола.— Будем проситься в партизаны.

* * *

В квартире Белявских смятение. Ждали машину из крайоно, где до ухода на фронт работал отец Нели. Город бомбили. К вечеру наступила тишина, напряженная и странная. Вдруг в эту тишину ворвался грохот идущих танков. «Наши отступают! А как же мы?» Неля выскочила к воротам и через секунду вбежала в комнату бледная, с расширенными от ужаса глазами:

— Мамочка, фашисты! На улице танки. Как же мы, мамочка? — Неля обняла мать, прижалась к ней.

Евдокия Ивановна молча гладила Нелю, а сама растерянно смотрела в окно.

Нелин любимец Джульбарс лизнул своей хозяйке ногу и тихонько заскулил.

Неля наклонилась к нему, взяла за голову:

— Тебе тоже страшно, Джульбарс?

* * *

Женя и Валя читали приказ верховного главнокомандования немецкой армии о регистрации коммунистов и комсомольцев.

— Подумаешь, приказывают! — процедила сквозь зубы Женя. — Дураков нет на регистрацию идти. Давай всем говорить, чтоб не ходили на регистрацию?

— А может, подождем? Ты сама доказывала несколько дней назад, что нужна выдержка,— как-то неуверенно возразила Валя.

— Медлить нельзя, понимаешь? Мы будем выжидать, а люди уже пройдут регистрацию и попадут в гестапо. Это ж точно! Давай сегодня же приниматься за дело! Листовки напишем.

— Давай! — согласилась Валя.

Небольшой домик Плугаревых на окраинной улице обнесен высоким забором, и чужому глазу не видно, что делают его обитатели. Подруги закрыли калитку. Во дворе никого.

— Иди в сарай, а я сейчас приду,— сказала Валя.

Через несколько минут она принесла тетрадь, две ручки, чернильницу. Села на дрова и молча стала вырывать листы из тетради.

Подруги взяли ручки, посмотрели друг на друга, задумались...

Долго обсуждали, что писать. Ох, и трудно же составить маленькое обращение! Они понимали, что каждое слово листовки должно иметь какую-то особую силу. Но какие это слова?

Наконец что-то стало получаться.

— Ну, читай!

Валя наклонилась к Жене и стала читать шепотом.

— Знаешь, что? Давай добавим: «Трепещите, вражины! Мы отомстим за все!»

Договорились расклеить листовки в тот же вечер.

— А что, если нас поймают, Женя?

— Да ты что, Валька? Я не узнаю тебя. Боишься — не ходи,— вспылила Женя, а потом уже мягче добавила: — Струсишь, завалишь дело и пропадешь. Я сама пойду.

— Ты не думай, что я слабая. Я все сделаю, Женя. Вот увидишь!

Приказ гитлеровского командования запрещал жителям города появляться на улицах после девяти часов вечера.

Женя надела серое платье, взяла сумочку, в которую положила пузырек с клеем, листовки, кисточку. До запретного часа она наклеила одну листовку недалеко от клуба и пошла в центр. На главных улицах было слишком много солдат, и она вернулась на улицу Пушкина. Прошла по Зоотехническому. За стеной сельхозинститута разговаривали немцы. Стало обидно: «Тут же госпиталь был! Тут она с подругами работала на кухне. Тут Глеб лежал... А теперь фашисты хозяйничают».

Женя ускорила шаги. В Зоотехническом переулке жила ее подруга по ремесленному училищу — Аня Петрова. У нее она и решила заночевать.

Аня обрадовалась ее приходу. Женя принесла с собой прошлое, такое хорошее и светлое. Стали вспоминать учебу, друзей.

Разговаривая с Аней, Женя все время думала: «Сказать или не сказать?»

Решила молчать.

В одиннадцатом часу Женя снова вышла на улицу. Небо заволокло тучами. Легкий свежий ветерок шевелил в темноте листья деревьев. Улица пуста. Женя прислушалась и неслышно прошла несколько шагов от дома. На углу столкнулась с каким-то прохожим. Вздрогнула от неожиданности. Мелькнула мысль: «Конец»!

— Кто это? — шепнула Женя.

— Свой! — послышался такой же приглушенный ответ.

— Что вы здесь делаете?

— А вы?

Они стояли друг против друга и выжидающе молчали.

— Я к соседке. За валерьянкой,— нашлась Женя.— С мамой плохо!

Она испугалась этой встречи и словно ветер влетела в дом Ани.

— Ты что так долго? — тревожно спросила уже лежавшая в постели Анна.

— Я не даю тебе спать? Прости! Сейчас ложусь.

Утром, идя домой, замедлила шаги возле дома, где вчера вечером встретилась с незнакомцем. Какая-то молодая женщина читала другой:

«СМЕРТЬ НЕМЕЦКИМ ОККУПАНТАМ!

К КОМСОМОЛЬЦАМ И МОЛОДЕЖИ ОРДЖОНИКИДЗЕВСКОГО КРАЯ!

Немцы разрушают наши города, наши станицы и села, бесчинствуют в аулах. Немцы пытают стариков и старух, убивают детей, увозят на каторгу в Германию юношей и девушек, открывают в городах публичные дома.

...Товарищи комсомольцы и комсомолки! Уходите в подполье, создавайте партизанские отряды, диверсионные группы.

...Мы молоды и сильны, мы любим вольную и свободную жизнь. Мы воспитаны гордыми и независимыми. Немцы хотят нас сделать рабами. Но это им не удастся. Ответим немцам меткой пулей, острой шашкой. Смелостью и отвагой поможем Красной Армии нанести сокрушительный удар по гитлеровской грабьармии. Очистим от врага родную землю! В этом наш священный долг перед Родиной, перед партией большевиков.

Вперед, к победе!

Смерть немецким оккупантам!

Орджоникидзевский краевой комитет ВЛКСМ.
Прочти и передай другому».

Женя не шла, а будто летела на крыльях. Сердце радостно стучало: «Читают, читают, а потом осторожно передадут своим соседям!»

* * *

Городской комитет партии оставил для подпольной работы несколько небольших групп, которые возглавлялись опытными руководителями. Каждая группа имела свой район.

Штаб подпольщиков, находившийся на окраине города в усадьбе лесника Никодима Захаровича, освещала керосиновая лампа. На маленьком столике стоял радиоприемник. Чуть поодаль за пишущей машинкой сидел Николай Волков. Он размножал только что при-

нятую сводку Совинформбюро. Сбоку на топчане, застланном ковром, закрыв глаза, лежал Глеб.

Прошел примерно час. Зашелестели листы бумаги. Глеб посмотрел на брата.

— Я думал, ты спишь,— сказал Николай.— Давай сверим текст и можно идти. Вручишь сводки Костовому, Шульге. Слушай, а где твои знакомые девушки Женя и Валя? Так, кажется, их зовут?

— Так точно! — улыбнулся Глеб.— Думаю, что эвакуироваться они не успели.

— А адреса их знаешь?

— Угу. Женин.

— Надо дать им листовки.

Оба склонились над сводками, тщательно сверяя каждое написанное слово.

— Ты иди, а за тобой и я,— говорил старший Волков, помогая Глебу прятать листовки.

— Твоя вчерашняя встреча с полицаем Подушкиным меня серьезно тревожит. Не ходи сегодня, Николай. Я разведаю все, вернусь, тогда решим, как быть.

— Глупости все. Не могу я сидеть тут, как крот. Надо действовать. Чем больше мы уничтожим фашистов, тем ближе наша победа.

Перед оккупацией братьев вызвали в горком партии и вели беседу о подпольной работе, рассказали, как надо действовать. Вот почему они ничего не скрывали друг от друга.

— На очереди такие серьезные операции,— продолжал Николай,— взорвать штаб... разобрать железнодорожный путь у Чертова яра, чтобы фрицы и щепок не собрали от своего состава с боеприпасами.

Улица, где был домик лесника, подходила к самому лесу. Еще в начале июля Никодимом Захаровичем внезапно овладела страсть к строительству. Соседи диву давались. Вот так старый красный партизан! Люди все обжитое бросают, а он строиться вздумал. Тип!

А Никодим Захарович на вопросы любопытных отвечал:

— Сенник для своих коз делаю. Сенник, дорогие соседушки...

Никодим Захарович и правда соорудил пристройку к дому. Он сложил стены, вырыл подвал, проделал подземный ход в сарай. В работе ему помогал какой-то ве-

селый, беловолосый человек, которого Никодим Захарович отрекомендовал соседям квартирантом. Наедине старик в шутку называл его «прорабом». Это был Николай Волков, рабочий завода, коммунист.

Ночами, когда крепким сном спали соседи, лесник вывозил землю подальше от дома, в яр. Так на случай оккупации города под домом Никодима Захаровича было подготовлено место для главного штаба подпольной организации.

Через час после ухода брата Николай Волков, стараясь не обращать на себя внимания прохожих, шел в город.

На явочной квартире, что была недалеко от полотна железной дороги, сказал молодой миловидной женщине:

— Рая, я положил взрывчатку в сарай. Ванятка приходил?

— Да.

— Не обнаружил себя?

— Думаю, что нет.— Рая внимательно посмотрела на Волкова, настойчиво предупредила:

— У меня задерживаться нельзя. Уходи... Через дворы на соседнюю улицу.— Подпольщица не знала настоящей фамилии Волкова, да и не старалась узнать ее. Он выполнял задание так же, как и она.

Николай решительно шагнул к выходу. Но только взялся за щеколду, как в квартиру ворвались фашисты и полицаи.

— Хенде хох! — заорал гитлеровец и навел на Волкова дуло автомата.

Волков выстрелил из пистолета в лицо фашисту. Тот упал. На Николая сразу набросилось несколько гитлеровцев. Полицаи скрутили руки хозяйке квартиры, злобно приговаривая:

— Коммунистическое кодло собираешь тут!

Обоих выволокли на улицу, бросили в машину и повезли в гестапо.

На третьи сутки Глеб узнал о Николае, узнал, что его уже нет в живых.

Он пришел к Жене похудевший, бледный, небритый.

— Что случилось, Глеб? — кинулась к нему встревоженная Женя.— На тебе лица нет.

Глеб искоса посмотрел на мать Жени, на больного отца.

Женя поймала его недоверчивый взгляд:

— Не таись. Папа партизан гражданской войны, а мама лишнего слова не проронит.

— Брата моего, Николая, замучили в гестапо.

— Крепись, сынок,— тихо отозвался Кузьма Иванович.— Война есть война, и наша доля мужская такая. В гражданскую, знаешь, сколько беляки моих друзей порубали! А я злее становился. Мсти и ты окаянным фашистам.

Женя подошла к Глебу, сжала руку в локте.

— Проводи меня, Женя.

— Хорошо, Глеб.

Шли молча.

— Жень!

— Что?

— Поможешь мне?

— В чем?

— За брата... И, знаешь, поговори с Валей. Как она, крепкая? Нам помощь нужна.

— Да, да, конечно. Я и с Нелей поговорю,— горячо отозвалась Женя.

— С Нелей пока подожди. И втроем — ты, я, Валя — встретимся. На нейтральной полосе.

— Что это значит?

— А это значит, что ни у тебя, ни у Вали, ни у меня. Где-нибудь под носом у фрицев. Ну, скажем, на скамейке у клуба.

Глеб перехватил недоверчивый Женин взгляд.

— Ну, у какого-нибудь двора на скамейке.

— Согласна, Глеб. На Валиной улице. Там фрицы почти не живут.

Втроем они сидели на стволе поваленного дерева и вели тихую беседу.

— Наша работа, девочки, будет заключаться не только в расклеивании листовок и сводок. Мы должны собирать точные сведения о расположении противника. Хорошо бы кому-нибудь из вас устроиться в фашистский штаб и добывать оттуда кое-что из бумаг — предписаний. Найдется ли спокойная, смелая и умная девушка, такая, чтобы не выдала нас?

— Найдется,— сказала Валя.

— Неля Белявская! Да? — воскликнула Женя.

— Поговорите с ней о работе в штабе. Проникнуть туда трудно, но надо попытаться... Ей обо мне ни слова. Она будет знать только вас.

Глеб назвал девочкам объекты, за которыми нужно вести наблюдение, дал адрес явочной квартиры, назвал дни, в которые можно туда приходить, вручил свежую сводку Совинформбюро для распространения в городе.

После того как Глеб ушел, девушки уже хотели разбежаться по домам, но Валя заметила двух мальчишек. Посредине улицы они тащили вязанки хвороста, подняв пыль столбом. Валя присмотрелась к ребятам:

— Сережа! Сеня!

Сережа подбежал к Вале; обрадовался и встрече с вожатой, и тому, что она жива и невредима.

— Валя, здравствуй! — Оглянулся назад, посмотрел по сторонам и, убедившись, что немцев нет, тихонько произнес:

— Будь готов!

— Се ре-жка-а! — Удивленная, оглушенная мальчишечьей доверчивостью, Валя прижала его к себе, затем пристально посмотрела в серьезные глаза и так же тихо ответила:

— Всегда готов! — и спросила взволнованно:— Сережа, даже теперь ты чувствуешь себя пионером? Не забыл?

— Забыл?!— Сережа нахмурил светлые брови, затем вскинул глаза, посмотрел на Валю: — Мы с Сенькой просто в подполье ушли... а не забыли...

— Сережа, кто остался в городе?

— Да все ребята.

— А зачем вы лес рубите?

— Это не для себя. Это мы для одной тети.... Она заболела. У нее маленький ребенок, а муж на фронте фрицев лупит. Вот мы и помогаем ей.

— Молодцы! А чем вы еще занимаетесь?

— Сеня, покажи,— попросил Сережа.

Сеня вытащил из кармана небольшой фонарик и протянул Вале.

— Это мы у фрица взяли... в машине нашли.

— Фонарик — вещь неплохая,— сказала Валя,— но рисковать из-за такой игрушки не стоит.

Женя до сих пор стояла в сторонке молча, а тут не выдержала:

— Очень вы хорошее дело делаете, что помогаете семье фронтовика. А фонарик — чепуха! Ребячья игрушка!

Мальчики сникли и молча глядели себе под ноги.

Валя сделала знак Жене, чтобы та ушла.

Когда они остались втроем, она заговорщицки предложила:

— Ребята, давайте соберемся по цепочке?

— Давайте! — радостно подхватил Сережа.— А куда приходить?

— Ну, хотя бы к моему дому. Только помните — сейчас другое время, кругом враги. Лютые! Вы это понимаете сами. И по цепочке надо созывать неболтливых ребят. Чтоб даже под страхом смерти не выдали врагу нашу с вами тайну.

— Мы понимаем,— Сережа взглянул на Сеню, как бы ища подтверждения.

Уточнили день и час сбора.

* * *

Первое сентября... День начала учебного года. Там, по ту сторону фронта, школьники сегодня сядут за парты. А здесь, на оккупированной врагом земле, они могут только мечтать об учебе... Возьмут в руки учебники, посмотрят и, вздохнув, положат их на этажерку.

Валя пришла к Неле.

— Пойдем хоть посмотрим нашу школу,— предложила она.

Зашли за Женей. Через полчаса были у школы. Подошли и обмерли: школу фашисты превратили в конюшню.

— А еще хвастаются своей культурой!— гневно прошептала Валя.

К девочкам подошел часовой с автоматом в руках.

— Вэк!— махнул он оружием в их сторону.

— Сам «век»! Влез в нашу школу да еще и прогоняешь,— тихо обронила Валя.

Молча повернули назад.

— Такая злость, такая злость берет,— со слезами говорила Неля.

— Злостью и слезами тут не поможешь,— жестко прервала ее Женя.

— А что же делать? Что?

— Что делать? Например, достать сведения о передвижении фашистов, их планы.

— А что делать с этими сведениями? Партизан в городе нет,— возразила Неля. Хоть и достанешь, а передать-то некому.

— Ты говоришь так, как будто у тебя уже есть сведения,— улыбнулась Валя.

— Сведения можно бы достать.— Неля грустно покачала головой.— Этот рыжий Рихард Шмидт, квартирант Дарьи Петровны, соседки, звал меня работать уборщицей в штабе. Наверно, там можно достать сведения...

— Ну, а ты что этому Шмидту ответила?— взволнованно спросила Валя.

— Что я отвечу? Сказала, что больна. В самом деле, не могу же я быть поломойкой у врагов. Лучше умру с голоду, чем на них работать!

— А если понадобятся планы, о которых мы говорили, тогда пойдешь?

— Если нужно, пойду.

— И хныкать не будешь? — спросила Валя.

— Не буду!

Во дворе Белявских сели на низенькую скамейку под деревом.

Женя заговорила первой.

— Ты, Неля, иди. Не отказывайся. Но прежде дай нам честное комсомольское слово... Да, ты ведь не комсомолка! — спохватилась она.— Ну, дай самое честнейшее слово советской школьницы, что о нашем разговоре никто никогда не узнает.

Неля обиделась:

— Вы знаете меня не один год, знаете, если я что пообещала — выполню. Вам торжественная клятва нужна? Даю! Даю свое честное советское слово, слово советской школьницы, что этот разговор и наша тайна умрут вместе со мной.

Глаза Нели, почти всегда веселые, смеющиеся, были по-взрослому серьезны. По ее лицу словно прошла тень. И, быть может, в эту минуту Неля переступила грань беззаботного отрочества.

— Если будет возможность, узнай, где хранятся секретные документы, сделай слепок с ключа,— сказала Женя.

Теперь Неля заискивала перед Шмидтом. Вечером она вышла из дома, села на скамейке с томиком Чехова, но содержание рассказа не воспринимала. Она вся превратилась в слух. Наконец во двор вошел Шмидт. Неля подняла голову, улыбнулась:

— Добрый вечер, Рихард!

Шмидт с видимым удовольствием заговорил с красивой белокурой «медхен», мешая русские слова с немецкими.

— Добрый вечер, Неля. А добрый ли?

Не понимая, к чему такой вопрос, Неля удивленно приподняла черные брови, в упор глянула на немца.

— Почему так спрашивает Рихард?

— Кушать нет?

— Нет.

— Работа надо! — сказал утвердительно немец.

— Надо,— покорно вздохнула Неля.

— Штаб есть работа. Пол...— он не знал слова «вымыть» и показал это руками.— Стол...— смахнул рукой воображаемую пыль.— Легкий работа. Красивый девочка дойч зольдат любиль. Хлеб эссен, шоколад.

— Спасибо, Рихард. Пожалуй, я пойду работать. Завтра вдвоем пойдем. Составишь мне протекцию,— засмеялась Неля.

— Гут! Зафтра,— сказал Рихард и ушел в дом.

Вначале за ней следили. При уборке комнат обязательно присутствовал дежурный солдат. Но прошло немного времени, и подозрения фашистов рассеялись. Неля работала быстро, аккуратно. Никто не видел, как в ведро с грязной водой часто падали ее слезы. Дежурный стоял для порядка, не глядя на Нелю.

Однажды ее вызвали в штаб в неурочное время...

— Бегу,— рассказывала она потом подругам,— а сама думаю: «Зачем это я им понадобилась?» Прихожу, а там лоск наводят, и через два слова на третье только и слышишь: «Шеф, шеф...» Убираю, а в голове стучит: «Парочку гранат бы сюда, чтобы от вас вместе с вашим шефом одни клочья остались...»

Стала мыть пол в кабинете. Смотрю: ключ! Видно, начальник штаба впопыхах на столе оставил... А у меня воск в кармане всегда наготове. Сделала слепок! — Неля даже зажмурилась.— И только за тряпку взялась,

влетает офицер. Опоздай я на минуту — несдобровать бы мне.

Вскоре Женя вручила Неле точную копию штабного ключа. Втроем гадали: куда его лучше прятать? Пришили изнутри к поясу Нелиной юбки пуговицы и крепкой тесемкой привязали ключ.

— Кто вам сделал этот ключ, девочки? — допытывалась Неля. Но на ее вопрос подруги давали всегда один и тот же сдержанный ответ:

— Помни: в городе есть подпольная организация и ты являешься ее членом. Больше ни о чем не спрашивай.

* * *

Сегодня к дому Вали Плугаревой соберутся пионеры. Ребята будут приходить по одному, по два, чтоб меньше было заметно. А когда соберутся, начнут игру в испорченный телефон — так договорились.

Валя смотрела в окно и видела, кто приходил. Вышла она неожиданно. Для вида накричала на них:

— Чего расшумелись тут? А ну-ка угомонитесь!

Вокруг ни души, словно и не жил никто на этой улице. Валя села в середину и тихонько сказала:

— Ребята, хорошие мои, как вы сейчас?

В наступившей тишине было слышно, как кто-то шмыгнул носом.

— Миша Колесников, что с тобой?

— Кто-то донес, что мой папа командир Красной Армии,— голос Миши срывался.— Ну, к нам ворвались три фашиста. Обыскивали. Мама молчала, а сестренка Галя лежала в кроватке. Ей три года. Она болела и вскрикнула. А фашист стал расстегивать кобуру. Я выскочил из комнаты. Услышал выстрел. Мама закричала громко-громко... Я спрятался во дворе, а когда фрицы ушли, побежал домой. Галя лежала в кроватке... убил он ее...

Миша замолчал. Ребята тоже примолкли. Потом Сеня сказал:

— А я видел, как эсэсовцы перестреляли кур в соседнем дворе, а потом избили бабушку Ползунову и заставили ее варить суп.

— Меня самого чуть не избил эсэсовец. Я шел по улице, он возле меня на велосипеде проехал и как за-

махнулся на меня рукой.— Это говорил маленький смуглый Петя Гарбузов.

Когда очередь дошла до Сережи, он рассказал, что портит провода вражеской связи, прокалывает покрышки на машинах. Потом, немного помолчав и, видимо, решив быть до конца откровенным, добавил, что вытащил у сонного гитлеровца браунинг.

— Что же ты думаешь делать с оружием? — встревожилась Валя.

— Стрелять в фашистов,— даже удивился такому вопросу Сережа.

— Ты принеси браунинг мне. Я передам оружие в надежные руки.— Валя беспокойно оглядела ребят.— У кого еще есть оружие?

Оружия больше ни у кого не было.

— Не надо вам, ребята, стрелять. Вы лучше помогайте семьям фронтовиков, которые нуждаются, ну, скажем, в топливе. Разве вам трудно принести из лесу дров? Или воды кому-то?

— Не трудно!

— Ну, вот и действуйте. Так вы больше поможете И вот еще что: держите друг с другом связь. Ясно?

Ребята согласно кивали головами.

— А сейчас потихоньку расходитесь. Ты, Сережа, задержись на минутку.

Когда все ребята отошли от скамейки, Валя тихо сказала:

— Сейчас я тебе вынесу листовки... в черпаке. Сделай вид, что пьешь из него воду, а сам спрячь листовки за пазуху. Незаметно раздай их ребятам. Наклейте где можете. Только осторожно чтобы. Не сможете осторожно, лучше не беритесь.

— Сделаем все точно,— сверкнул глазами Сережа.

Вечером пионеры пробирались в соседние дворы, расклеивали листовки на вражеских машинах, как советовала Валя, на стенах домов. Ваня и Сеня ухитрились наклеить листовку даже на здание, где печаталась фашистская газета.

Утром, ничего не подозревая, гитлеровские офицеры садились в свои машины, разъезжали по городу, останавливались у штаба, на бульваре, у ресторанов. Беленькие бумажки на кузовах машин привлекали внимание прохожих. Шофер, дремавший в «оппеле», вдруг

вскочил, вытянулся. Из ресторана вышел офицер. Он тоже заметил листовку и начал читать по складам, ломая русский язык. Дойдя до слова «партизаны», офицер побагровел. Сорвал бумажку, сунул ее под нос шоферу, крича какие-то ругательства.

...Все обошлось благополучно у Сени Дмитриева и Миши Колесникова. Наклеив последнюю листовку, друзья шли по улице. Вдруг Миша остановился и крепко сжал Сенину руку. Тот смотрел на товарища: — Это он! Это он убил Галочку! — шептал мальчик.

Мимо прошел здоровенный эсэсовец в черном костюме.

— Давай узнаем, где этот гад квартирует,— предложил Сеня.

— Идем,— ответил Миша и бросился бежать вслед за гестаповцем.

— Мишка, не беги, нельзя так! Иди спокойно. Не бойся: мы не выпустим его из виду.

Гестаповец свернул в переулок и вошел в ворота. Во дворе оказалось несколько домов, и друзья не знали, в какой из них вошел фашист.

Но на дворе играли мальчишки, Миша с Сеней решили завести с ними знакомство.

— Сколько у вас машин! Вот здорово! — сказал для начала Сеня.

Самый старший из ребят презрительно посмотрел на него.

— Нашел чему завидовать, дурак! Чтоб они, эти машины, все сгорели,— и отвернулся.

— А ты не задирайся! Скажи лучше, где этот гестаповец живет, что сейчас прошел.

— На что он мне, этот гестаповец? Не знаю.

— Ребята, мы же хотим познакомиться с вами,— примиряюще сказал Миша.

— Ну, так бы и сказали, а то фрицевские машины начали хвалить. Про гестаповца расспрашиваете... Нужен он... Тебя как зовут?

Ребята быстро перезнакомились. Парня, с которым Миша начал разговор, звали Виктором. Виктор оказался общительным. Быстро рассказал несколько историй, какие случились с ним в последнее время.

— А вчера,— приберег он под конец самое интерес-

ное,— мы с мамой ходили в лес, и я гадюку видел. Настоящую, понял? Вот страшно.

— Чего страшного,— перебил его Сеня.— Гадюку можно голыми руками взять! Только знать надо, как. За голову ее берут, понятно?

— Голыми...— обиделся Виктор.— Посмотрим, как ты возьмешь ее голыми. Я покажу тебе, где она живет. Посмотрим...

— Покажешь?

— Покажу.

— Слово?

— Честное!

— Ребята, будьте свидетелями.

— Да хоть сейчас идем!

— Нет, надо посуду для нее приготовить.

Ребята опять громко засмеялись.

— Змею в посуду задумал ловить.

Теперь обиделся Сеня:

— Я вам правду говорю. Я в школе членом зоологического кружка был...

Новые знакомые расстались друзьями. Условились встретиться завтра. Выйдя на улицу, Миша зашептал Сене:

— Знаешь, что мы сделаем? Мы этому эсэсовцу покажем! Ух, мы ему дадим! Ему во сне не снилось! Мы на него напустим гадюку! Пойдем сейчас в лес, нарежем лозы и закажем моему дедушке Луке сплести такой особый садок, чтоб гадюку поймать... Дед, знаешь, какой мастер корзины плести?!

Раскрасневшиеся, с пучками лозы, ребята лишь к трем часам вернулись домой.

— Где ты был? — спросила Мишина мать.— Я все глаза проглядела.

— В лесу, мама. Ты не ругайся, у нас дело важное,— улыбаясь, объяснил Миша.

Мать поставила каждому по тарелке пшенной каши. Проголодавшиеся ребята не заставили себя упрашивать. Рты их были набиты, когда в комнату вошел дедушка. Длинная седая борода и голубые глаза делали его похожим на кудесника.

— Дедусь, исполнишь нашу просьбу? — спросил Миша.

— Что еще задумал, пострелёнок?

— Сплети мне из лозы садок. Такой, чтоб закрывался крышкой.

— Зачем тебе это?

— Очень нужно, дедушка! Я после расскажу.

— А лоза есть? — спросил дед.

— Есть!— в один голос ответили мальчики.

— Ну тогда сделаю,— пообещал старик.

* * *

Глеб склонился над картой Северного Кавказа. Осторожно касаясь карандашом бумаги, он провел черту и остановился на синеватой извилистой линии реки. Женя и Валя внимательно наблюдали за движением карандаша.

— Видите реку? Здесь, в селах, расположены карательные отряды врага, которым партизанский отряд «Сокол» наносит чувствительные удары. В этом селе,— карандаш остановился на одной точке,— на окраине, по Московской улице, в доме номер одиннадцать живет Степанова. Остановитесь у нее. О том, что к ней могут прийти, она знает. Дальше все будет зависеть от вас. Любыми путями связывайтесь с отрядом, который поможет доставить пакет по назначению. Помните, что провал задания грозит гибелью. Будьте очень осторожны.— Он помолчал, а потом спросил: — Две недели вам достаточно?

— Мы не знаем, сколько времени это займет. Незнакомая ж дорога.

— Буду ждать вас к десятому октября. Постарайтесь вернуться в срок.— Он открыл дверцу духовки, сунул руку в прогоревшее отверстие и вынул оттуда небольшой серый пакет.

Валя и Женя стояли рядом. Глеб внимательно посмотрел на обеих. Они совсем разные: маленькая смуглянка Валя, с нежным румянцем щек и темными глазами, Женя—крупная, с черными вразлет бровями и энергично очерченным ртом.

Глеб крепко обнял подруг на прощанье.

— Желаю успеха и доброго пути, девочки!

Выйдя за полотно железной дороги, Валя и Женя упросили случайно встретившегося шофера-немца подвезти их. Ехали долго по опустевшей серой степи. У какого-то села шофер сказал: «вэк». И подруги, взяв из

кузова свои пожитки, пошли наугад. У встречной женщины расспросили дорогу.

К вечеру, усталые, добрели до нужного им села. Вот они уже возле дома номер одиннадцать на Московской улице. На стук вышла пожилая женщина, окинула девочек острым взглядом.

— Тетя Катя, мы к вам в гости. Можно?

— Заходите.

Положив вещи на пол, девочки попросили пить. Потом расстегнули пальто, сняли платки. Хозяйка и гости глазами изучали друг друга.

— А мы из города,— объяснила Валя и сказала пароль.

Тетя Катя согрела воды, дала подругам умыться, накормила ужином и уложила на давно пустующую кровать сына.

Тихо в селе. Часовой охраняет дом, где безмятежным сном спит комендант. Двенадцать шагов от крыльца до угла дома и обратно. Только он сделал очередной поворот, как что-то со страшной силой ударило в затылок. Выронив автомат, часовой тяжело рухнул на землю. Партизаны проникли в дом коменданта. Яркий свет электрического фонарика упал на кровать. Комендант провел рукой по лицу и открыл глаза. Ужас исказил его лицо.

— Партизанен? — прошептал он, заикаясь.

— Получай, что заслужил! — ответили ему.

Бесшумно был снят часовой и у дома старосты. На труп гитлеровского холуя партизаны надели дощечку с надписью: «Смерть предателю».

Восемь отважных мстителей возвращались в отряд.

— Товарищ командир, разрешите на минутку отлучиться домой. Я догоню,— попросил один из них.

— Только не задержись, Алексей. Ждем тебя за мостом.

Низко пригибаясь к земле, Алексей Степанов пересек улицу. Постучал. Тетя Катя, а за нею испуганные девушки прильнули к окну.

— Мама, открой! — тихонько сказал Алексей.

Женщина метнулась к двери, осторожно сняла засов и впустила сына. Юноша обнял ее.

— Кто это у тебя? — шепотом спросил он, заметив смутно видневшиеся фигуры подруг.

— Это девчата из города, Алеша. Дело срочное у них к вам.

Пока тетя Катя рассовывала по карманам сына сало и сухари, Алексей решил:

— Хорошо. Идемте, девочки. Только тихо, без малейшего шума. У моста подождете. Я доложу о вас командиру.

Далеко ушли партизаны от села. Сделали короткий привал и снова продолжали путь к своей базе. Прибыли благополучно. Руководитель группы доложил командиру об удачном выполнении задания. Женя вручила переданный Глебом пакет.

Через несколько дней подруги возвратились домой. Трудное, опасное задание было выполнено.

Вернулись они так же неожиданно, как и исчезли.

— Нашлись! Где же вы пропадали? Я так переволновалась! Где вы были? — Неля потащила Валю во двор.

Валя ответила уклончиво:

— Далеко были... Тебе, Неля, оттуда тоже передали партизанский привет.— Она замолчала, хотя ей хотелось многое рассказать. Неля вначале не поняла, а потом ее лицо просветлело, и она зашептала:

— Расскажи, Валя, хоть немножечко! Ну, что можно, расскажи.

— Именно только немножечко... Мы выполняли большое ответственное задание...

Неля приготовилась слушать, но Валя больше ничего не сказала.

Вечером того же дня к Вале пришли Миша и Сеня.

— Валя, мы пришли... мы пришли...— заговорили они, перебивая друг друга,— мы принесли... Вот возьми, спрячь!

Миша сунул Вале в руку тяжелый сверток, перевязанный шпагатом.

— Это пистолет того фрица, который Галочку убил... Может, ему за потерю оружия достанется! А еще, знаешь, мы хотели пустить к нему в машину змею, чтобы укусила его. Пошли в лес, думали гадюку поймать... Да тут вот он,— Миша кивнул в сторону Сени,— вспомнил, что в октябре гадюки замирают...

— Значит, действуете? — спросила Валя.

— Действуем? — по-боевому ответили мальчики.

— Ребята, передайте Сереже, чтоб зашел ко мне. Есть одно важное дело для вас всех. Вы давно были на Нижней улице?

— Нет, недавно,— сказал Сеня.— А что?

— Видели лозунг на стене ремесленного училища?

— Видели!

— Так вот этот лозунг надо переделать. Как, я расскажу Сергею, а потом вы все вместе этим займетесь!

* * *

Неля пришла на работу вечером. В помещение ее впустил дежурный солдат. Она всегда начинала уборку с дальних и главных комнат и кончала прихожей. Солдат, дремавший на веранде, не обратил внимания на уборщицу. А Неля, напевая песню, осторожно повернула ключ и отперла сейф. В зеленой папке под аккуратно сложенными бумагами лежал вскрытый пакет с большими сургучными печатями. Секунду Неля раздумывала: взять или не взять? Схватила его и быстро закрыла сейф. Голос ее задрожал, песня оборвалась. Неля спрятала твердый конверт на груди и снова принялась за работу. Быстрыми, нервными движениями она домыла площадку у входной двери и, сказав дежурному, что завтра рано утром придет мыть стекла, ушла.

Евдокия Ивановна заметила, что дочь необычно бледна.

— Что, опять соседи сказали что-нибудь обидное?

— Нет, мама, ничего.. Я схожу к Жене.

Евдокия Ивановна разрешала Неле уходить на целые дни к подруге и даже ночевать у нее. Там девочка не слышала, по крайней мере, оскорбительных насмешек соседей, упрекавших ее в прислуживании врагу. Комендантский час ее не страшил, у нее был надежный пропуск — «аусвайс».

— Нелечка, на тебе лица нет. Что с тобой? — встревожилась Женя.

— Я испугалась своей собственной смелости и никак не могу прийти в себя. Пойдем, Женечка, во двор, я тебе все расскажу.

Сели под акацией на низенькую деревянную скамейку. Женя молчала, ожидая, что скажет Неля.

— Я взяла из сейфа пакет с сургучными печатями,

а теперь вот, видишь, боюсь. Мне бы скрыться куда-нибудь.

— Подожди, я Валю позову. Она у меня ночует.

— Может, здесь просто личное дело какого-нибудь важного фрица? — сказала Валя.

— Не знаю. Если здесь что-нибудь серьезное, снимите копию. Утром я положу пакет на место. Идите скорей к вашим товарищам. Только на патруль не наткнитесь.

Женя и Валя ушли. Когда они были на окраине города, до их слуха донесся ровный рокот моторов. Они подняли голову, но ничего не увидели в ночном небе. Самолет сбросил бомбы. В центре города поднялся столб огня и дыма.

— Наши бомбят казармы!

— Да, да, Валька, наши! Это наши! — Женя схватила Валю за плечи, прижала к себе.

Пакет передали Глебу.

— Если что важное, сфотографируй быстро, а то Неля ждет — рано утром его надо положить на место.

— Есть срочно сфотографировать! — козырнул весело Глеб.

В своей подземной квартире Глеб осторожно вынул из пакета глянцевую шуршащую бумагу. На немецком языке в ней было написано о том, что гитлеровское командование назначило на 29 декабря в Пятигорском городском театре совещание офицеров северокавказской группировки.

— Здорово! — восхитился Глеб. — Это поважнее тех объектов, о которых мы прежде сообщали. — Он несколько раз щелкнул фотоаппаратом.

— Возвратите Неле пакет, — сказал Глеб, вернувшись к подругам, — и поблагодарите ее. Она рисковала не напрасно! Очень важные бумаги. И готовьтесь к путешествию, девушки.

— Опять? — спросила Валя.

Глеб молча кивнул головой.

* * *

Снова приготовления в путь.

— Вы что, опять исчезаете? — взволновалась Неля.

Последнее время чувствовалась ее нервозность. Она чуть не попалась с пакетом, когда клала его на место. Хорошо, что в руках была смятая газета, которой она

протирала насухо стекла. Но колючий взгляд офицера, едва не заставшего ее на месте преступления, преследовал ее всюду.

— Исчезаем, Нелечка. Да ты не беспокойся, и у тебя и у нас все будет хорошо. Ты, смотри, сама себя не выдай,— наказывала Женя.

В последний вечер, который они проводили дома, Вале особенно хотелось встретиться со своими пионерами. Но ее воспитанники были в это время заняты тем серьезным и рискованным делом, которое она сама им подсказала.

На здании ремесленного училища оккупанты написали наглый лозунг: «Наша победа — ваша свобода».

Была ночь. Двое — Сеня и Ваня пробрались к ремесленному училищу, а Сережа и Петя забрались на крышу углового дома. Это был наблюдательный пункт. Отсюда, оставаясь невидимыми, мальчики в любую минуту могли предупредить своих товарищей об опасности.

Ваня высокого роста. Сейчас это было очень кстати. Чуть согнув спину и крепко упершись в коленки руками, он сказал:

— Лезь!

И Сеня ловко вскарабкался ему на плечи. Потом вытащил из кармана скребницу и стал усердно сдирать первые буквы слова «победа» — «п» и «о». Черная краска и кусочки извести сыпались на голову. Вдруг с крыши раздался пронзительный свист друзей. К воротам училища шли гитлеровцы — офицер и несколько солдат. Сеня спрыгнул, но неудачно: упал и больно ушиб правое колено.

— Бежим! — прошептал Ваня и первый бросился в соседний двор. Сеня поднялся и тоже побежал, но в это время услышал за собой топот. Чья-то рука схватила его сзади за воротник куртки.

— Швайне! — задыхался от злобы фашист. Он уже поднял кулак, но тут его сбили с ног подоспевшие на выручку Сережа и Петя. Сеня оглянулся и успел увидеть лишь подошвы грубых солдатских ботинок.

На следующий день граждане города заметили, что фашистский лозунг на здании резко изменил свой смысл: «Наша беда — ваша свобода», — читали люди.

— Правильно! — говорили они.— Будет вам беда, как придет Красная Армия!

Четверка дружных ребят шныряла мимо, с гордостью поглядывая на свою работу.

Путь был бесконечно далекий. Приходилось почти все время идти пешком. Если раньше вражеские машины шли к фронту, то сейчас больше ехали в обратную сторону. К ночи подруги, усталые, голодные, с трудом добирались до селения и засыпали крепким сном, а утром снова уходили в бескрайнюю степь.

В первые дни девочки держались бодро. А потом Валя начала сдавать. Она отставала, просила Женю сесть отдохнуть вместе с ней. Буланова смотрела в лицо подруги и видела, что глаза ее воспалены

— Что с тобой, Валюша?

— Не могу идти. Что-то знобит И ноги болят.

— Дай мне руку, крепись. Скоро доберемся до жилья, я вылечу тебя.

С трудом добрались до ближайшего села. Попросившись на ночлег к старушке, Женя сняла с подруги старые разбитые туфли, чулки и увидела на ступнях огромные волдыри. Старушка принялась домашними средствами лечить Валю. Меняя компрессы, она приговаривала:

— Доченька, да как же ты шла? Это ж страдания какие!

Ночью у Вали поднялась температура Это задержало разведчиц. Когда ей стало легче, уехали на попутной машине.

В селе, куда шли, их ждала еще одна неприятность. Дом номер одиннадцать на Московской улице был разрушен.

Как быть? Как связаться теперь с партизанским отрядом? И подруги приняли решение: остановиться у кого-нибудь под предлогом, что пришли менять вещи на продукты, подождать два-три дня, пока окрепнет на реке лед — морозы стояли сильные, и самим по льду перейти к нашим.

Темной декабрьской ночью они решили идти.

Дул холодный ветер. Шумели камыши В этом шуме даже чуткому уху трудно было расслышать шаги разведчиц.

Преодолев самую опасную часть пути, они остановились у берега. Помедлили Выдержит ли их лед?

Тучи закрыли луну. Девочки, согнувшись, пошли.

Валя впереди, Женя левее, позади. Когда они были посередине реки, с немецкой стороны в небо взвилась ракета. Девочек обнаружили. Страшно и противно завыли мины, застрочили автоматы. Подруги ползли, подгоняемые страхом и стрельбой. Добрались до берега. Лежа в камышах, отдышались.

— Наконец-то у своих! — прошептала Валя, все еще дрожа от страха.

— Ползи! Ползи! — подгоняла Женя.

Наши бойцы давно уже видели, как приближались две фигурки. Когда девочки свалились прямо в траншею, бойцы подбежали к ним.

В блиндаже, куда их привели, тускло горела коптилка, освещая небольшой, сколоченный из досок столик, за которым сидел командир.

Боец доложил:

— Две неизвестные гражданки с той стороны, товарищ капитан. Прямо к нам в окоп свалились.

— Можете идти,— сказал командир.

— Замерзли? — спросил девушек.

— Очень! — ответила Женя.

Капитан налил в кружки немного спирту, подвинул к подругам хлеб, колбасу. Женя и Валя отказались от спирта и набросились на хлеб и колбасу.

Капитан молча следил за ними, потом улыбнулся:

— Как вы сюда попали, девушки? Мачеха падчерицу и то не выгонит в такую непогодь.

— Разведчицам такая погода на руку,— ответила Женя.

— Разведчицы? Откуда?

Женя назвала свой город.

— А куда же и к кому вы идете?

— Нам нужен комиссар,— ответила Женя.

— Ишь ты, комиссара вам!

Раскрасневшиеся в тепле, подруги все рассказали о себе, о своем городе, о людях, упорно ведущих подпольную борьбу с врагом.

Близилось утро. С часу на час враг мог начать обстрел позиций. Капитан приказал отвести Плугареву и Буланову к комиссару.

Встреча с комиссаром корпуса состоялась в пять часов утра. Обстрел уже начался. Комиссар прочел письмо, ознакомился с фотокопией предписания гитле-

ровского командования о совещании в Пятигорске.

— Разрешите, товарищи, поблагодарить вас и вашу подпольную группу за ценное донесение, доставленное нам.— Комиссар пожал комсомолкам руки.— Вы заслужили хороший отдых... Может быть, совсем останетесь у нас? Тогда вместе будем освобождать ваш город.

— Нам приказано вернуться.

— Ну что ж, приказ есть приказ. Тогда вот что. Назад ваш рейс тоже не будет пустым. Мы передадим с вами пакет. А пока отдыхайте, набирайтесь сил.— Комиссар обнял девушек, вызвал бойца и распорядился, чтобы им организовали отдых.

В ночь, когда была назначена переправа, повалил густой пушистый снег. Разведчицы в белых халатах в сопровождении двух бойцов пробрались к берегу. Здесь простились, пожелали друг другу всего хорошего. Дальше ползли, держась на расстоянии одна от другой. Снег засыпал следы, но снег скрывал и полыньи на льду реки. Половина опасного пути пройдена. Враг молчал. Хорошо. Но вот в нескольких десятках шагов от немецких окопов провалилась под лед Валя. Женя подползла и подала ей руку, но не успела вытянуть Валю, как провалилась сама.

Девушки цеплялись за кромку льда. Лед обламывался. Так, в воде, обламывая перед собой лед, они добрались до берега. Женя первая почувствовала землю под ногами и потянула Валю. На берегу одежда моментально оледенела. Еле хватило сил добраться до первой хаты. Подруг впустил пожилой мужчина. Девочки бросились к горящей плите. Хозяин осмотрел их, ухмыльнулся и вышел за дверь. Подруги встревожились. Через несколько минут послышались тяжелые шаги, немецкая речь.

— Женька, жги пакет! — в ужасе прошептала Валя.

Буланова мгновенно бросила пакет в горящую печь. Широко открылась дверь. Хозяин дома, оказавшийся старостой, привел четырех гитлеровцев. Один из них подбежал к печке и выхватил уголок уже сгоревшего пакета. Другие, подталкивая автоматами, повели девушек в штаб.

Арестованных привезли в Ставрополь. Из машины первым вышел гестаповец, за ним Женя и Валя и снова конвойный. Подруги успели бросить взгляд на знако-

мую улицу... И нужно же такому случиться, мимо здания гестапо, взявшись за руки, проходили Миша и Сеня.

— Валя! — крикнул Миша, но дверь уже глухо захлопнулась.

Ребята остановились, растерянно глядя друг на друга.

— Бежим к Сережке!

Сергей нахмурил рыжеватые брови. Страшная весть о вожатой ошеломила его.

— Что ты молчишь? — спросил Миша.— Пока ты молчишь, их, может, там пытают.

Сережа строго, по-взрослому, посмотрел на товарищей:

— Надо бы рассказать об этом кому следует, но как? Где эти люди? Мы же не знаем, кто ее товарищи. Где их искать?

— Знаем, знаем, Сережа! — закричал Сеня.— Мы разшли с Мишей, когда было еще тепло, и видели ее с одним человеком... У него шрам на лбу. Помнишь, Миша?

Миша кивнул головой.

— А где мы будем искать этого человека? — спросил Сережа.— Город большой.

Три дня подряд пропадали из дому Сережа, Миша, Сеня, Ваня и Петя. Они бродили по улицам, всматривались в лица прохожих.

Сережа шел по Торговой. Надвинув на лоб ушанку, засунув руки в карманы, он устало поглядывал вокруг. За три дня бесполезных поисков он потерял надежду найти человека со шрамом на лбу. И увидел! Увидел, как прямо ему навстречу в черной потрепанной тужурке и старенькой курпейчатой шапке шел человек со шрамом у правого виска.

— Дяденька! — схватил его за руку Сережа.— Вы мне очень, очень нужны. Вы знаете Валю?

— Какую Валю? — холодно спросил Глеб.

— Комсомолку Валю Плугареву, нашу вожатую. Не отказывайтесь. Мы видели вас с ней. Ей плохо сейчас. Очень плохо. Ее в гестапо откуда-то привезли. Дяденька, помогите ей. Вы же ее товарищ,— умолял Сережа.— Я пионер. Я ничего никому не скажу. Только помогите ей вырваться оттуда. Ее замучат там...

Глеб равнодушно глядел на Сережу, ничем не выдавая своего волнения.

— Я не знаю никакой Вали. Ты ошибся, мальчик,— сказал он и, круто повернувшись, пошел прочь.

Сережа растерялся. Он ждал чего угодно, только не этой холодности и равнодушия. Зло посмотрев вслед уходящему Глебу, он махнул рукой.

— Ладно, без тебя обойдемся. Тоже мне... товарищ...— и пошел искать ребят, чтобы сообщить о своей неудаче.

А Глеб между тем торопливо вошел в квартиру маленького дома в тихом переулке. За все время подпольной работы это был первый случай, когда Глеб нарушил условный порядок встреч. Немолодой человек, хозяин квартиры, пристально посмотрел на Глеба: что-нибудь случилось?

— Женя и Валя в гестапо. Я сейчас смертельно обидел одного чудесного паренька, который сообщил мне об этом... Как быть? Как помочь девочкам вырваться оттуда? Гитлеровцы готовятся к отступлению. Они будут торопиться с расправой...

Собравшись в пустынном, запорошенном снегом саду у Сережи, пионеры совещались. Каждый предлагал какое-нибудь средство спасения вожатой. Уже не одно из них подвергалось коллективному обсуждению и тут же отклонялось.

— Ребята, давайте я что-нибудь сделаю такое, чтобы меня арестовали. А там увижу Валю и скажу о назначенном дне и часе, о веревочной лестнице,— предложил Петя Гарбузов.

Друзья знали Петин характер. С товарищем он готов был поделиться последним. И сейчас, чтобы спасти свою вожатую и ее подругу, он без колебаний готов был пожертвовать собой.

Миша Колесников возразил:

— Это не так просто, Петя. Ты можешь с ними там не встретиться. Нет... неподходящее дело. Надо придумать что-то другое.

— Я придумал! — воскликнул большеглазый Ваня Дуньков.— Я знаю одну нашу соседку, которая там уборщицей работает. Мы в записке сообщим Вале о дне побега и попросим ответа.

— Вот это дельно! — похвалил Сережа.— Давайте попытаемся.

На этом согласились все и поручили Ване немедленно договориться с соседкой. Условились о часе сбора. Ваня ушел. Остальные, забравшись в сарай, мастерили веревочную лестницу.

Разошлись под вечер.

Мать Сережи заметила перемену в сыне: он осунулся, слишком серьезным, не детским стало выражение лица. К нему несколько раз за вечер приходили мальчики, подолгу о чем-то шептались и, хмурые, снова расходились.

«Что их тревожит? Надо поговорить с Сережей»,— думала мать. Она подошла к сыну. Мальчик открыл глаза.

— Сережа, ты очень беспокойно спал. Что с тобой?

— Сон... Приснился, мама, такой страшный сон.

— Ну, расскажи мне свой сон...

Сережа помолчал. «Сказать или не сказать?» — подумал он.

— Я видел, мама, камеру пыток и Валю. Ее подвесили гестаповцы и жгли раскаленным докрасна железом. Она стиснула зубы, чтобы не кричать, а потом оторвалась и провалилась сквозь землю.

— Сереженька, что ты! О какой Вале ты говоришь?

— Да о нашей Вале. Вожатой. Ее посадили в гестапо.

Теперь матери стало понятным беспокойство сына. Но что могла она посоветовать? Она отошла, охваченная тревогой и тоской, молча занялась уборкой квартиры. Сережа оделся и принялся что-то писать, испортил несколько листиков бумаги. Зачеркивал, писал, снова зачеркивал и снова писал. Мать подошла к нему, но он прикрыл тетрадный листок ладонью, нетерпеливо попросил: — Не мешай, мама. Пожалуйста...— Потом сложил треугольником записочку и выбежал на улицу.

Ребята, за исключением Вани Дунькова, уже были в сборе.

— Что ж это его нет? — волновался Сеня.

— Придет. Подождем,— ответил Сережа.

Ребята, присев на скамью, тихо совещались.

— Ваня! — закричал обрадованный Петя.

По занесенной снегом дорожке сюда шел Дуньков.

— Ну, что? — спросили в один голос ребята.

— Согласилась! Давайте делать разведку: где мож-

по спустить по стене лестницу. Но сначала напишем письмо.

— Я уже написал. Слушайте.— Сережа развернул бумажку.

«Дорогая Валя! Мы спасем тебя и Женю. В субботу весь день будем на крыше кинотеатра «Гигант». Если вас выведут на прогулку, мы спустим веревочную лестницу, а вы не зевайте.

Твои С. В. П. С. С.»

Письмо ребята одобрили, а Ваня, взяв его с собой, стремглав пустился обратно. Ребята вышли на улицу, чтобы еще раз осмотреть соседний с гестапо двор.

* * *

Неля по-прежнему работала в фашистском штабе. Но офицер, сейф которого она открывала, теперь присматривался к ней, смутно подозревая ее. Пробовал даже следить. Приходил рано утром, прятался за двумя шкафами, поставленными углом, и в щелку наблюдал за каждым движением Нели. Ничего не подозревая, девушка, как обычно, вытирала пыль со столов, мыла пол.

Слежка продолжалась уже с неделю. Гитлеровцу надоело вставать в такую рань. Он разозлился и решил: «Если наше положение на фронтах будет неустойчивым, отправлю ее на всякий случай в гестапо, там выжмут из нее все».

В эти дни Неле было особенно тяжело. По ту сторону фронта сегодня торжественный день. Люди, свободные, советские люди трудятся, чтобы победить врага. А здесь... Вражеские зеленые мундиры, чужая речь. Неля завидовала подругам... Валя и Женя, наверное, теперь далеко. Они там, на свободной земле, по ту сторону фронта. Зачем осталась она здесь? «Так надо»,— говорила Женя. Неля встряхнула головой, отчего светлорусые косы, уложенные венком вокруг головы, вздрогнули. Она перебежала через дорогу, постучалась к соседке.

— Дарья Петровна, Шмидт дома?

— Только что ушел. А зачем он тебе понадобился? — в свою очередь спросила тетя Даша, косо посмотрев на Белявскую.

— Это хорошо,— оживилась Неля.— Можно радио включить. Москву поищу.

— Разве тебя интересует Москва? — ехидно спросила соседка и с тревогой посмотрела в окно.

— Очень! — воскликнула Неля, словно не замечая недоброжелательства тети Даши.

Неля подбежала к радиоприемнику Шмидта, дрожащими руками включила его.

«Скорее, скорее найти Москву!» Нелино сердце бешено колотилось, рука дрожала. Одна радиостанция, другая, третья... Где же Москва? Что если сейчас зайдет Шмидт? Где же, на какой волне Москва? Стоп. Русская речь. Прислушалась, перевела регулятор громкости. Знакомый голос Левитана читал приказ.

«...За время войны Красная Армия вывела из строя свыше восьми миллионов вражеских солдат и офицеров...

...Товарищи красноармейцы, командиры и политработники, партизаны и партизанки! От вашего упорства и стойкости, от воинского уменья и готовности выполнить свой долг перед Родиной зависит разгром немецко-фашистской армии, очищение советской земли от гитлеровских захватчиков!»

Прислушалась и тетя Даша.

— Господи, живет Россия!— тихо сказала она.

Неля увидела в окно Шмидта, быстро выключила приемник.

— Рихард идет. Спасибо вам, тетя Даша!

— И принесла его нелегкая,— проворчала Дарья Петровна.

— Пани музик слушайль? — подозрительно посмотрев на Нелю, спросил Шмидт.

— О! Музик прима! — сказала, беспечно улыбаясь, Неля.

В эту минуту она не боялась Шмидта. Сердце ее пело, радость переливалась через край. Веселая, сияющая она помчалась домой и пересказала матери услышанное по радио, оделась, вышла на улицу. Ей хотелось громко кричать: «Товарищи, будет и на нашей улице праздник!..» Соседка обратила внимание на ее сияющее лицо.

— Чему радуешься? Весело живется, что ли?

Неля посмотрела на нее долгим, испытующим взглядом, покачала головой и ответила, уже не думая об осторожности:

— Пока что невесело... Но Москва говорит: «Будет

и на нашей улице праздник». Победа близка. Красная Армия скоро освободит нас!

— Смотри ты, сразу перекрасилась, как услышала, что наши побеждают,— подбоченясь и наступая на Нелю, говорила соседка.

Неля молча пятилась к своему дому, а соседка наступала на нее и тихо высказывала свою ненависть девчонке, которая, по ее убеждению, продалась врагам. Неля заткнула уши и убежала. В своей квартире разрыдалась:

— Мамочка, за что она так... Мамочка!

Евдокия Ивановна гладила вздрагивающие плечи Нели:

— Успокойся. Пусть говорит. На каждый роток не накинешь платок.

Неля вытерла слезы. Неуютно было на душе. От Жени и Вали никаких вестей, и это еще больше угнетало.

Прошел месяц тревог и ожиданий.

Утром в дверь Белявских громко постучали. В комнату ворвался полицай, за ним гестаповец.

— Кто здесь Неля Белявская?

Неля, сидевшая у стола, поднялась.

— Я!

— Ты арестована,— грубо сказал полицай.

Евдокия Ивановна увидела, как мертвенной бледностью покрылось лицо дочери. Она кинулась к ней и, загородив собой, закричала:

— На дам!

Ощетинился Джульбарс и зарычал, приготовясь к прыжку.

— Джульбарс, тубо! — приказала Неля и, видя, что гестаповец вынимает пистолет, бросилась к Джульбарсу. Схватила собаку за ошейник, стала гладить ее спину и морду. Собака немного успокоилась. Неля обняла ее за шею:

— Прощай, Джульбарс!

Евдокия Ивановна кинулась к дочери.

— Ты только не волнуйся, мамочка, ты, пожалуйста, не волнуйся...— повторяла Неля.

Джульбарс рванулся было за Нелей, потом подбежал к лежавшей в беспамятстве Евдокии Ивановне, лизнул ее лицо шершавым, горячим языком и тихонько заскулил.

Евдокия Ивановна целыми днями дежурила у здания гестапо. Восемнадцатого января ее, наконец, выслушали, сказали, чтоб не беспокоились и предупредили: Нелю увезут, нужна теплая одежда.

Мать в тот же день принесла пальто, платок, валенки. А утром девятнадцатого января в комнату к ней вбежал незнакомый мальчик.

— Скорее, скорее идите к гестапо! — кричал он.

Мать выбежала из комнаты. Она задыхалась, ноги плохо слушались ее.

В это время со двора гестапо медленно выехала закрытая машина.

Когда Евдокия Ивановна добежала до проспекта Ворошилова, машины уже не было...

* * *

— Наши в городе!

— Мы свободны!

— Красная Армия освободила Ставрополь!

Несколько девочек-подростков постучали в квартиру Белявских. На стук вышла младшая дочь Евдокии Ивановны Веселые, радостные одноклассницы Нели, ничего не зная, спросили:

— А где Неля?

— Фашисты убили. И Валю Плугареву и Женю Буланову убили,— ответила девочка и заплакала.

А мать Нели, поседевшая от горя, стояла на улице. У ее ног сидел Джульбарс. Молча смотрела Евдокия Ивановна на родные лица бойцов. Смешанное чувство владело ею: радость освобождения и щемящая горечь утраты.

Постояв на снежном ветру, она взяла за ошейник Джульбарса и пошла к лесу. Ветер со снежной пылью и песком бил ей в лицо. Джульбарс бежал впереди, то обнюхивая землю, то тыкаясь мордой в сугробы. Умный пес понимал, что от него хотят.

Мокрая и изнемогающая от усталости и горя поздно вечером вернулась Евдокия Ивановна домой. Ночь провела без сна. А утром снова шла по знакомой дороге в лес, и Джульбарс с нею. Проваливаясь по колено в сугробы, выбиралась, вытряхивала из старых валенок снег и снова вместе с Джульбарсом искала.

— Джульбарс, ты должен найти Нелю! — просила она.

Пес греб когтистыми лапами землю.

Восемь дней блуждала по лесу Евдокия Ивановна. Восемь ночей провела без сна. На девятое утро направилась к Холодному роднику. Джульбарс, бежавший впереди, остановился у рва. Поднял морду вверх и завыл. Евдокия Ивановна подошла ко рву и замерла. На дне его лежали мертвые люди, припорошенные снегом.

С расширенными от ужаса глазами она медленно шла по насыпи и всматривалась в убитых. Вот из-под снега виднеется женская нога, рядом голова старика, а вот клочок серого клетчатого платья... Как у Нели. Евдокия Ивановна сползает в ров, пробирается к клетчатому куску материи. Джульбарс воет наверху.

Евдокия Ивановна очищает от снега труп. Над распухшей верхней губой черная выпуклая родинка.

— Не-е-ля! — закричала мать.

* * *

На другой день состоялись похороны Нели, Вали, Жени и всех погибших от рук фашистских палачей. Исстрадавшаяся Евдокия Ивановна долго не понимала, что от нее требуют. Потом слабыми руками взяла горсть земли и бросила в могилу. Ее примеру последовали школьники — друзья и подруги, которые пришли на похороны.

Десять пионеров в галстуках, надетых поверх зимних пальто, замерли впереди колонны.

Глеб узнал Сережу и подошел к нему.

— Смотри, он,— толкнул Миша Сережу.

Сережа поднял лицо, встретился с глазами Глеба:

— Зачем вы здесь? Вы же не знали Валю!

— Знал. Знал, но не мог иначе, Сережа. Вот видишь, я даже знаю, как тебя зовут. Я же давал клятву молчать... Понимаешь? Клятву...

Прощальное слово сказал капитан Красной Армии:

— Мы хороним сегодня настоящих русских людей, славных советских патриотов. Они боролись. Они предпочли умереть, но не покориться. Мы хороним славных советских школьниц: Женю Буланову, Валю Плугареву, Нелю Белявскую. В грозных событиях они показали себя верными дочерьми Родины, которую беспредельно

любили. У могилы жертв фашизма мы клянемся вам, матери, сестры, отомстить гитлеровским бандитам за ваши страдания, за смерть дорогих людей.

* * *

В школьном коридоре на стене фотографии Вали Плугаревой, Нели Белявской, Жени Булановой. Под ними рассказ об их короткой жизни, об их подвиге.

Во второй средней школе сбор, посвященный их памяти.

В центре зала — пятиконечная звезда. Замаскированные хворостом, накрытые куском красной материи ярко пылают электрические лампочки. Отряды расположились вокруг. На сцене что-то задернуто алым полотнищем.

Окончилась сдача рапортов. И тогда встала учительница Ирина Сергеевна.

— «Жизнь дается человеку один раз и прожить ее надо так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы». Короткая, но яркая жизнь была у Вали, Жени и Нели...

В зале тишина. Красный отсвет костра падает на лица притихших пионеров.

— Растите же и вы такими: жадными к учению, честными, смелыми и преданными своей большой матери-Родине.

Скрипнула дверь. В зал вошла седая женщина, а за нею Петя, Ирина Сергеевна пригласила гостью в круг.

— Ребята, это мама Жени Булановой.

— Дети мои,— волнуясь сказала Женина мать.— Растите такими же, как Валя, Неля, как моя дочь.— Она помолчала и что-то тихо сказала Ирине Сергеевне. Учительница взяла из рук Булановой письмо.

— Ребята, Варвара Филипповна сегодня получила весточку от Глеба Волкова. Вы знаете, что он ушел с Красной Армией, чтобы отомстить за своих товарищей. Я прочту вам его письмо.

«Мама!

Вы не возражаете, что я называю Вас этим именем? Для меня это самое святое слово. Я хочу сказать Вам, что отомщу за Женю и ее подруг. Я понимаю, как тяжела

Ваша утрата, но прошу Вас, будьте мужественны. Победа уже близка. Вечно с нами имена Жени, Вали, Нели и всех тех, кто честно и смело боролся, чтобы славные ребята: Сережа Разгонов, Сеня Дмитриев, Петя Гарбузов, Ваня Дуньков, миллионы советских детей — свободно жили, учились и строили новую жизнь».

— Давайте ответим Глебу,— крикнул Сережа.

— Правильно! Ответим! Обязательно!— раздались десятки голосов.

На сцене неожиданно загорелся яркий свет. Сережа поднялся.

— В дни оккупации Валя Плугарева проводила с нами сбор, учила нас, как надо бороться, мстить фашистам. Мы выполняли все поручения нашей Вали. Память о ней и ее подругах останется всегда с нами. Валя, Женя, Неля не умерли! Они живут и вечно будут жить среди нас!

Он сдернул кумачовое полотнище. На сцене стояла написанная самими пионерами большая картина, на которой были изображены Валя, Женя и Неля: взявшись за руки, они смело шли вперед, навстречу жизни.

Такими они и запомнились навсегда.

НА УЛИЦЕ ТАМАНСКОЙ

Гусеницы танков с черно-белыми крестами лязгали по булыжной мостовой. Казалось, им не будет конца. За танками шли машины с орудиями, с солдатами. Лица у солдат самодовольные. Как же, «победители»!

Из окна квартиры, выходившего на Таманскую улицу, Петя Слезавин и Вася Кольга украдкой наблюдали за движением фашистских войск. Ребята — одногодки. Им скоро по шестнадцать, а ростом не удались оба. У черноголового Пети калмыцкий разрез глаз, широкие брови. А Васю его родная тетя Елизавета Гавриловна, у которой он воспитывался, ласково называла губошлепом за толстые губы и добродушную улыбку.

Сдвинув брови и глядя сквозь черные ресницы на бронированные чудовища, Петя тихо говорил:

— Я уже видел, что они делают на нашей земле. Когда мы ехали на работу в Челябинск, наш эшелон разбомбили в Сталинграде. Много там погибло ребят из Ставропольского ремесленного. И мои друзья Толик и Митя.

— Петя, а как же мы? В городе фашисты...

— Не знаю.

— Неужели наши не вернутся? А если вернутся, а нас уже убьют?

— Всех не убьют! — Слезавин все смотрел на улицу.

Действительно, смертью фашисты начали грозить с первых часов своего пребывания в Ставрополе. По всему городу расклеили приказы верховного главнокомандования германской армии, в которых населению города запрещалось: группами появляться на улицах, ходить по городу после двадцати одного часа, скрывать партизан и евреев и оказывать им помощь, появляться в местах расположения воинских частей. За нарушение — расстрел.

Петя с Васей читали эти грозные приказы...

* * *

Рая Павленко осталась в квартире полной хозяйкой. Ей восемнадцать лет. Комсомолка.

Билет спрятала в надежном месте.

Над столом склонились Рая, Вася и Петя. На столе тетрадные листы. Красные карандаши выводят пятиконечные звезды: три звездочки вверху, пять внизу. Три вверху, пять внизу.

Шепот Пети:

— Я не прощу тому капитану из военкомата, который вытурил нас, не пустил на фронт. Ведь я уже не школьник. Я ремесленное окончил и учеником киномеханика был.

Рая засмеялась и, вспоминая свой поход вместе с Петей и Васей в военкомат, передразнила капитана:

«Младенцев не берем. Идите домой, ребятки».

Затем Рая передразнила, как упрашивал капитана Вася:

«Да нам скоро шестнадцать. Аркадий Гайдар в шестнадцать лет полк в атаку водил».— Рая бросает карандаш и смеется.

Вот такой, неунывающей хохотушкой, знают ее все соседи.

Петя хмурится:

— Вот мы и на фронте. Даже за фронтом. В тылу врага. Я думаю, ты, Рая, будешь руководить нами, и мы, как сумеем, будем бороться с оккупантами.

— Нет, руководить будешь ты! — возразила Рая.— Вася, ты «за»?

— За, но чем бороться?

— Оружием! — упрямо продолжал Петя.— Их оружием. И вот что...— Петя подумал,— даже если не будет оружия, даже если мы ничего большого не сделаем, давайте поклянемся, что до конца останемся советскими людьми.

— А то какими же еще?! — Рая вскочила от негодования.

— Кипяток, остынь,— остановил ее Вася.— Петя говорит правильно: даже если пытки, если смерть — остаться настоящим человеком. Ясно?

— Ясно,— ответила Рая. Мальчишки, больше дела, меньше слов.

И снова они склонились над листами бумаги. Три красные звездочки вверху, пять внизу. Посредине текст, написанный ученическим крупным почерком.

«СОВЕТСКИЕ ЛЮДИ! Не бойтесь угроз фашистов. Бейте их! Делайте все, чтобы у них горела земля под ногами. Выводите из строя их технику и связь. Помогайте Красной Армии уничтожать гитлеровцев. Они угрожают расстрелами нам, но пусть за ними гоняется смерть!»

Вместо подписи пять звездочек.

— Написать легко, а вот расклеить труднее. Они везде шныряют.— Вася смотрел через стол на Петю и Раю.— Может, вечером безопаснее?

— Знаете, что я придумала?! — Рая встала, подошла к окну и осторожно посмотрела, что делается на улице. Затем вернулась к товарищам.— Я пойду с кем-нибудь из вас под ручку, будто с кавалером.— Рая критически посмотрела на чубатых мальчишек, горестно вздохнула: — Только вот кавалеры вы никудышные. Никакой серьезности в лице. Да и в фигуре тоже. Хотя бы на один сантиметр кто-нибудь из вас был повыше! — сокрушалась она.

— А сама-то! — возмутился Вася.

— Я девушка! Мне можно быть и маленькой.

* * *

В девять вечера летом в Ставрополе еще светло, поэтому Петя и Рая вышли в половине десятого. Впервые шли по своей улице с опаской, Рая, для маскировки, громко тараторила, смеялась. Петя был немногословен. Буркнет какую-нибудь фразу и сосредоточенно смотрит то на другую сторону улицы, то вперед. Дошли до нижней аптеки, свернули за угол и снова продолжали путь к седьмой школе. У калитки остановились. Рая незаметно передала Пете листовку, обняла его за плечи, а Петя быстро достал из кармана пузырек с самодельным клеем из муки, кисточку для бритья и прилепил листовку к деревянной калитке. А там, за каменной высокой стеной, в здании школы, еще бодрствовали фашисты: на улицу неслось пиликанье губной гармошки, смех, громкий разговор.

Петя подхватил Раю под руку и направился через дорогу на Казачью улицу. Наклеили листовку на угловом двухэтажном здании, на глухой стене нижнего рынка, на следующем угловом здании и чуть не бегом пустились домой. И вдруг остолбенели от испуга: навстречу им шли два солдата и громко разговаривали. Рая

не растерялась, тоненьким, дрожащим голоском пожелала им на немецком языке доброй ночи.

— Гутен нахт! — удивленно и протяжно ответил немец. Потом повелительно сказал: — Шнель! Шнель! Дойче зольдат пух! Пух! Стреляйт!— заключил он по-русски.

— Ком, Петер,— заторопилась Рая, помахала солдатам рукой и еще раз пожелала доброй ночи.

У самого дома их на секунду ослепила фарами легковая машина. Свет мгновенно погас, но их заметили. Рая схватила Петю за руку, потянула за высокий кирпичный забор. Не успели они открыть дверь, как услышали выстрелы. Они стояли в темной квартире Раи ни живы ни мертвы.

— Фу, проклятые! Страху мы с тобой сколько натерпелись! По своей земле не имеем права ходить!

Рая зажгла керосиновую лампу.

— Райка, а из тебя артистка вышла бы во! — и Петя поднял большой палец.— Сыграла ты здорово.

— Если бы я не играла перед фашистами, мы с тобой сыграли бы в ящик. Ясно, Пе-е-е-тер! — У нее, видимо, уже прошел испуг, она захохотала.— Петечка, я все-таки иногда буду называть тебя Петер. По необходимости, конечно. Хорошо?

— Ладно, хоть горшком, лишь бы польза была,— великодушно разрешил Слезавин.— Ну, я пойду, а то мать заругает.

— Подожди еще минут десять. Перелезешь через забор.

* * *

Шепот Пети:

— Ее надо почистить.

— Обязательно, а то заржавеет и не убьем ни одного фрица,— говорит в Петино ухо Вася.

Бережно Петя и Вася сняли тряпки, которыми была обмотана винтовка. Ребята нашли ее при отступлении наших.

— А теперь иди на пост, Вася. Смотри в оба. Сейчас ты часовой.

Крадучись, Вася подошел к двери сарая, проверил, крепок ли железный крюк, и снова вернулся к Пете. В сарае стоял полумрак. Дневной свет проникал сквозь

продольные дверные щели. Под крышей шарил ветер. Вася присел на корточки и язвительно зашептал:

— Почистим винтовочку, запеленаем, спрячем и пусть лежит без употребления до прихода наших.

— Зачем такое уныние? Придет время, нажмем курок...

— Сомневаюсь, Петя. Наше дело листовки. Беззвучно и почти безопасно.

— Зря ты так. Вспомни, как на витрине у редакции ты с силой надавил на стекло, когда наклеивал листовку на рожу Гитлера, и как затрещало. Выходит, не беззвучно. И не безопасно, когда нас с Райкой чуть не захватили солдаты. А потом... люди читают наши листовки и понимают, что в городе действует подпольная организация.

— Но мы-то знаем, что нас всего трое,— опять возразил Вася.

— Ну, что ж, трое — это организация. А знаешь, что я еще придумал, Вася? Давай будем и разведчиками.

— Это зачем? И кому мы будем отдавать разведданные?

— Вот слушай. Мы разузнаем, на каких улицах расквартированы фрицевские части, сколько в них солдат, хотя приблизительно, где у них склады, где оружие, танки...

Вася прищурил глаза и весело сказал:

— Петька, ох ты и фантазер! Ведь ни у тебя, ни у меня нет такого человека, которому бы мы передавали эти наши сведения. Ты просто хочешь играть в войну, как пятиклассник.

— Нет, значит, найдем! — не сдавался Слезавин.

— Ты просто чудак, Петька. Ты думаешь, этот человек на дороге валяется?

— Скажи честно, выбрали вы меня командиром?

— Ну, выбрали!

— Без «ну» выбрали. Вот я и приказываю тебе действовать как разведчику в верхней части города, а я беру на себя нижнюю. А насчет передач разведданных не твоя забота.

— Есть действовать в верхней части города! — улыбнулся Вася.

Петя уже собирал вычищенные и смазанные части винтовки.

— Спрячь этот пузырек с маслом в кирпичи и иди ко мне.

Когда Вася снова сел перед Петей, тот сказал:

— Ты знаешь, куда мы вчера с Раей пробрались?

— Куда?

— В кинотеатр «Октябрь». Почему-то с двери сняли бумажки с предупреждением: «Только для немецких офицеров и солдат». Продавали билеты на «Девушку моей мечты». Раечка разжалобила контролершу, ну и прошли мы в фойе.— Петя щелкнул затвором. Приказал Васе держать винтовку, а сам стал укутывать ее тряпками, продолжая рассказывать. — Что там было! Мы сперва ни глазам, ни ушам не поверили. Какой-то продажный тип в черном костюме пел на мотив «Крутится, вертится шар голубой» такие стихи против Советской власти, что и язык не поворачивается их пересказать.

— Это и все? — разочарованно протянул Вася.

— Нет, не все. Мы дождались, когда народ повалил в зрительный зал на второй этаж. Спрятались, когда погас свет, наклеили листовки на спинки стульев, на стены.

— Чудаки вы!— осудил друзей Вася.— Эти листовки могут попасть только к самим фашистам.

— Ну, и пусть,— рассердился Петя.

— Петя, а тебе не страшно, что наш сосед Онищенко стал полицаем? Он же может узнать что-нибудь о нас и выдать в руки гестапо.

— Да ну, они, эти продажные, осторожные очень — и своих, и врагов боятся. И потом, почему он должен что-то о нас узнать? Что мы безголовые, что ли?

* * *

— Тридцать девять!

— Барабанные палочки!

— Сорок пять!

— Уточки!— выкрикивал Вася, вытаскивая из серого льняного мешочка бочоночки лото.

Эту игру Рая и ее друзья затеяли для того, чтобы дать возможность встретиться сестре полицая, бывшей фронтовичке Тане Онищенко с Володей Махновым. Таня была ранена на фронте, после госпиталя приехала на побывку домой, и здесь ее застала оккупация. А ее

друг Володя Махнов совершенно неожиданно в октябре появился в родном Ставрополе.

Рая успевала смотреть на карты и на друзей школьных лет — Таню и Володю. Таня рассказала Володе о себе и расспрашивала его: где он был, откуда прибыл? Володя отделывался шутками, а иногда неожиданно задавал вопросы: как она уживается со своим братцем — предателем? Не отдаст ли он ее в руки гестапо?

— Все может быть,— отвечала Таня, бледнея.

На продолговатом лице Володи выделялись большие, проникающие в душу, глаза. Он был скромен, немногословен даже, пожалуй, осторожен в общении с людьми. Вот только с Петей был более общителен. Да и Петя сразу потянулся к новому другу. Особенно после одного случая.

Однажды Петя встретился с Володей на бульваре, около нижней аптеки. Они присели на длинную зеленую скамью. Осенний листопад прошел, сквозь голые ветви деревьев скупо светило октябрьское солнце. Володя держал перед глазами фашистскую газетенку.

— Что тут врут? — спросил Петя, склоняясь к плечу Махнова, чтобы прочесть фашистские новости.

— Пишут, что взяли Москву,— спокойно ответил Махнов и скосил глаза в сторону Пети, наблюдая, какое впечатление произвели его слова.

— Врут! — вскипел Петя.

— Т-с-с! — предупредил Володя, заметив идущих по бульвару солдат.

В ожидании, пока они пройдут, уткнулись в газету.

— Москвы им не видать как своих ушей,— внушительно зашептал Петя, едва отошли фашисты.— Они думают, найдутся дурачки, что поверят им. Как бы не так! — И вдруг, недоверчиво посмотрев на Махнова, спросил:

— Скажи, а почему ты так спокойно говоришь об этом? Ты что, друг Онищенко?

— Да, я друг Тани Онищенко,— Махнов сделал ударение на слове «Таня».

— Я спрашиваю, друг полицая Онищенко? Что-то ты у них все время околачиваешься?

— Для безопасности,— как бы мимоходом бросил Володя.— Странный ты человек, Петя! Ты думаешь, что только тебе одному не нравится жить под немецким

сапогом, голодать, сидеть в холодной квартире, не учиться, не работать? Скажи, ты комсомолец? — неожиданно спросил Махнов.

Слезавин отрицательно качнул головой:

— Из пионеров вышел, а в комсомол не вступил.

— А я, да будет тебе известно,— Володя понизил голос,— комсомолец.

— Ну тогда скажи, честно только, ты не знаешь коммуниста, который был бы связан с партизанами?

— А на что он тебе, коммунист?

— Как на что? Мы с Васей все разузнали, где, на каких улицах офицерские части, склады, штабы. Передал бы он нашим, пусть бы разбомбили.

Слезавин не предполагал, как он облегчил работу Володе. Ведь Махнову дали именно такое задание, когда из партизанского соединения Северной группы Ставрополья посылали в тыл врага.

— Есть у меня такой коммунист,— Володя решительно поднялся.— Пойдем, я иду к Тане.

Петя почувствовал себя уязвленным.

— Ну да, нашел дурака! Ты хочешь, чтобы я принес эти сведения в дом полицая?

— Чего кипятишься? Я ж еще ничего тебе не сказал.

Парни свернули на Таманскую улицу. У аптеки и дальше по улице было людно, поэтому Махнов и Слезавин шагали молча. Почти у дома, где жили Рая Павленко и Таня Онищенко, Володя тихо сказал:

— Подготовь свои данные и передашь мне. Хорошо бы сегодня. Мы к Тане придем играть в лото.

Петя в знак согласия кивнул головой.

— А насчет Москвы надо разъяснять людям. Ты прав. Москвы им никогда не взять!

* * *

— Десять!

— Два!

— Кол!

— Тридцать два! — выкрикивал Петя.

— Есть! Кончила!— объявила Рая и, смеясь, сгребла монеты к себе.

— Темнеет уже. Кончаем игру ребята!

Володя, спускаясь по лестнице, нащупал в кармане свернутые бумажки, вспомнил шепот Пети: «Здесь есть

и план города. Важные объекты мы обвели кружочками».

Рая затемнила окна, зажгла коптилку и, взглянув на Петю, попросила:

— Закрой дверь на ключ.

Когда уселись за стол, Рая протянула каждому по огрызку красного карандаша, по два листочка тетрадной бумаги и пожаловалась:

— Мальчики, бумаги нет. Листовки писать не на чем. Может, попросить Таню, чтоб она у своего братца взяла «взаймы»?

— Сказано, девчонка! — укорил ее Вася.— По бумаге полицая нас найдут без труда.

— Сто очков в твою пользу, Вася! — Рая стояла перед мальчиками чуточку обескураженная. Но смущение ее быстро исчезло, когда на ум пришла более дельная мысль:

— Предлагаю посрывать плакаты о «райской жизни» в Германии и на обратной стороне писать листовки.

— Вот это другое дело! — похвалил Вася.

Тускло, очень тускло светил огонек коптилки. Снова над бумагой склонились две вихрастые мальчишечьи головы и одна девчоночья, такая беловолосая, что, казалось, за столом от нее светлее.

Три красные пятиконечные звездочки вверху, пять внизу. Рая тихонько начала диктовать текст, который они составили днем:

«СОВЕТСКИЕ ГРАЖДАНЕ! Не верьте фашистской пропаганде, что взяли они Москву. Москвы им не видать, как своих ушей. Вместо «Драг нах остен» они скоро будут «Драп нах Дойчланд». Если вы настоящие советские люди, помогайте Красной Армии как можете: выводите из строя связь, машины, не выполняйте их приказов. Юноши и девушки, не верьте расклеенным по городу картинкам о райской жизни в Германии. Не ходите на регистрацию. В их хваленой Германии не рай, а фашистский ад».

Когда листовки были написаны, зашел разговор о том, где их наклеить. Ребята предлагали идти немедленно, а Рая придумала вот что:

— Мальчики, внимание! Завтра я пойду на нижний рынок за картошкой, на дно сумки положу листовки, а там бабам в корзины рассую.

— А не попадешься?— спросил озабоченно Петя.— Давай вдвоем. Я буду прикрывать тебя.

— Говорят, риск большое дело. На этот раз я хочу поработать одна.

* * *

Рая понимала, почему так долго не возвращается мама из села Благодарного. Там, у родственников, она прятала от вражеских глаз свою внучку, дочь старшей Раиной сестры, которая была замужем за евреем. Мать сказала Рае, что она вполне взрослая и может хозяйничать сама, а внучка еще совсем малышка и нуждается в ней больше, чем Рая.

...Съестные припасы иссякли. Присев на корточки перед открытым кухонным шкафом, Рая переставляла посуду. Может, кусочек сала где завалялся? Или сухарик? Рая очень обрадовалась, когда на дне граненого стакана увидела застывший бараний жир. Жменька пшена, две картофелинки, луковка — и будет суп. Когда нечего есть, как назло разыгрывается аппетит.

Продать из вещей нечего — она и так осталась в одном-единственном платье. Выстирает, высушит и опять наденет. Иногда Васина тетя, Елизавета Гавриловна Рожкова, подкармливала Раю то картошкой, то кукурузной кашей.

Октябрьским вечером, когда Рая повесила над печкой выстиранное платье и улеглась в постель, в дверь три раза негромко постучали. Рая вздрогнула от неожиданности, хотя знала, что это Петя. Так они условились. Вася стучится один раз, Петя — три. Она встала с постели, надела старенькое, куцее пальтишко и, не спрашивая, открыла дверь.

Рая сразу обратила внимание на сияющие глаза Пети.

— Раечка, оказывается, мы не одни в городе. Я читал расклеенные кем-то сводки Совинформбюро.

— Ура! — закричала Рая.

— Вот бы узнать, кто они,— Петя сел за стол.— узнать и объединиться.

— А как мы узнаем?

— Да никак.— Петя внимательно посмотрел на Раю.— Скоро праздник Октября... Думали ли мы, что двадцать пятый Октябрь будем встречать в фашистской неволе?

Рая вздохнула, покачала головой. Вдруг голубые-голубые глаза ее заблестели, она подскочила к Пете.

— Знаешь, Петечка, мы встретим этот праздник не как в неволе Хочешь?

— Спрашиваешь!

— Соберемся у нас. Песни революционные споем, стихи расскажем.

— А если Онищенко подслушает?

— Мы Таню мобилизуем покараулить нас часок.

— Ох, ты и выдумщица, Райка!

В поленнице дров, что были сложены в коридоре квартиры Слезавиных, отчим обнаружил винтовку и полную цебарку патронов. Разъяренный, он налетел на пасынка.

— Ты что, безмозглый, хочешь, чтобы нас всех перестреляли? Мерзавец! Дубина! Сейчас выброшу все это добро в колодец.

— Не надо! — подскочил к нему Петя.

— Вернутся наши, они же нам спасибо скажут! И мы будем стрелять в гитлеровцев, когда они будут отступать. Маме только ничего не говорите. Очень прошу вас.

Но отчим был неумолим. Он решительно взял цебарку. Петя хотел выхватить ее. Завязалась борьба. Отчим изловчился, рванул цебарку, чуть не бегом бросился к колодцу во дворе.

К месту происшествия сбежались соседи, набросились на Петю.

— Он хочет, чтобы нас прикончили!

— Бандюга!

— Это вы бросьте, женщины,— вступился Соловьев, у которого два сына были на фронте.— Петя хороший парень.

Пока Петя молча выслушивал упреки соседей, отчим вынес винтовку и тоже бросил ее в колодец. Петя понуро побрел к Васе, в соседний дом.

Кусая губы, Слезавин со злостью рассказал другу:

— Отчим побросал в колодец все, что мы с тобой припасли. Шум поднял. Слышишь, все еще орут? Хорошо, что матери нет дома, а то бы добавила тумаков.

* * *

Накануне двадцать пятой годовщины Октябрьской революции Рая, Петя и Вася выбрались из дома в темноту знакомых улиц с листовками, призывающими юно-

шей и девушек не ехать в Германию. Они едва успели наклеить несколько листовок на улице Красной и Казачьей, как услышали гул самолетов. «Ух! Ух!» — жаловались стальные птицы на тяжесть, которую несли.

Друзья заметались. От угла двухэтажного дома бросились к старому в три обхвата дереву.

— Дупло! Большое какое!

Петя ощупал дерево, снизу вверх провел рукой и воскликнул:

— Да тут можно человеку спрятаться!

— Мальчишки, а что если нас разбомбят? Обнаружат у нас листовки и родителей расстреляют,— встревожилась Рая.

— Бросаем листовки в дупло! — скомандовал Петя.

Засвистели первые бомбы в районе вокзала. Захлопали вражеские зенитки. Ребята прижались друг к другу.

— Бежим! — предложил Петя.— Фрицы все попрятались. В самый раз!

Они бежали так, что ветер свистел в ушах, ноги не чувствовали земли. В своем дворе ребята отдышались. И тут неожиданно столкнулись с полицаем Онищенко. Он стоял, прислонившись к стене. Ребята узнали его по кряжистой фигуре и длинному пальто.

— Работали? — злобно прошипел он.

— Работаете вы, господин Онищенко,— резко ответила Рая.

...В тот тревожный вечер не сразу уснули ребята. Петя в темноте получил тумака от матери и, забравшись с головой под одеяло, думал о том, что, наверное, его и Васи данные дошли по назначению. Уже не первый раз советские летчики бомбят именно те объекты, которые они обозначили на карте.

Перед глазами Пети всплывало лицо Володи Махнова: красивое, мужественное, спокойное.

...Рая прислушивалась к каждому шороху. Казалось, что вот сейчас, сию минуту полицай Онищенко ворвется в квартиру, ее схватят и поволокут в гестапо.

* * *

Слезавин и Кольга направились в верхнюю часть города в надежде найти расклеенные листовки со сводкой Совинформбюро. Так и есть. На старинном двух-

этажном доме, что соседствует со школой, белела бумажка. Мальчишкам сразу хотелось подбежать к ней, сорвать, прочитать. Но они понимали, что так делать нельзя. Будто озоруя, они начали толкать друг друга, незаметно придвигаясь к дому. Потом Петя прижал Васю к стене, завязалась отчаянная борьба. Незаметно сорвали листовку. Написана она была ученической рукой. Кроме сводки в ней ничего больше не было.

Когда, разрумяненные от быстрой ходьбы и довольные находкой, они пришли к Рае, там уже сидели Володя и Таня. Полицай ушел «на работу», и ребятам нечего было опасаться подслушивания.

— Скажу честно, мы обеспечены точнейшей информацией. Вася, читай.

Вася повесил тужурку на крючок у двери, вытащил из кармана драгоценный листок, пригладил его ладонью на столе и стал читать, захлебываясь от счастливого сознания того, что Красная Армия борется и одерживает одну победу за другой.

Когда сводка была прочитана, Рая повернулась к Володе и спросила:

— Ты старший среди нас, скажи, что надо делать, чтобы помочь Красной Армии?

Рая не знала, что ее квартира стала своеобразной явкой для Пети и Володи.

Махнов задержал свой взгляд на Пете и, убедившись, что тот ничего не выболтал, спокойно ответил:

— Дел много, но они требуют умения и, главное, осторожности. Портить связь, вести наблюдения за передвижением вражеских частей, взрывать их технику, внушать советским людям, что мы победим и что они не должны сидеть сложа руки! Действовать, ребята!

Всем троим: и Рае, и Васе, и Пете — хотелось действовать немедленно. Испытывая внутреннее волнение, они доверчиво смотрели на Володю. Чтобы избавиться от внезапно наступившего молчания, Махнов засмеялся, махнул рукой.

— Может, лучше споем? Давай, Рая, а?

Вставай, страна огромная...

начала Рая.

Вторую строку вполголоса подхватили ребята:

Вставай на смертный бой!
С фашистской силой темною,
С проклятою ордой.

Пусть ярость благородная
Вскипает как волна.
Идет война народная,
Священная война!

— Ребята! — Рая вышла на середину комнаты.— К сегодняшнему дню я подготовила для вас стихотворение. Слушайте!

Ее допрашивал четвертый день подряд
Фашистский офицер, увешанный крестами.
Ей руки за спину выкручивал солдат,
Ее хлестала плеть, ее гноили в яме.
Но был упрямо сжат иссохший тонкий рот.
Лишь иногда страданья человечьи
Невольно выдавал руки слепой полет...

Володя Махнов стоял у окна, внимательно слушал Раю.

— Теперь твоя очередь, Володя!

Махнов обвел глазами ребят, тряхнул головой.

— А я расскажу вам, ребята, партизанскую быль... Вызвали в партизанский штаб хороших, храбрых ребят и девчат. Вы думаете, как храбрые, так обязательно плечи — косая сажень? Ничего подобного. Среди тех комсомольцев, которых посылали в тыл врага, вызвали и маленькую, щупленькую белокурую девушку с ясными глазами. Такую, как ты, Рая. Внештатного секретаря по пропаганде Сталинского райкома комсомола города Ставрополя, воспитательницу школы слепых Дору Карабут. Ну вот, всем дали задания, всех проинструктировали. И они пошли. Разными путями пошли. Но не всем удалось перейти линию фронта. Дору схватили гитлеровцы...

Володя отвернулся, посмотрел на улицу: фашист, держа автомат у пояса, вел какого-то мужчину к Красной улице.

— А дальше что? — не утерпела Рая.

— А дальше было то, о чем рассказывала в своем стихотворении Рая. Когда истерзанную пытками Дору бросили в подвал, она пела революционные песни... Так и умерла с песней.

В комнате наступила тишина. Потом посыпались вопросы:

— А откуда ты знаешь об этом?

— А ты тоже партизан?

— А сколько ей было лет?

— А почему Дору не спасли товарищи?

— Отвечаю сразу на все вопросы,— спокойно сказал Володя,— узнал я об этом от одного знакомого, с которым случайно встретился. Ясно?

Ребята и поверили и не поверили Махнову. Им так хотелось, чтобы он сам участвовал при переходе линии фронта, чтобы он сам был партизаном. А Володя не мог сказать им правду. Не мог рассказать о своих друзьях — партизанах Николае Андрееве, Ане Долине, о других.

Махнов заторопился домой. Петя вышел вслед за ним и у ворот спросил:

— Скажи мне честно, Володя, ты передал ту бумажку кому следует?

— А разве ты не заметил, что наши бомбят те объекты, которые вы указали?

— Заметил. Скажи честно, а как сумели передать ее нашим?

Махнов хитро улыбнулся:

— Вот этого, друг мой, я тебе не могу сказать. Честно, не знаю. Может, у кого-то есть передатчик. Больше подобных вопросов мне не задавай. Договорились?

— Договорились! — ответил, чуть обидевшись, Петя.

* * *

Удивительное дело, Махнов никогда не приглашал Слезавина к себе домой, и где он жил, Петя не знал. Однажды Володя принес в Раин двор гранаты и, вызвав Петю, спустился с ним по каменным ступеням в глубокий и темный подвал.

— Куда спрячем гранаты?— спросил Махнов, осветив трофейным фонариком углы.— Петя, ты заметил, что фашисты стали злее? Им под Сталинградом дали духу. Триста тысяч солдат наши взяли в плен вместе с фельдмаршалом Паулюсом.

Петя радостно засуетился, ища глазами, куда бы спрятать гранаты. По углам стояли разные кадушки. В куче лежало старое тряпье.

— Надо полагать,— продолжал Махнов,— наши скоро будут здесь. Мы должны помочь разведчикам. Ты умеешь бросать гранаты?

— Я-то умею, а Вася нет.

— Обучи его.

Оба заглянули в кадку. Она была пуста. На ее дно Володя набросал тряпья и спрятал гранаты.

— Есть у меня бутылки с горючей жидкостью... Для танков,— поднимаясь по ступеням, говорил Володя,— но вот как их переправить сюда, пока не придумал.

Петя заскочил вперед, молча приоткрыл дверь, посмотрел, нет ли кого подозрительного поблизости, и, убедившись, что двор пуст, выпустил Володю, а вслед за ним выскользнул сам. Поровнялся с ним и продолжил начатый в подвале разговор:

— Хочешь, я скажу Рае? Мы придем к тебе домой. Она возьмет корзину...

— Нет, Петя, давай не впутывать в это дело девочек. Они не должны ничего знать. Понимаешь?

— Понимаю! Да вот сразу не придумаю, как перенести к нам бутылки. Ведь фрицы будут отступать и по нашей улице. Вот бы шугануть их!

— А ты попроси у Раи корзинку и приходи сам. Я живу на Комсомольской,— и Махнов подробнейшим образом рассказал, как его найти.

* * *

«Песок!», «Песок!». Я — «Степь»,— привычно выстукивал Махнов ключом передатчика, спрятанного на чердаке их дома.

Вскоре Володя услышал позывные «Песка» и немедля стал выстукивать, что враг отступает по автотрассе на Невинномысск, железнодорожными эшелонами — на Кавказскую; в городе концентрируется в казармах на улице Ленина.

На чердаке было темно и тихо. Пахло пылью и нежилым. Сидя на корточках, Володя ждал ответа. Трехминутное ожидание показалось ему вечностью. Вдруг тишину нарушил писк точек и тире. Сосредоточенно нахмурив брови, Махнов слушал: «Девятнадцатого— двадцатого января организуйте помощь войсковым разведчикам стороны вокзала».

Опять стало тихо. На лице Володи блуждала мечтательная улыбка. Город, родной Ставрополь, скоро будет свободен! Только вот некоторые друзья его, партизаны, которые вместе с ним переходили линию фронта, уже не порадуются победе. Володя спрятал рацию, неслышно прошел к ляде, прислушался, поднял ее, спу-

стился на землю. Постоял у калитки. Снежный порывистый ветер леденил лицо и руки, забирался под драповую тужурку. Вобрав голову в плечи и засунув руки в карманы, он зашагал на Таманскую улицу.

* * *

Январским днем сорок третьего года над заснеженными полями и селами Ставрополья, над притихшим городом, курившимся от снежной метели, будто прогремел гром.

Петя и Вася несли в цебарках уголь, который они вместе с другими жителями насобирали на обочинах железнодорожных линий. Приподняв ушанку, Петя остановился и вопрошающе посмотрел на Васю.

— Что это?

— Может, наша артиллерия бьет?— предположил Вася, провожая глазами мчавшийся по булыжной мостовой закрытый грузовик.

Будто в подтверждение его слов громовой раскат повторился снова.

— Точно! — сказал Петя — Теперь мне понятно, почему зашевелились гитлеровцы. Вася, ты видел железнодорожные составы в сторону Кавказской?

— Я ж не слепой! — Вася смотрел на Петю. А Петя, пританцовывая, тихонько запел:

Ах, рассукин сын, комаринский мужик!

— Петька, брось! Заметят же, что ты радуешься, и прихлопнут нас.

Слезавин враз остановился, надвинул на разгоряченный лоб шапку, взял за дужку ведро и серьезно, будто и не было минутной радости, бросил:

— Идем! Сегодня вечером будь у Раи. Пора действовать. Обсудим, как.

В Раиной квартире вспыхнул спор. Слезавин и Кольга предлагали бросить гранаты в расположение немцев, где бы они ни были, а Рая предостерегала их от неминуемой в таком случае беды:

— Убьете вы фашистов или нет, а вас убьют. Это точно.

— Убьем! — горячо утверждали оба.

— Дураки! Мальчишки! Не вздумайте это делать

возле жилых домов. Всех же перестреляют,— ругала ребят Рая.— Где-нибудь на отшибе.

— Тоже советчица нашлась! — шипел на нее Петя.— Это ж война, а на войне без крови не бывает... и без смерти тоже. А на отшибе фрицев нет. Это воронье в зеленых перьях гнездится в школах, в учреждениях, по домам.

— Мальчики! — Рая подняла руку.— Если танки будут отступать по нашей улице, согласна и на гранаты и на горючую смесь. Пусть на войне как на войне. Бросать будем из яра, из-под моста.

Спор ребят разрешил неожиданно появившийся Володя. Он был взволнован, глаза сияли радостью:

— Ребята, двадцатого января вы поможете мне. Надо встретить наших разведчиков со стороны вокзала.

Володя дал каждому конкретное задание.

Получив задание, взбудораженный надвигающимися событиями, Петя шел домой. Почти у дома его схватил фашистский патруль. Слезавин пытался вырваться — не удалось. Солдат крепко держал его за правую руку. Слезавин стал убеждать, что живет рядом, жестикулировал, показывал на свой дом, просил. Наконец немец согласился пойти с ним. Вошли в первую комнату. Мать перебирала фасоль на столе. Когда она увидела Петю и солдата, крепко державшего ее сына, бросилась к ним, загородила собой Петю и стала объяснять патрулю, что это ее сын. Из второй комнаты вышли офицер и солдат. Патруль вытянулся и стал что-то быстро рассказывать им.

— Стреляйт!— равнодушно махнул рукой офицер и ушел спать.

Немцу было безразлично, кто этот мальчик. Сегодня на ночь они остановились в Ставрополе, а завтра отступают на Невинномысскую.

Слезавина заплакала в голос:

— Это мой сын! Сын! Ферштейн?—Что подействовало на немца — слезы ли матери или безразличие отступления,— только он отпустил мальчика.

Все еще дрожавшая от испуга, Слезавина загнала Петю в угол первой комнаты, ругая его за непоседливость, за мальчишескую неосторожность.

Петя исподлобья следил за матерью и молчал.

— Садись хоть кондеру поешь.

Она подошла к кухонному столу, но неожиданно оглянулась на Петю, видимо, собираясь ему что-то сказать, и замерла от увиденного. Сын засовывал за пояс штанов кинжал. Мигом очутилась она возле Пети:

— Это еще что такое? Ты где взял этот ножище? А ну-ка давай его сюда.

— Не дам! — рванулся Петя.— Я их всех сегодня ночью перережу.

— Ты с ума спятил! Смерти ищешь? Ешь вот лучше.— Мать налила супу и села напротив.

— Вот так всю ночь и буду караулить этих вражин, чтоб спасти тебя и нас.

Петя перестал хлебать пшенный суп и с немым укором посмотрел на мать.

* * *

Ночью Петя долго не мог уснуть, ворочался, думая о двадцатом января.

А город и ночью жил напряженной жизнью. Гитлеровцы поспешно удирали, не забывая, однако, прихватывать с собой награбленное добро. Их сменили фронтовые части, на которые наседала Красная Армия. Орудийная канонада слышалась все отчетливее. Люди с надеждой ждали нового дня.

Услышав пулеметную трескотню, Петя оделся с проворством солдата, чтоб не попасть на глаза матери, выскочил пулей в коридор, взял в потайном месте кинжал, засунул его за пояс и беззвучно закрыл за собой дверь. Стреляли где-то поблизости. Во дворе поежился от холода, посмотрел по сторонам. К колодцу за ночь намело небольшой сугроб снега. Примостился снег и на карнизах одноэтажных домов. В Раином дворе Петя столкнулся с Махновым. Лицо Володи было необычайно блелным Стараясь не показать Пете своей взволнованности, он бросил на ходу:

— Айда в подвал за гранатами!

Стремглав полетели к Красной. Спрятались под сводами аптечных ворот и зорко следили за тем, что происходит на улице. Где-то поблизости слышались взрывы Это вражеские подрывники взрывали важные объекты в городе.

На углу, у аптеки, остановилась машина. Из нее выскочили гитлеровцы, ворвались в парадную дверь. Мах-

нов и Слезавин легли на снег, продолжая наблюдать за аптекой и за зданием горпо.

На улице где-то рядом застрочил немецкий пулемет.

«Надо снять»,— подумал Махнов.

— Ты, случайно, не знаешь, как забраться на чердак магазина? — обратился он к Пете.

— Все знаю. Наше ремесленное было за его стенами.

— Веди. Надо снять пулеметчика.

Перебежали через дорогу и очутились во дворе горпо. Бросились к железной лестнице. Осторожно влезли на чердак. Два солдата лежали у пулемета. Махнов бросил гранату к слуховому окну, упал вместе с Петей на пол — с вражескими пулеметчиками было покончено.

Махнов и Слезавин бросились к дому Раи. Но через старый каменный мост не рискнули бежать, так как по нему проносились вражеские машины. Они спустились в овраг, засыпанный снегом, держась за ветки кустарника, вскарабкались на горку, побежали к дому. Совсем рядом раздался сильный взрыв. Ребята на мгновенье остановились.

Володя подбодрил Слезавина:

— Смелее, Петя. Наши близко. А взрыв... Наверное, хлебозавод взорвали.

— Поймать бы их и взорвать так, чтобы и клочьев не собрали! — свирепо ответил Петя.

— Идем за новыми гранатами и в бой! — приказал Володя.

Заскочили к Рае. Возмущенная, она встретила их упреками:

— Это никуда не годится! Вы где-то мотаетесь, а мы тут переживаем из-за вас и не знаем, что делать.

— Что вы все от меня убегаете? — зло спросил Вася. Глаза его от обиды повлажнели.— Вы думаете, я не человек? А тебе, Петя, как руководителю стыдно за все самому браться!

— Какому руководителю?— спросил Володя.

— Он знает! — буркнул Вася.

— Айда все в подвал! — скомандовал Махнов.

Когда они вернулись с бутылками и гранатами в карманах, их настороженным взглядом встретила Васина тетя Елизавета Гавриловна. Непрошеная, она вошла в Раину квартиру и, молча поджав губы, наблюдала за всеми. В комнате повисла напряженная тишина.

— Ну, долго мы будем в молчанку играть? — наконец не выдержала Елизавета Гавриловна.

Все дружно засмеялись.

— Тетя Лиза, а чего вы из бомбоубежища вышли?— спросил Вася. — Идите, мы тут сами

— Нечего меня выпроваживать. Я упрямая и без вас не уйду. Ишь, самостоятельные какие.

— Да мы никуда не денемся!

— Нет, ребята, я стреляный воробей. — Когда она повернулась к Рае, стоявшей у окна, Володя и Петя бесшумно выскользнули из комнаты Вслед за ними, не обращая внимания на тетку, устремились Рая и Вася.

— Васька, паршивец! Вернись! Вернись, а то запорю! Райка, назад! — в исступлении кричала тетя Лиза.

Тяжело дыша, Вася и Рая возвратились в комнату. Не сговариваясь, остановились у окна и замерли. За высокими деревянными воротами Петиного двора притаилось несколько фашистов. Только Петя и Володя вбежали во двор, как на них из засады накинулись солдаты и офицер.

Рая вскрикнула, зажала рот рукой.

Фашисты окружили Слезавина и Махнова, те подняли руки, побросали в снег бутылки с горючей смесью. Их начали обыскивать и из карманов извлекли гранаты. Фашистский офицер ударил прикладом Махнова. Тот зашатался, схватился за лицо и не успел отнять рук, как услышал:

— Мальшик, иди дома!

Вася и Рая видели, как Петя направился к дому и как целился из нагана в его голову фашист.

Петя упал. Снег окрасился его кровью.

Вася пронзительно закричал, бросился к двери, но снова его схватила за руку тетя Лиза.

— Не пу-ущу! И тебя убьют! — Елизавета Гавриловна прижала Васю к себе и почувствовала, как его била нервная дрожь.

А Рая будто остолбенела у окна. Она видела, как заставили Володю идти к убитому Пете, как целились в него фашисты, как он упал. Во двор заскочил мужчина в полушубке и был убит наповал. Всех троих оттащили к сараю, облили горючей смесью...

Рая закрыла лицо руками, громко и неутешно заплакала.

Потом не было ночи. К Рае пришла вся в слезах Таня. Они обнялись и невидящими глазами смотрели в темноту. Уже давно смолкла перестрелка на улицах, а они все сидели.

— Рая, идем в Петин двор. Может, они живы?

— Я боюсь.

Таня взяла Раю за руку и стала спускаться с нею по каменным ступеням. Слух Тани уловил какие-то шорохи, царапанье, стоны.

— Ты слышишь, Рая?

— Ничего не слышу. Тебе показалось, Танюша.

Девушки прислушались. Кто-то скребся в дверь. Послышался стон — и опять тишина. Может, это ветер?

Таня решительно стала спускаться вниз, увлекая за собой Раю. Тихо приоткрыли парадную дверь и отступили. На пороге лежал человек.

Поборов испуг, Таня наклонилась к лицу мужчины и вскрикнула:

— Володя!

Вдвоем они втащили Володю в комнату, почти безжизненного положили на кровать. Рая позвала тетю Лизу. От Володи пахло гарью. Он был разут и почти восемь часов пролежал под трупами на снегу. Лицо было синим, ноги и руки как лед... Володя пришел в себя, прошептал:

— Петю убили...— и снова потерял сознание.

На другое утро в город вошли войска Красной Армии.

На похоронах Пети Слезавина Володя не присутствовал. Его выхаживали врачи.

СОЛОВУШКА

ИЗ ДЕТСТВА

Знойным летом пересыхала речка Хамхута в селе Митрофановском. И Комсомольский пруд мелел. Оставалась глубокая яма с зеленоватой водой. Она была спасением для детишек. С высокой кручи, сложив руки между ног, голые мальчишки неслись вниз, ощущая непередаваемо приятное чувство полета.

Кто дольше пробудет под водой?

Несколько огольцов ныряли в теплую, липкую воду. Жюри — мальчики и девочки с засмактанными от речной воды короткими волосами, выгоревшими под палящими лучами солнца, отставив голые зады, пристально смотрели вниз. На минуту успокоившаяся мутная вода снова начинала волноваться: маленькие круги растягивались будто резиновые, быстро увеличивались в размерах и беззвучно ломались у другого пологого берега. А за ними образовывались новые круги. Из воды выныривала чья-то мальчишечья макушка. Мгновенно запрокидывалось вверх загорелое лицо, и с кручи кричали:

— Минька! Минька проиграл!

— Павлушка, эх ты, а еще старше всех!

— Ваня! Усков! Победитель!

Его младшая сестренка Тося (они были погодки) хлопала в ладошки и захлебывалась от счастливого смеха.

— Братик победил! Молодец, Ваня! — неслся с кручи ее звонкий голос.

«Соревнователи» выбирались на кручу, и тогда подавалась другая команда:

— Кто глубже нырнет?

Наступала девчоночья очередь. Что они по-честному ныряли глубоко, можно было судить по илу, который поднимался со дна и мутил воду.

Потом собирались все вместе, лежали на желтом песке и грелись под лучами палящего солнца. Почти у всех облупленные носы и до черноты загорелые тела. Разговоров — рассказов тут было! Один старался опередить другого. Но больше всего любили говорить о приезде в село Семена Михайловича Буденного. Село-то

их непростое, а командирское. В нем родились и выросли Иосиф Родионович Апанасенко и Василий Иванович Книга — командиры первых отрядов Красной гвардии, а затем и Первой конной армии Буденного. А Ванин отец, Кондрат Калистратович Усков, тоже был лихим рубакой в коннице Буденного. Вот на пятнадцатилетие Первой конной и приезжал Семен Михайлович со своими храбрыми комбригами Иосифом Апанасенко и Василием Книгой.

На выгоне, за селом, по случаю такого славного юбилея состоялись скачки.

Ваня и Тося не видели, как «поздоровкался» знаменитый Буденный с их отцом. На назойливые приставания рассказать о встрече Кондрат Калистратович улыбался:

— Обнялись мы и пощекотал он меня своими знаменитыми усами.

— Значит, поцеловал? — допытывались оба.

Кондрат Калистратович кивал головой.

Вся большая семья Усковых была тогда на скачках. Дети помнят, как торжественно собирались на них родители. Анна Ивановна достала из сундука праздничную юбку, самую лучшую кофту и выглядела такой красивой и необычной.

Сначала был митинг, а потом уже скачки. Лихие кавалеристы наскаку рубили лозу, снимали кольца. Семен Михайлович почему-то посмотрел влево, где сидели Усковы, и поманил Ваню указательным пальцем. Большие, светло-серые глаза мальчика сделались еще больше. Ваня растерялся. Он не знал, что ему делать? Но мать подтолкнула его в спину и тихонько прошептала:

— Иди же! Тебя кличет сам товарищ Буденный.

Подошел Ваня ни жив ни мертв. За ним нерастерявшаяся Тося. Семен Михайлович сгреб Ваню одной рукой, Тосю другой, и, к великой радости ребятишек, посадил их к себе на колени. Они даже дышать перестали.

— Смотрите, дети, как скачут кавалеристы! Когда-то и ваш отец был таким лихим наездником. Только тогда была гражданская война, и смерть за каждым ездоком гонялась быстрее коня.

А когда кончились скачки, любопытные мальчишки

тесным кольцом окружили Ваню, и он видел их блестевшие от зависти глаза.

Вечером Ваня спросил у отца, куда делся Буденный.

— Уехал в Москву.

— На чем? На коне?

— Нет, на поезде, по железной дороге.

— А что такое поезд?

— Это, Ваня, большая машина, очень большая. К ней прицеплены вагоны, в них-то и едут люди. Вот вырастешь, поедешь учиться куда-нибудь, все увидишь. Города увидишь. Там много людей живет, и ты останешься, городским станешь.

— Не-е, я люблю нашу степь. Городские сроду не видали, как узкой ленточкой летят в небе журавли, не слыхали, как они курлычат. И грибов-печериц они не собирали в степи столько, сколько мы с Тосей?! Не-е-е! Учиться, может, и поеду, но все равно вернусь домой.

Кондрат Калистратович был добрым человеком, совестью села. В Митрофановке и стар и млад называли его Батькой. Когда приезжал кто-нибудь в потребкооперацию, которой он заведовал, он непременно вел его к себе покормить. Знал, что столовой в селе нет, и человек будет голодать. А голод тридцать третьего года еще помнила вся семья Усковых.

Никогда не забудет Анна Ивановна, как Кондрат поехал в какое-то село в командировку, встретил там своих сослуживцев-буденновцев, рассказал о своей большой семье: «Сами еще кое-как, а когда дети просят хлеба, а его нет, так душа разрывается на части». И друзья передали «гостинцы» детям — каждый по буханке. Целый мешок хлеба и сухарей привез тогда домой Кондрат Калистратович.

— Маты, ты знаешь, скильки я хлиба прывиз?

— Стико?

— Пять паляныць та сухари. Одын паляныцю, другий. Бачишь, не имей сто рублей, а имей сто друзей.

Анна Ивановна и сама была гостеприимной. Помнила людскую доброту и угощала от души, чем могла. «Чем богаты. Не гневайтесь»,— бывало, говорила она гостю.

Была она хорошей хозяйкой. Чтобы как-то свести концы с концами, она держала корову, поросенка, пти-

цу. Сама большая труженица, она и детей сызмальства приучила к труду. А было их в семье шестеро, младшенькие — Тося с Ваней.

Прибежали с купанья веселые, счастливые. Мать встретила ласковой улыбкой, подняв от корыта, где стирала белье, красивое лицо в мелких капельках пота. Вытерла синим фартуком руки, подошла к летней печке, заставленной чугунами, сняла с одного из них крышку и половником налила в алюминиевую чашку духовитого борща. Поставила на круглый низкий стол, вбитый в землю под кудрявой акацией. Не успела оглянуться, а ее «последышки» уже уплетали борщ аж щеки трещали.

— А теперь мы пойдем домажем сарай,— вытирая рот рукой, сказал Ваня.

— Идите, дети!

Анна Ивановна протянула Тосе косыночку:

— На, надень, а то вся голова будет в глине.

Тося звонко засмеялась. Она знала мамину поговорку: «Знать Акулину, что пекла пироги, и ворота все в тесте».

Ваня носил в ржавом ведре глину, а Тося нашлепывала ее на стенку и крохотной, загорелой ладошкой размазывала, а чтобы не было бугорков, окунала щетку в ведро с водой и разравнивала ею стену до гладкости. Работа спорилась.

...Белое, раскаленное солнце на закате нарядилось в другой, медно-красный цвет. С поля, что сразу начиналось за околицей, повеяло душистой прохладой. По проселочной дороге пастух гнал стадо. Коровы шли медленно, нехотя, оставляя за собой пыльный душный шлейф. Приближаясь к своему двору, каждая буренка протяжно мычала, заявляя о появлении.

Анна Ивановна никому не доверяла доить корову. Мыла руки, ополаскивала доенку, брала низенькую скамеечку и направлялась в коровник. За ней важно шествовал Ваня с глиняной макитрой, до половины наполненной чистой водой. Этой водой мама обмывала соски корове и начинала доить. Ваня уходил, чтобы не «нервничала» их кормилица. Обычно он останавливался за дверью и слышал, как первые струйки молока упруго ударялись о бока белого металлического подой-

ника. Сейчас мать нальет им полные чашки, а они накрошат в него хлеба и будут есть деревянными расписными ложками медленно, подольше растягивая это удовольствие.

Из сарая неслись запахи душистого сена. Это в мае Усковы накосили на зиму сена корове. Ох и умаривались они тогда за день! И отец, и Федя, и Ваня, и Надя, и Тося. Девочки ворошили сено — сушили. И когда совсем вечерело, они усталые, но довольные, ложились на копну, какое-то время молчали, наслаждаясь тишиной и покоем. Молча смотрели в чистое вечернее небо. И как это птицы безошибочно определяют свой путь на Маныч?

Часто вечерами, устав от бесконечных дел, Анна Ивановна и Кондрат Калистратович садились под развесистую акацию и пели грустные старинные песни. Ребятишки, сказав тихонько друг другу «замрем», сидели не шелохнувшись, завороженные красивым голосом матери.

Любили маленькие Усковы слушать еще одну певунью. Когда к ним в гости приходили соседи дядя Лева и тетя Надя Коваленки, для Вани и Тоси наступал великий праздник. Статный, с орденом Боевого Красного Знамени на выгоревшей гимнастерке, дядя Лева загребал в свои могучие ручищи Ваню, смотрел в его лучистые глаза и спрашивал:

— Ты конем управлять умеешь?

— Умею,— несмело отвечал Ваня.

— А саблей рубать можешь?

— Не-е-е.

— То-то! А мы, знаешь, как с твоим отцом беляков рубали! Раз! Два!— Дядя Лева поднимался из-за стола и взмахивал правой рукой направо и налево. Он делал это так искусно, будто и впрямь в руке держал шашку, отливающую серебром.

Успокоенный, дядя Лева садился, а Ваня смотрел на его блестящий орден на красной материи и слушал-слушал боевого друга отца.

— Учись, Иван! Неграмотный что слепой. Понимаешь, советской власти грэба грамотные люди Мы воевали за землю вольную, за жизнь свободную А вы, дети наши, должны сделать эту жизнь красивой А для того должны учиться, все науки познать. Понял, малец?

— Понял,— покорно отвечал Ваня.

Кондрат Калистратович тянул друга за руку:

— Давайте писню! Надя, запевай.

Положив руки на колени, Ваня и Тося, вытянув шеи, слушали старинные песни про «козаченькив», про «звон кандальный». Голос тетки Нади, красивый и сильный, выделялся из всех голосов.

— Вот бы мне так спивать,— восторженно шептал Ваня сестренке.

В один из вечеров, после ужина, Кондрат Калистратович спросил у Вани, улыбаясь:

— Хочешь на перепелиную охоту?

— Так я ж стрелять не умею.

— А вот сейчас пойдем с тобой чистить охотничье ружье, я тебя и научу.

В огороде, за хатой, где по вскопанной земле безжизненно распласталась сгоревшая под палящими лучами солнца картофельная ботва, Кондрат Калистратович расстелил мешок, сел и начал разбирать ружье:

— Вот смотри, Ваня: это затвор, это боек.— Каждую деталь отец долго тер тряпкой, смазывал ее машинным маслом и, собрав затвор, снова разбирал его, заставляя Ваню:

— А ну-ка, собери теперь сам.

Ваня сжимал толстые губы, сопел и, склонив свою кудрявую голову, усердно трудился. Когда наука сборки и разборки ружья была постигнута, Кондрат Калистратович начал учить сына стрелять.

Теперь каждый вечер Ваня терзал отца вопросами:

— Пап, ну когда же поедем на охоту?

— Скоро, сынок.

И это «скоро» наступило. Субботним угасающим днем отец и сын ехали на конях в широкую и раздольную приманычскую степь. С патронташем на груди, с ружьем за спиной Усков посматривал на сына и любовался умением мальчишки держаться в седле.

...Прогремел ружейный выстрел Кондрат Калистратович убил первую перепелку Ваня подбежал к убитой птице. Увидел на серых перьях кровь и остолбенел. Потом погладил птицу.

— Бедная перепелочка, ты хотела жить, а тебя убили. Я никогда не стану охотником.

Ваня принес птичку в ладонях.

— Папа, поедем домой!— В глазах мальчика стояли слезы.

— Так ведь охотиться мы приехали?! Над нами дома будут смеяться, скажут: вы не охотники, а тюхи-матюхи. Распустили нюни над птицами!

Ваня больше не выказывал жалость. Он молча приносил перепелок и запихивал их в мешок.

Дома, когда высыпали на кухне дичь, мать пришла в восторг от удачной охоты. Принялась ощипывать перепелок. А когда приготовила жаркое, Ваня отказался от еды. Заложив руки в карманы латаных штанов, пошел на другую улицу, к Мите.

Зимой отца перевели работать в Дивное. В старой, потерявшей теперь свой уют хате остались двое учеников: Надя и Ваня. Надо было закончить учебный год.

Учиться Ваня начал с шести лет. Приедет, бывало, отец домой и после вечери садится что-то писать. Сосредоточенный, он и не слышит робкого дыхания Вани. Мальчик становится на цыпочки и заглядывает через плечо. Шмыгнув носом, малыш выдавал свое присутствие. Отец переставал писать и ласково обращался к нему:

— Чего тебе?

— Пап, я тоже хочу писать.

— Будешь, сын, писать, будешь.

Темные брови шестилетнего малыша сходились у переносицы, лицо приобретало сосредоточенное выражение.

— Пиду в школу.— Смотрел на улыбавшегося отца и более настойчиво подтверждал:— Первого сентября пиду.

И пошел. Вместе с Надей. Проснулся рано-рано. Умылся, попросил у мамы чистую сорочку, а штаны были одни. Пришли они в школу к звонку. У дверей цепочкой выстроились первоклашки. Надя шепнула:

— Иди сам просись у учительницы, чтоб приняла тебя.

Раньше каждое утро Ваня встречал у дома и провожал долгим взглядом молодую учительницу, направлявшуюся в школу. Когда солнышко было вровень с крышей хаты Усковых, она проходила мимо. Ваня разогнался было к ней — спрошусь, она разрешит, а потом

остановился: ну а вдруг не пустит, вдруг выгонит? Он тихонько пристроился к шеренге ребят и вошел в класс последним Как и все, сел за парту Учительница стала вызывать первоклассников по фамилии.

— Мальчик, а ты чей?— спросила Галина Афанасьевна.

— Вы ж ходите мимо нашей хаты каждое утро. Не узнаете меня, что ли? Усков я. Ваня Усков.

В классе засмеялись.

Ваня зарделся весь, понурился.

— Ну что ж, я запишу тебя, Ваня Усков.— Учительница строго посмотрела на ребят, и они притихли.

Вечером сияющий Ваня подбежал к отцу и похвастался:

— Ага, меня учительница записала в школу. И завтра пиду, и все время теперь буду ходить.

— Ты ж внимательно слушай учительницу, а то, знаешь, какие у нее слова хитрые,— Кондрат Калистратович подморгнул Анне Ивановне,— кто ее не слушает, они в одно ухо влетают, а в другое вылетают.

Ваня согласно кивнул и попросил:

— Папа, надо ж мне книжки, тетрадь.

На другой день Кондрат Калистратович принес букварь, тетради, чернильницу, ручку.

Так Ваня начал ходить в школу.

Матери было любопытно, как там учится ее сын — мал ведь для школы? Подкараулив однажды учительницу, она спросила:

— Будьте добреньки, скажите, как там учится наш Ваня?

— Ничего,— улыбнулась учительница.— Пусть ходит.

Брат Федя был шофером. Это все одно, что профессор,— говорили тогда в селе.

Ваня часто приставал к Федору, чтобы тот посадил его в автомобиль. Выедут, бывало, в степь, а Ваня просит брата, чтобы научил водить машину. Сперва Федор объяснял, как держать руль, как делать повороты, как и когда нажимать на тормоза, а потом разрешил Ване сесть за руль. Ваня схватил баранку так крепко, будто ее кто у него отнимал, и повел, повел машину по проселочной дороге. Проехал, может, метров двадцать, может, меньше, и устал так, будто воз дров перенес на себе.

Передал руль брату, а в глазах такая радость!

Шли дни, месяцы.

Как-то из школы пришел Ваня с пионерским галстуком на шее.

— Посмотрите, я уже пионер!— заявил с порога.

Тося собиралась в школу. Ей досадно стало, что она еще не пионерка, она и выпалила:

— Ага теперь тебя отправят колоски собирать. Все пионеры собирают. И железо... И сусликов выливать.

— Подумаешь, напугала! Пионер никогда не должен бояться трудностей. Он всем ребятам пример!

Тося ушла, а Ваня стал рассказывать маме о пионерской клятве, что давал он перед всеми одноклассниками — любить свою Родину, жить, учиться и бороться по-ленински.

— Ну и будешь всегда помнить эту клятву?

— Конечно, мама! Какой же я тогда пионер?

Ваня не снимал галстука, пока не пришел отец. Увидев склонившегося над книгой сына в пионерском галстуке, Кондрат Калистратович воскликнул:

— Значит приняли в пионеры! Поздравляю!— Подошел к Ване, погладил светло-русую голову.

— Мы воевали за то, чтобы наши дети были свободными, чтобы учились в школе и выходили в жизнь хорошими, грамотными людьми. А в пионерии учат только хорошему. Смотри, Ваня, не осрамись сам и нас не опорочь.

В тот день Ваня особенно старательно помогал Анне Ивановне по дому и заслужил ее похвалу:

— Теперь я знаю, что ты настоящий пионер!

Ваня подружился с Леней Заикиным. Леня был старше года на два. Он хорошо играл на гитаре и, пожалуй, с этого началась дружба. Бывало, из школы бегут прямо к Заикиным.

— Лень, сыграй что-нибудь!

Под аккомпанемент друга Ваня пел «Черное море, священный Байкал» — особенно любимую песню. Начинал тихо, стесняясь, а потом переставал обращать внимание на мать Лени, Марию Яковлевну, где-нибудь пригорюнившуюся в уголочке,— и голос его креп, становился уверенным, звучным.

В последнее время Ваня после школы стал надолго

куда-то убегать. Анна Ивановна ждет-пождет сына, а его все нет и нет.

— Дэ ж цэ Ванька пропада?— беспокоилась мать.

— Мамо, та вин такий футболист!— прыснула Тося.

В последнее время ребята пристрастились к футболу. А мяч какой был? Туго набитый тряпками матерчатый круглый мешок. Иногда до того загоняют мяч, что с него лохмотья летели, как перья с дерущихся петухов. Зашивали свой футбол по очереди.

Возвращался Ваня краснощеким и очень усталым. Ночью не мог уснуть, ворочался в постели.

— Ты чего не спишь? — шепотом спрашивала Тося.

— Ноги дюже болят.

В воскресенье прибежал с футбольного поля пообедать, а в хате гость — товарищ отца, однополчанин по фамилии Голик. Худой, заросший щетиной, и рубаха на нем ну прямо из клочков — такая старая. Отец смотрел на него с жалостью и болью.

— Маты, дай мени ту сорочку, шо ты вышила.

Анна Ивановна с немым укором посмотрела на Кондрата Калистратовича. Неужели отдаст? Ведь она столько зимних вечеров потратила на вышивку. Это ж единственная праздничная сорочка. Молча открыла полупустой сундук, достала белую ситцевую сорочку, вышитую черными и красными нитками.

— Снимай свои лохмотья, друже! Носи вот эту на здоровье,— Кондрат Калистратович протянул другу рубашку.

— Та ты шо, Кондрат? У тэбэ и у самого не густо.

Ваня наблюдал. Ему, как и маме, немножко жалко было сорочки, в которой отец становился моложавым и красивым, но он знал бескорыстную щедрость отца, знал, что голодному он отдаст последний кусок хлеба, раздетому — одежду, и горд был за отца.

Дети тоже росли отзывчивыми к чужому горю. Если кто скажет «Шурка», сразу поправят: Шурка — это дразнилка, а зачем же дразнить человека. Только один раз Ваня поступил нехорошо, обидел безвинного человека. Да и то не сам обидел, а присутствовал при этом и промолчал.

Жила в селе старая больная женщина. Часто бесцельно бродила она по улицам. Босые, потрескавшиеся ноги ее утопали в дорожной пыли. Если рядом оказыва-

лись ребята, они обязательно окружали ее надоедливой ватагой и орали:

— Манька-Ралка!

— Манька-Ралка!

Она не реагировала на мальчишечий гвалт. А ребята вновь и вновь выкрикивали кем-то данное нелепое прозвище. Вот как-то раз на такую ватагу и наскочил Кондрат Калистратович. Как назло и Ваня оказался среди мальчишек.

— Стойте, бисови диты!— грозно закричал Кондрат Калистратович.

Ребята остановились, настороженно глядя на сердитого Ускова-старшего.

— А ты тоже дразнил эту женщину, сын?

— Нет, папа. Я же стоял. Разве вы не видели?— и покраснел до ушей.

Кондрат Калистратович укоризненно покачал головой, густые брови его сердито сдвинулись у переносицы:

— За перепелками жалкуешь, а человека...

Кондрат Калистратович не договорил.

— Та не трогал я ее.

— А почему не защитил?— повысил голос Усков.

— Слухайте, хлопцы, про ее жизнь,— обращаясь к мальчишкам, сказал Кондрат Калистратович.— Вы чулы про то, шо була гражданьска война?

— Чу-у-лы-ы!— дружно ответили ребята.

— У этой женщины был сын. Единственный. Чуть постарше вас. Красноармеец. Послали его наши в разведку, а белые схватили парня в его родном селе. Сколько ни допытывались у него, где расположен полк, он молчал. Тогда враги придумали ему лютую смерть.— Кондрат Калистратович увидел заблестевшие глаза мальчишек.— Утром,— продолжал Усков,— беляки вырыли глубокую яму, опустили в нее разведчика и закопали. Оставили одну голову. Подвели мать.

— Мама, когда наши займут село, скажите, что я не предал товарищей.

— Сынок, ты же погибнешь!— еле выговорила мать.

— Я погибну один, а сотни моих товарищей останутся живы. И отомстят за меня.

Земля давила на парня, он стал задыхаться. С каждой минутой красноармейцу-разведчику становилось все тяжелей и тяжелей.

— Прощайте, ма...

Мать закричала, припала к сыну и услыхала смех белогвардейцев, гарцевавших на конях рядом. Злой смех бандитов был последним здравым восприятием матери. Вдруг, когда сын навеки закрыл глаза, она тоже засмеялась. Маты, хлопцы, зийшла з ума. Дивиться на неи... Это святая женщина!

Мальчишки повернулись в ту сторону, куда ушла Манька-Ралка. Они увидели худую, сгорбленную ее спину.

Давно уже Ваня Усков познал мир по учебникам. Учебники открывали перед ним континенты, страны и города. Ему дарили прекрасные рассказы и повести Тургенев. Чехов, Короленко и другие писатели. Он брал книги в библиотеке, у товарищей и читал их запоем. Выучит уроки, сядет возле мамы и рассказывает ей и Тосе содержание прочитанного.

Гордостью наполнялось сердце матери за своих детей: «Они ученые. Они увидят свет. Не зря, значит, Кондрат воевал за Советскую власть».

Иногда Анна Ивановна говорила мужу:

— Ваня вырос, а все в обносках ходит. У меня сердце разрывается на части, Кондрат!

— Ганнушка, не сразу Москва строилась. А ты хочешь, чтоб государство моментально построить после военной разрухи. Потерпи еще.

— Та терплю ж!

— Не горюй, Ганнушка. Седьмой класс окончит — купим костюм, ботинки. Ты запомни, маты, кто с нуждой знаком, у того сердце должно быть щедрым,— успокаивал жену Кондрат Калистратович.

Летом тысяча девятьсот тридцать девятого года сияющий Ваня принес домой свидетельство об окончании седьмого класса, положил на полку учебники и, обращаясь к отцу, совсем по-взрослому сказал:

— Все! Больше в школу не пойду. Буду заочно учиться и работать.

Кондрат Калистратович удивился, но ответил спокойно:

— Что ж, работай. Но только и учись.

Устроился Ваня Усков помощником счетовода на хлебоприемный пункт. Словно на крыльях он летел домой

с первой в жизни получкой. Правой рукой, опущенной в карман брюк, он держал деньги так крепко, что пальцы онемели. Вошел в хату сияющий, протянул на ладони деньги Анне Ивановне:

— Мама, купите себе на платье, а мне штаны и пиджак.

— Спасибо, сынок! Куплю!

В сельпо как раз привезли мужские костюмы, пальто. Всю ночь простояла Анна Ивановна в очереди, но не достался ей подростковый костюм. Что же делать? Взять пальто, что ли? И Анна Ивановна купила пальто.

Ваня все выглядывал мать. Увидел, что идет, выскочил из-за ворот ей навстречу:

— Мама, ну купили?

— Моя детка, купила, да только не тебе. Костюма не досталось. Взяла пальто.

— Кому?

— Да вот пойдем домой, надену — посмотришь.

Надела.

— Ой, мамочка, как вам хорошо! Носите, а мне после купим.

Но думка у матери была совсем другая. Чтобы не огорчать сына, она в тот раз ничего ему не сказала. Когда же наступили последние дни августа и Надя, окончившая среднюю школу, собиралась в педагогический институт в Ставрополь, Анна Ивановна мягко обратилась к Ване:

— Сынок, Надя едет на люди. Пусть возьмет пальто.

— Конечно, пусть берет! А вам купим еще.

Шло время. Ваня работал и учился заочно в Ростовском финансовом техникуме:

— Кондрат, да скажи ж ты продавцам, чтоб оставили мальчишке костюм!

И принес отец костюм сыну. Померил его Ваня, а он как влитый.

— Ой, спасибочки вам,— заулыбался довольный Ваня. Походил по комнате, вышел во двор, на улицу. Вернулся, повесил его на вешалку, прикрыл чистой занавеской.

— Мама, глядите, чтоб не запачкали костюм.

Вечерами пятнадцатилетний мальчишка читал, писал, считал на счетах. По нескольку раз проверял контрольную работу, прежде чем ее отправить.

Наступила весна сорок первого года. Приходит Кондрат Калистратович домой и говорит Анне Ивановне:

— Меня посылают председателем колхоза «Знамя Ленина» в Малую Джалгу.

— И чего это тебя все перебрасывают с места на место?— незлобиво отозвалась Анна Ивановна.— Мы, как цыгане, сегодня здесь, а завтра в другом месте.

— Я солдат партии, мать.

Подошло лето. Утро двадцать второго июня было теплым, солнечным. Кондрат Калистратович уехал на рассвете по колхозным бригадам проверять, как подготовились к уборке богатого урожая.

Ваня подрос, стал красивым юношей: вьющиеся русые волосы, правильные черты лица, славная улыбка. По-прежнему он первый помощник Анны Ивановны. Утром вычистил коровник, наносил воды, которая в тех засушливых местах ценится чуть ли не на вес золота, подмел двор и после завтрака сел доделывать последнюю контрольную работу в техникум. Если все правильно, его переведут на второй курс. Наверное, в следующем учебном году вызовут на сессию в Ростов. Вот тогда он увидит большой город.

«Какой он, этот город? Наверное, большие дома. Трехэтажные. Мощеные улицы, и нет на них грязи, как у нас,— думал Усков.— И много машин сюда-туда снуют».

Решил все задачи, проверил. Кажется, правильно. Рука потянулась к книге — «Овод». Любимую книгу подарили ему родители в день рождения.

В кухню вбежал Кондрат Калистратович:

— Вы шо, не чулы? Война! Гитлер напал на нас.

Анна Ивановна выронила из рук алюминиевую чашку с водой. Вода растекалась по земляному полу. Ноги сделались ватными, и она еле дотащилась до лавки. Села, охнула и заплакала.

— Это ж Федора опять заберут?!— Вытерла кончиком головного платка слезы. Посмотрела на присевшего рядом с нею Кондрата.— И тебя, наверное.

Кондрат Калистратович тяжело поднялся.

— Пойду в правление. Звонить в район надо. Спрошу, что делать.

На третий день провожали Федора на фронт. Ваня не выдержал — заплакал.

— Не плачь, братишка, ты провожал меня на войну с белофиннами и тоже волновался. А помнишь, я сказал, что через три месяца вернусь с победой. Вернулся же! И теперь вернусь через три-четыре месяца. Прогоним захватчика и вернусь.— Федор провел по мокрому лицу Вани шершавой ладонью, вытер слезы.

УХОДИЛИ В ОТРЯД ПАРТИЗАНЫ

Шли дни. По радио передавали, что гитлеровцы бомбят наши города, занимают нашу землю. Сжималось сердце от боли.

Письмо от Федора. Единственное. Через три месяца почтальон принес извещение, что Федор пропал без вести. Анна Ивановна слегла от горя. Неделю не поднималась, во рту ни крошки. И только сознание того, что надо работать, что надо помогать фронтовикам, убирать до зернышка хлеб, заставило ее встать.

Подошло лето сорок второго года. Ваня работал в Малой Джалге счетоводом. Война не прекращалась. Совинформбюро передавало, что немцы уже в Ростовской области. Вечером, когда Анна Ивановна возвращалась с Тосей с колхозного поля, она тревожно спрашивала у сына:

— Ну, что там радио каже?

— Плохо, мамо! Фашисты идут в наш край.

— Ой, лышечко! Шо ж наши солдаты так тикають, шо допустылы его так далеко? Погибнем! Все погибнем!— причитала она.

— Ну, должны же их остановить когда-нибудь!— утешал Ваня.

Через несколько дней он прибежал домой встревоженный, растерянный:

— Мамо, все уезжают от немцев.

— Что же делать нам?

— Давайте, мамо, собираться.

Заскочил домой Кондрат Калистратович, бледный, неузнаваемый.

— Немец уже в Большой Джалге. Поезжайте в Вознесеновку. Ваня, мигом ко мне, в линейку! — Кондрат Калистратович умчался вместе с сыном.

Приехала Анна Ивановна в Вознесеновку, а Кондрат Калистратович с Ваней уже там.

— Ну, маты, прощай!— Первый раз в жизни при детях Кондрат Калистратович поцеловал жену.

— Папа и я с вами.

— Ты еще мал, сынок! Мы в партизанский отряд.

— Папа, вы же знаете, как я метко стреляю.— И Ваня побежал к линейке, вскочил.

— Мамо, мы скоро вернемся. Не плачьте!

Не прошло и получаса после отъезда Усковых, еще не высохли слезы на щеках матери, а в село на машинах и мотоциклах влетели гитлеровцы.

В Рагулях, куда прибыли Усковы, уже организовывался партизанский отряд «Сергей». Командиром назначили начальника районного отделения милиции Попова Никиту Абрамовича, комиссаром секретаря райкома партии Несмачного Ивана Михайловича.

Командиры объяснили обстановку:

— Кто слаб волей, кто боится, что не выдержит, лучше оставайтесь.

И некоторые отсеялись.

Оставшиеся давали присягу на верность Родине. Командирами взводов назначили Белимова Василия Андреевича и Дрищова Василия Тарасовича. Кондрат Калистратович и Ваня Усковы попали во второй взвод, к Дрищову.

В тот же вечер отряд направился в Левокумку, затем в Кизлярские буруны. Под Кизляром отряд «Сергей» слился с благодарненским «Максимом». Командиром у благодарненцев был секретарь райкома партии Однокозов Алексей Григорьевич. Вскоре партизаны соединились с Моздокским фронтом. Их придали кавалерийскому корпусу Кириченко. Задача партизан и регулярных частей Красной Армии состояла в том, чтобы совместными усилиями разгромить моздокский узел противника, состоявший из нескольких тысяч солдат и офицеров, большого количества танков, бронемашин, артиллерии, авиации.

К партизанам на самолете прилетел первый секретарь краевого комитета партии, член Военного Совета фронта Михаил Андреевич Суслов. Подошел к бойцам отряда «Сергей».

— Кто командир?

— Я, товарищ Суслов!— представился Попов.

— Товарищ Попов, постройте всех партизан.

Михаил Андреевич поприветствовал, потом обошел всех, каждому партизану пожал руку. Вот он поздоровался с Гайворонским и вдруг увидел стоящего рядом с ним Ваню Ускова.

— О, у вас маленький партизанчик!— воскликнул Михаил Андреевич.— Как твоя фамилия?

— Партизан Усков Иван! Прибыл в отряд для защиты Родины!

— Ну, здравствуй, Ваня Усков!— и пожал руку «партизанчику».

Член Военного Совета поинтересовался, в чем нуждаются партизаны.

— В оружии,— был ответ.

Михаил Андреевич поговорил о чем-то с командирами, затем пожелал всем успехов, пообещал, что оружие партизаны получат, и улетел. В тот же день из Кизляра прибыли две воинских машины с оружием.

Ваня Усков получил карабин и две гранаты, которые он тут же прикрепил к поясу брюк.

Несколько дней партизаны потратили на изучение оружия и пулемета «максим». Ваня Усков хоть и был самым молодым в отряде, а в оружии разбирался лучше некоторых взрослых. Партизаны видели старания мальчишки и промеж себя говорили:

— Хороший хлопец у Кондрата: работящий, скромный, смелый. А поет как! Настоящий соловей!

Закончит чистить оружие Усков-младший, положит карабин на колени и, глядя в степную холмистую даль прищуренными глазами, запоет:

На заре, во поле, у кургана,
Прижимая стремя у седла,
Провожала в армию Татьяна
Своего любимого орла.

Партизаны тихо, стараясь не вспугнуть песню, подходили, садились вокруг.

А Ване было очень-очень грустно. Наверное, воспоминания о доме, о маме, о Наде и Тосе потянули на песню. Конечно, она не спит по ночам, его мама. Он представил ее лицо с высоким белым лбом, с большими серыми

глазами, ее застенчивую улыбку. Наверное, часто утирает она слезы кончиком белого платка — все думает о них с отцом.

...На посту стоят Василий Дрищов и Ваня Усков. Тихо плещется о берега Кума. Ночь. Ветер налетит, расшевелит камыш и кажется, что вот сию минуту бросится на тебя враг.

Ваня озирается вокруг — страшно.

— Не бойся, Ваня! Это ветер гоняет камыш,— подбадривает парнишку Василий Дрищов.

...В разведку уходили почти каждый день. Ведь разведка — глаза и уши отряда.

Командование отряда дало ответственное задание двум юным партизанам: Ускову и Абдульменову. Подробно рассказали им, что они должны разузнать, как действовать. Одели их в чабанские костюмы, дали в руки ярлыги, и отправились ребята в село Кумли.

«Чабаны» шли смело, громко разговаривали. Перед ними расстилалась неоглядная степь.

— Вспомнил я сейчас один случай, отец рассказывал...— и Ваня пересказал Ивану Абдульменову историю о Маньке-Ралке.

— Вот герой,— вздохнул Абдульменов.

— А что если мы попадем в лапы фашистам и нам будут грозить смертью... будут пытать? Ты выдашь своих товарищей по борьбе?

— Ты что?! Я — комсомолец!

— А я не комсомолец, но знаешь, как сильно я люблю свои села, свою степь! Осенью, когда улетают в теплые края птицы, я с закрытыми глазами могу определить: журавли это летят, синицы или другие птицы. Смотри, в рифму получилось,— засмеялся Ваня.

Абдульменов сузил и без того узкие глаза и пристально, будто в первый раз посмотрел на Ускова.

— А ты красивый, Иван! Зубы какие у тебя!

Ваня еще пуще засмеялся.

— Та я ж человек, а не конь. Чего ты по зубам определяешь мою внешность, Абдульмен?!— Ване нравилось больше называть его Абдульменом.

Абдульменов добродушно улыбнулся:

— Мы известные коноводы.

Ребята и не догадывались, что сзади их прикрывали на всякий случай начальник разведки Дрищов, партизаны Орехов и Мартыненко. В случае опасности они немедленно оказались бы рядом.

На околице села встретились с зоотехником-ногайцем. Узнал тот комсомольца Ивана Абдульменова. На его вопрос: «Куда путь держите?» ребята ответили:

— Ищем коров.

«Знаем, каких коров вам надо»,— и предатель побежал в полицию.

Зашли ребята в село, увидели женщин-ногаек. Абдульменов заговорил с ними на ногайском языке. Женщины рассказали, сколько в селе немцев, машин, где находится штаб.

Не успели полицаи схватить юных разведчиков. Два Ивана благополучно вернулись в отряд. Они доложили командованию все, о чем узнали, и через некоторое время отряд напал на Кумли. Были уничтожены немецкие велосипедисты и полицаи. Схватили зоотехника, который донес на юных разведчиков в полицию.

Задождило в конце октября. Часто на землю опускался туман. Пользуясь этим прикрытием, группа партизан-разведчиков подобралась к Ачикулаку. По Буденновской дороге сюда прибывали бронетранспортеры, мотоциклисты, пехотинцы на грузовых машинах. Ачикулак — крупнейшая вражеская база по снабжению Моздокского фронта.

Вечером разведчики доложили своему штабу о скоплении противника в Ачикулаке.

— Надо полагать, немцы готовятся к какой-то боевой операции.

Враг намеревался выйти к берегам Каспийского моря, чтобы овладеть железной дорогой, связывавшей через Астрахань фронт на Волге с нефтяными районами Кавказа.

Командование Красной Армии совместно с партизанским объединенным полком решило сорвать планы противника. Тридцать первого октября, ночью, вышел партизанский полк из Камыш-Буруна. На рассвете первого ноября они были у Ачикулака. Кавалерийский корпус Кириченко после глубокого рейда по тылам противника вышел на подступы к Ачикулаку южнее партизан. Три-

дцатая Отдельная Краснознаменная кавалерийская дивизия расположилась юго-восточнее Ачикулака. Была поставлена задача — разгромить этот узел противника.

Партизаны перекрыли дороги, ведущие к Ачикулаку, чтобы отрезать пути отхода вражескому гарнизону и не допустить удара в тыл наших войск. За ночь они вырыли глубокие окопы с пулеметными и минометными гнездами, с площадками для противотанковых ружей.

Рассвет. В окопах напряженнейшая тишина.

Разведчики подползли к немецким патрулям и хотели бесшумно снять их. Но совершенно неожиданно их предал туман: он мгновенно рассеялся, часовые заметили партизан и открыли по ним огонь. Закипел жестокий бой, какого еще не приходилось вести партизанам.

На партизанские окопы мчались вражеские танки.

— Без команды огня не открывать!

Танки все ближе, ближе. Уже совсем рядом, а команды все нет. Нервы напряжены до предела.

— Приготовиться! Огонь!

Стиснув зубы, стрелял по врагу и Ваня Усков.

Завертелся первый подбитый танк. Запылал второй. Остановился третий. Остальные повернули назад. Когда наступила передышка, Ваня подумал: «А где отец? Он был в обозе, в балочке».

А обоз заметили фашисты и ну гвоздить по нему. Обозники на бричках, линейках помчались к кошаре, чтобы укрыться от вражеского огня. Среди них был и Кондрат Калистратович.

Наступление врага началось вновь. Четыре раза за четыре часа враг предпринимал танковые атаки. В бою был ранен командир Попов. Василий Дрищов сказал Ване:

— Надо найти комиссара Несмачного! Он должен заменить в бою командира.

Усков сел на коня, вихрем помчался к месту, где дрался Иван Михайлович, и передал сообщение о ранении командира.

Ночью, Ваня бросился искать отца. Товарищи рассказали ему, как обоз напоролся на вражескую засаду...

С этих пор Ваню будто подменили. Он не шутил, не пел своих песен. И все рвался в бой.

Наступил декабрь. Партизанский отряд вырос, закалился, имел уже свою героическую биографию.

Рейды не прекращались. Ни днем, ни ночью партизаны не давали врагу покоя. Как-то заняли дорогу на Буденновск. Видят, легковая машина идет на Левокумку, а в ней — два офицера. Пропустили машину. Метрах в трехстах от нее шел грузовик. Партизаны ударили по нему из противотанковых ружей. Машина остановилась. Завязался бой. Почти всех оккупантов перебили. Оставили пятерых «языков».

А легковая машина с надменными офицерами мчалась к комендатуре, над которой развевался красный флаг, а в здании — партизанское командование.

Бойцы зажгли машину, уничтожили офицеров и шофера. У старосты, который был задержан партизанами в комендатуре, узнали, какой силой располагают фашисты.

Но пора и на базу возвращаться. Примерно в тридцати километрах от Величаевки, у реки, на партизан наскочил вражеский отряд. Появился он внезапно, будто из-под земли вырос. Партизаны не успели принять боевой порядок, как фашисты пошли в атаку.

— Отступа-а-ть в камыши-и!— раздалась команда.

Дрищов, Трофимов, Горохов прикрывали отряд.

Ваня мчался к реке на пулеметной тачанке с секретарем райкома партии Михаилом Владимировичем Любченко и участницей гражданской войны Таисией Павловной Дядьковой. Еще, еще немного и они скроются в камышах.

Это было неожиданно... Ваня, словно подкошенный, упал в тачанку. Товарищи взяли его на руки, понесли в камыши.

Метрах в трехстах от берега Кумы, на песчаном островке, партизаны вырыли могилу. Положили Ваню у холмика. Кудрявые волосы шевелил ветер. Не скрывая слез, смотрели на парнишку в последний раз. Эх, Ваня! Ваня! Соловушка!

Накрыли Ваню белым полотном, положили сверху душистой полыни и засыпали могилу песком.

...Когда через четырнадцать дней Красная Армия изгнала фашистов, партизаны у могилы своего любимца провели митинг и поклялись сурово отомстить за смерть юного партизана Вани Ускова. Раздался прощальный ружейный салют, и партизаны ушли на запад — гнать и дальше врага с нашей земли.

19 января 1943 года Красная Армия и отряды партизан освободили Вознесеновку. Девушки убрали клуб. Зрительный зал быстро заполнялся жителями села. Партизаны расположились на сцене: они были в шапках-ушанках, в полушубках, в валенках и сапогах, в полном вооружении. Еще не начался митинг, когда в клуб вошла Анна Ивановна Ускова. Медленно она приближалась к сцене. Бледная, с дрожащими губами, внимательно вглядывалась в лица партизан.

— Как же так, все тут, а моих двоих нету?! Где же мой сын Ваня Усков?

Воцарилась тишина. Партизаны растерялись:

— Он ранен в плечо. Мы поедем за ним,— услышали все чей-то задрожавший голос.

Поднялся Любченко:

— Товарищи! Врать нам нельзя. Анна Ивановна, ваш сын Ваня погиб смертью героя.

Анна Ивановна упала на пол, потеряв сознание.

Мать привели в чувство, отвезли домой. У ее изголовья склонились Несмачный, Любченко, Паскалов:

— Анна Ивановна! Мы так жалели Ваню. Он был нашим любимцем, нашим Соловушкой,— говорили партизанские вожаки.

— В разведку посылали, а сзади шли взрослые: оберегали его.

Мать не могла говорить. На цветастую подушку текли и текли ее горячие слезы.

Красные следопыты средней школы № 1 села Левокумского разыскали могилу юного партизана Вани Ускова и в 1961 году в торжественной обстановке перенесли его останки в центр села. Поставили хороший памятник. Именем героя Вани Ускова назвали пионерский отряд.

В честь тридцатилетия освобождения Дивного от немецко-фашистских захватчиков исполком Дивенского сельсовета решил 2-ю Степную улицу переименовать в улицу имени Вани Ускова.

Каждый год, в День Победы, Анна Ивановна Ускова вместе с дочерью Тосей и ее мужем, участником Великой Отечественной войны Василием Семеновичем Трофименко, едут в Левокумское, к могиле, в которой вечным сном спит сын и брат, спит маленький «партизанчик» из отряда «Сергей», голосистый Соловушка.

ВОВКИНА ГОРА

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 10 мая 1965 г Владимир Алексеевич Ковешников награжден орденом Отечественной войны II степени посмертно.

Отец Володи Алексей Ковешников стал солдатом в начале войны. Под Харьковом попал в плен. Бежал. Вернули и избили до полусмерти. Другой раз бежал и еле живой добрался до родного села Старомарьевского.

— Да что они с тобой сделали, ироды проклятые!— причитала жена Анна Свиридовна.

Трое детишек испуганно смотрели с печки на отца и не узнавали его: худой-прехудой, глаза ввалились, черная борода, как у дядьки Черномора. Старшенький, белобрысый Вовка, двадцать девятого года рождения, шагнул к отцу от Толиной люльки, привязанной к потолочной балке, бочком обошел вокруг него, рассматривая знакомого и незнакомого человека. Когда отец снял сорочку, собираясь мыться, Вовка, взглянул на спину: из-под кожи выпирали ребра и все косточки позвоночника, а руки, словно палочки.

— Папань, фашисты сделали из тебя скелет.— Вовка сел на лавку у окна и воинственно посоветовал: — Надо было вам всем прикончить фашистов и бежать. Ты же шофер, посадил бы пленных солдат на машину и ходу...

Алексей Тихонович сердито посмотрел на сынишку, но сказал беззлобно:

— Давай-ка лучше на печку лезь.

Володя заморгал белесыми ресницами. «Он думает, сладко сидеть на печке, когда в селе полно фашистов?! Ладно, я еще докажу... Был бы живой дедушка Тихон, он бы рассказал тебе, как надо драться за Советскую власть, которую он завоевывал вместе с другими дедами».

В полумраке низкой хаты Алексей Тихонович увидел немецкие вещи на лавке, вздрогнул, спросил:

— Откуда они?

— «Хозяева» новые живут у нас,— пояснила Анна Свиридовна и налила в таз горячей воды из ведерного чугуна.— Меня на печку с детьми погнали, идолы проклятые, а сами на наших кроватях, будто на собственных. Жарят, парят себе всякую всячину, детишки заглядывают, а они их грязным веником по лицу бьют!

Когда отец стал мыться, Володя молча вышел из хаты. На улице он долго смотрел на дом, что стоял наискосок через дорогу.

Жили в нем люди, а теперь его захватили враги, выгнали хозяев и поселили тут свой фашистский штаб. Вовка вспомнил, как позавчера немцы привезли в машине двух советских солдат. «Или разведчики или партизаны»,— решил он, потому что руки у них были связаны, а лица в крови.

«Куда они их дели?» — Володя перешел пыльную дорогу, заглянул через каменный забор. У сарая легковая машина и несколько мотоциклов. Из форточки маленького оконца тянулся зеленый шнур. «А это что? Связь?» Володя пошел по-над стенками дворов, искоса посматривая на тонкий зеленый шнур. Свернул в переулок — кабель тянулся в направлении железнодорожной станции. «Конечно, связь! И, наверное, важная!» Вовка решил довести дело до конца, проследить, куда она ведет.

Село оставалось за спиной. Село в две улицы, длиной в семь верст каждая, без всяких названий, просто Первая и Вторая. От Второй улицы грейдер бежал на гору. Гора тоже без названия, и речка, через которую проложен мост, тоже.

Летом, когда мать возвращалась с работы, Вовка обрадованно передавал ей младших сестренок — пока мать на работе, ему приходилось их нянчить — и бежал на речку ловить рыбу.

...Володя шел против холодного ветра. Чтобы укрыться от него хоть на минуту, он подставлял ему спину, и тогда перед глазами вставала крутобокая гора. Она сливалась с нависшим серым горизонтом. Ее рассекал вымощенный булыжником грейдер. Вовка любил смотреть на гору издали. Она переливалась всякими красками: то на нее ложились золотые солнечные блики и трава казалась ярко-зеленой, то от облачка падала тень, и тогда трава становилась темной, почти черной. А вершина натянется чуть не на километр — ровная как стол.

Вовка громко вздохнул: «Вот бы снова прыгнуть на какого-нибудь необъезженного «конька-горбунка» и понестись на нем по любимой горе туда, где сливается небо с землей!» На этой горе он знает каждый овражек и бугорок, каждую тропку, протоптанную пастухами, каждый камень на дне овражка. На этой горе еще в прошлом году он объезжал жеребят для Красной Армии. Бывало, бригадир Василий Степанович Марков выпишет ему, Владимиру Ковешникову, наряд, чтобы дали жеребят из табуна, ну и идет он на свою любимую гору, довольный, что ему доверяют такое большое государственное дело.

Прыгнет он на резвого жеребенка, ухватится за гриву, ветер свистит в ушах, а тот как скаженный мчит его куда глаза глядят. Вовка только сильнее упирается босыми ногами в упругие бока жеребенка.

Скольких он объездил жеребят — и не счесть. Наверное, на конный взвод хватит, а может, на целую кавалерийскую дивизию. Сколько во взводе, а тем более в дивизии коней, Володя не знал, но, должно быть, хватило бы, если целых триста трудодней он заработал. А теперь вот сиди без работы и без школы. Володя вспомнил свой класс, конопатую Ольгу. Она сидела с ним за одной партой, и он иногда дергал ее за рыжую косу. Вспомнил деда Тихона. Дедушка всегда следил за тем, как он собирается в школу. «Галстук надень!»— напоминал дед и начинал ворчать, что они воевали за Советы, за жизнь свободную, за то, чтобы все стали грамотными. А мальцы вот так разбаловались, что не слушают старших и про свою пионерскую амуницию забывают. «Теперь и галстук не наденешь. Сразу прискипаются: «Маленький коммунист, стрелять!». Вас бы всех скорее перестрелять!» — думал Ковешников, внимательно глядя на змеиную нитку кабеля.

Володя вошел в лесополосу, остановился, посмотрел на здание вокзала. Завтра он придет сюда, и уже не с пустыми руками. Быстро насобирал сухих веток — для маскировки — и вернулся в село.

...Хрясь! Володя посмотрел на топор, глубоко вошедший в землю. Оба конца разрубленного кабеля скрючились. Ковешников быстро спрятал топор под сухие заранее собранные ветки и припустил домой.

В это время в фашистском штабе СД полковник Эринтруп усиленно дул в телефонную трубку:

— Алло! Алло!

Но там, на другом конце провода, молчали.

Эринтруп выругался и, насупив брови, рявкнул дежурному:

— Вызвать солдат!

Уже у своего двора Володя заметил, как гитлеровцы садились в мотоциклы.

«Успел!» — в серых глазах мальчишки блеснул озорной огонек.

Мать накинулась на него:

— Где тебя носит? Беду ищешь? Толика лучше нянчь.

Молча Володя прошел в низкий сарайчик, обмазанный глиной, отвязал топор и спрятал его в кизяки, сложенные в углу.

Вышел из сарая, посмотрел на набухшее тучами небо. Неожиданно полоснула молния, ударил гром. Полил дождь.

«Дождик, дождик, припусти, немцев в штаб не пусти»,— шептал Вовка.

Вечерело. Пришли солдаты, зажгли керосиновую лампу, тускло осветившую комнату, и принялись жарить картофельные оладьи. С русской печи голодными глазами смотрели Витя, Валя и Клава. Володя старался подавить в себе чувство голода, но взгляд помимо воли падал на сковородку с шипящими румяными оладьями.

Рыжий немец ткнул в него веником. Володя вырвал из рук немца не единожды проклятый веник и выбежал во двор. Там он со злостью закинул его в подвал. Тяжело дыша, вошел в хату, исподлобья глянул на фашистов.

— Лезь, сынок, на печку,— испуганно сказала мать.

Но не успел Володя забраться на печку, как услышал гул самолетов. Володя по гулу научился определять свои и вражеские самолеты. Разве мог он усидеть в хате?!

Запрокинув голову, глядел на темный купол неба, который прошивали красные огоньки.

«Бомбите! Бомбите! Вот же их штаб!» — молил Володя.

Солдаты выскочили, чтобы закрыть ставни. За ними

Анна Свиридовна. Обычно сдержанная, она дала Володьке затрещину.

— Ты чего в беду лезешь? — и с силой потащила в хату. Загнала его на русскую печь, окинула взглядом младших. Уснули, бедняги. Шершавая рука ее мягко прошлась по белесой голове Вовки. Сдавленным голосом проговорила:

— Потерпи еще чуток, сын. Должны же нас освободить?!

— А мы так и пролежим на печке? Дедушка Тихон на смех бы нас поднял, сказал бы: «Палец о палец не ударили, лежебоки!» — Володя отвернулся от матери.

— Фашиста пальцем не убьешь, сын! Видел, каким твой папанька вернулся? Так разве он один был в ихнем лагере? Там же их тыщи.

— А я не буду сидеть, я...

— Не лезь. Малый ты еще. Спи! Без тебя их покарают.

— А я тоже хочу,— горячо выпалил он.— Вот дедушка Тихон что-нибудь бы придумал. А вы: «Без тебя! Без тебя!»

— Спи уж! Вояка...

Утром Володя надел новые ноговицы с галошами, шапку и вышел.

— Куда? — спросила мать вдогонку.

— По делу. Я быстро,— уже со двора крикнул Володя.

Но прошло порядком времени, а Володя не возвращался. Анной Свиридовной овладела тревога. Накинув на плечи пальтишко, она вышла, заглянула в сарай, в подвал, но Вовки не было нигде. Может, на улице? И только она вышла за калитку, как услышала:

— Нюсь, смотри, твоего Вовку ведут!— и соседка закрыла от ужаса лицо.

Кинулась Анна Свиридовна наперерез двум фашистам, обхватила сына и страшно закричала:

— Не да-а-ам!

Рыжий немец двинул ее прикладом так, что она отлетела в сторону. Анна Свиридовна вскочила и, обезумевшая, бросилась вслед за сыном. Но его уже ввели во двор штаба.

Переступив порог хаты, Анна Свиридовна едва могла вымолвить:

— Алексей! Вовку в штаб повели. Скорее иди, придумай, как выручить.

— Плохо дело, Нюра! Ты забирай детей и уходи к брату Лазарю, а я что-нибудь придумаю...

Ушла Анна Свиридовна к родственникам и от бездонного горя всю ночь не сомкнула глаз.

А Володю допрашивали в штабе.

— Ты есть маленький партизан? — пыхтя сигарой и прищурив водянистые глаза, спрашивал Эринтруп.— Ты и за селом перерубил кабель?

Молчание.

— Кто тебя послал портить нашу связь?

Молчание.

— Отвечай, щенок, когда с тобой разговаривает офицер!— и крепкий кулак фашиста ударил мальчика со всего размаха.

Володя свалился на пол.

Его окатили холодной водой. Володя открыл глаза: над ним стоял фашист с ведром. В голове шумело. Володю подняли. Вытирая рукавом и размазывая по лицу кровь, Ковешников с испугом смотрел на фашистов.

— Если твой папа придет сам, мы отпустим тебя! Слышишь?

Молчание.

— Ты будешь отвечать, свинья?— кричали фашисты.

«Кричите сколько влезет. Наверное, провод был важным, раз так орете из-за него,— думал Ковешников.— Если бы я на этот раз не попался, я бы еще сто раз вам его перерубил. Был бы живой дедушка Тихон, похвалил бы».

И снова Володю били. Он терял сознание и приходил в себя. А Эринтруп все кричал и кричал:

— Мы стреляй тебя, слышишь? Будешь молчать — мы стреляй!

Володя еле держался на ногах, откуда-то издалека до него доходило: его собираются расстрелять. Расстрелять должны мать, отца, сестер, братишек.

— А их за что? Я же сам!— только и сказал он, тихо всхлипнув.

На другое утро жена старосты сообщила Анне Свиридовне, что Володя находится в их доме.

— У нас никого нет. Патруль на улице вышагивает. Скорее беги к Вовке. Я постерегу.

Через дворы и огороды Анна Свиридовна прибежала к своему сыну. Мать целовала опухшее от побоев, в кровоподтеках лицо Володи.

— Что ты наделал, Вовка!

Володя сначала потупился, потом смело посмотрел на мать:

— Я мстил, мама. За всех. А папаньке скажите, что я не сидел на печке, а как сумел, так и отомстил фашистам.

Мать опять зарыдала. Потом спохватилась:— Ты ж голодный! Я сейчас...

— Нет! Спать хочу. Я всю ночь не спал.

И заплакал Вовка. Он только сейчас понял, что скоро не будет его на свете. Вспомнил похороны деда Тихона и явственно услышал, как бухали о крышку гроба тяжелые комья земли. На его гроб тоже все будут бросать мерзлую землю. Ему стало жалко самого себя и, чтобы не показать матери свой страх, он попросил:

— Мама, уходите из дому, а то они грозятся даже Толика расстрелять. И отсюда сейчас уходите, еще заметят...

— Не уйду!— Анна Свиридовна схватила сына за руку.— Бежим скорее!

Но Володя не двинулся с места.

— Смотрите в окно: гитлеры там стерегут меня. Уходите, мама. Вас же тоже могут сейчас схватить.

Вошла жена старосты, торопливо сказала:

— Иди, Анна, иди. Потом еще придешь.

Но потом Анна Свиридовна уже не смогла прийти. Не успела....

...В дом Гаврилы Подзолко, приятеля Алексея Ковешникова, фашистский офицер ворвался без стука. Гитлеровец приказал ему следовать за ним, дошел до угла Первой улицы, остановил переходившего дорогу Вовкиного отца.

Нахлобучив на лоб шапку, он шел к своему другу Ивану Ежову, поджидавшему его у ворот. Алексей Тихонович обходил своих верных друзей и просил помочь вызволить сына.

— Иди!— грозно приказал фашист и повел мужчин на Вторую улицу.

— Зитцен! Тут сидит,— ткнул пальцем на скамейку.

Фашистский офицер вошел и тотчас же вышел из

дома с вооруженным солдатом. Подъехала крытая брезентом машина. Офицер приказал всем троим сесть в кузов. Солдат уселся подальше, наставив на них дуло автомата.

— Куда?— спросил Подзолко.

— На гора!— ответил фашист.

Машина подпрыгивала на булыжниках, обдаваемая январским морозным ветром. Снег припорошил гору. Недалеко от оврага грузовик остановился, и немец сказал:

— Вэк!

Офицер выпрыгнул из кабины, дал всем троим лопаты и повел в неглубокий овраг, что с левой стороны грейдера. Остановился, подул на руки, глядя исподлобья на троих старомарьевцев, лопатой наметил четырехугольник и приказал копать яму.

Мерзлая земля не поддавалась. Тогда офицер заложил тол, приказал всем отойти, зажег шнур и спрятался сам. Взрывом подняло столб желтой земли в воздух. Мужчин погнали к яме.

— Ройте!— приказал офицер.

Оставив солдата с автоматом присматривать за русскими, сам сел в машину и уехал.

Яма в метр глубиной. Устали мужчины, вылезли, закурили. Затягиваясь, Алексей Тихонович негромко сказал:— Не могилу ли кому копаем?— Помолчал.— Боюсь я за Вовку. Помогите мне выкрасть его сегодня ночью.

Подзолко и Ежов сочувственно взглянули на Ковешникова:

— Как не помочь в таком деле. Только обдумать все надо...

— Что же тут будет? Пулеметная точка, что ли?— с неосознанной еще тревогой допытывался Ковешников.

— А мы откудова знаем.

За полчаса они углубили яму. Вылезли. Сели на свежий холмик земли. На мосту показалась та же машина. Остановилась она на том же месте, где и первый раз. Из кузова выпрыгнули семь фашистов. С автоматами. Стащили с машины мальчика с завязанными глазами.

— Вовка...— Алексей Тихонович рванулся к сыну, но его вовремя удержал Подзолко.

— Ни слова, Алексей, слышишь! Уходи отсюда вон в тот овраг.

Не видя ничего вокруг себя, спотыкаясь, Ковешников побрел в сторону. Упал на мерзлую землю. А его товарищей заставили вбить в землю столб.

Фашисты сами привязали Володю к столбу. Подзолко и Ежов видели, как офицер выстроил семерых палачей, как те начали целиться в худенькую Вовкину фигурку.

Застрочили автоматы. Фашист подошел почти вплотную и несколько раз выстрелил из пистолета в голову Володи.

Ежов и Подзолко побежали к Алексею Тихоновичу. Тот бился в нервном припадке, закрыв шапкой голову. С трудом уговорили его не выдавать себя и втроем пошли к месту казни.

— Снять со столба!— командовал офицер.

Трое мужчин принялись развязывать веревку. «Сынок мой! Сынок мой! Прости! Не спасли тебя! — шептал Алексей Тихонович.— Прощай, сынок!» — и он крепко поцеловал Володю. Мужчины закрыли Алексея Ковешникова от вражеских глаз.

— Бросить в яму!

Все трое начали засыпать труп Володи.

Уехали фашисты, а потрясенные мужчины отошли от места казни, остановились у грейдера. Комкая шапку, состарившийся и сгорбившийся Алексей Тихонович смотрел куда-то вдаль. За лысой вершиной горы все было серым от низких туч.

— Это же Вовкина гора. Вы видели, как на ней он объезжал колхозных жеребят? А теперь нету Вовки Ковешникова!— Алексей Тихонович вытер шапкой лицо, поднял кулак и погрозил вслед машине:— Будьте вы прокляты, убийцы! За сына я вам отомщу!

На сутки опоздали части Красной Армии. Но их приход Алексей Ковешников уже не воспринимал. У него помутилось сознание. Шесть месяцев его лечили в больнице, а когда выздоровел, опять ушел в армию. Как солдат Ковешников дрался с фашистской поганью, рассказывают его ордена и медали.

После многодневных боев Берлин пал. Над рейхстагом заалело советское знамя. Запрокинув голову вверх, смотрел на него Алексей Тихонович Ковешников, смотрел и думал: «На нем есть и капля Вовкиной крови».

Я С ТОБОЙ, ОТЕЦ!

Солнце задержалось на кромке горизонта, посылая прощальные лучи в безбрежную желтую пустыню, по которой тяжело шагал босой мальчик. Ботинки, связанные шнурками, он перекинул через плечо. Когда песок станет холодным, он наденет их.

Ноги по щиколотку вязли в песке. Желтые, выгоревшие на солнце волосы мокры от пота. Штаны дырявые на коленях, рубаха с заплатами на локтях. Шел босой мальчишка на серьезное, рискованное дело, опасливо оглядываясь. Разные думы бродили в голове.

Три дня назад с ним произошло вот что...

— Партизан Владимир Шеманаев явился по вашему приказанию,— лихо козырнул Володя комиссару партизанского соединения Золотухину.

— Садись,— мягко сказал Михаил Иванович и провел ладонью по своей бритой голове.

— В разведку пойдешь? Не струсишь?

— Кто трусит, того в партизаны не берут,— вскочив, четко ответил Володя.

— Однако ты находчивый,— улыбнулся комиссар.— Да садись же! Что ты, как мяч, подскакиваешь?! Слушай меня внимательно.

Володя покорно сел, не сводя с комиссара внимательных глаз.

— Я хочу, чтобы ты подумал. Дело серьезное. В разведку придется идти одному. В Терекли-Мектебе расположилась вражеская часть. Надо узнать о численности противника, наличии боевой техники.

— Я выполню задание!— опять подскочил Володя.

Комиссар задумался.

— Ты какой изучал в школе язык?

— Немецкий.

— А как изучал? Для учительницы или для себя?

— Для себя, товарищ комиссар!— засмеялся Володя.

— Хорошо. Вот словарь, вызубри его за трое суток,— и Золотухин протянул ему тоненький немецко-русский разговорник.

— Когда прикажете идти?

— Прыткий какой! К этой ответственной разведке тебя будут готовить несколько дней.

— О-о-о!— недовольно протянул Володя.

— Не окай, не в лес за цветочками идешь.

...Устал Володя, ночь надвигается, а он все идет и идет по песчаной степи. Улыбнулся — вспомнил партизанку Любочку Некрасову. Она на три года старше его, но это не мешает им дружить. Когда они возвращаются из разведки и коротают вечера вместе с партизанами, то только и слышится Любочкин смех. А как она танцует! Словно вихрь! Сейчас, наверное, беспокоится о нем.

Ночь. Мальчишка все шагает и шагает. Спать хочется. Кажется, лег бы в эту зыбкую постель и уснул. Но надо идти. Задание.

Наконец на востоке занялась заря. Впереди показалось село с маленькими хатками-мазанками да редкими деревьями акаций. Володя постучался в первую хату. Вышла средних лет заспанная женщина, зевнула и сердито спросила:

— Чего тебе?

— Тетя, вы мою маму не встречали случайно? Высокая такая, с косой вокруг головы. А волосы, как у меня. Она в черном платье с белыми листочками. Потерялись мы при бомбежке.

— Иди отсюда! Много вас тут ходит!— закипела селянка от злости.

Володя присел на деревянную, почерневшую от дождей скамейку у другого двора и устало прикрыл глаза. Горькое ощущение неприкаянности овладело им. Хотелось спать, ныли ноги.

— Мальчик, заходи в дом!— ласково вполголоса пригласила хозяйка.

Обрадованный Шеманаев чуть не бегом пересек двор и очутился в темных сенцах. Его обдало запахом козьей шерсти и чего-то кислого. В первой низенькой комнате с глиняным полом спала на деревянной кровати девочка лет тринадцати. Кудые косички завязаны цветными тряпочками.

— Садись!— указала женщина на табуретку.— И чего ты к этой нелюдимке сунулся?

— А я откуда знаю, кто у вас людим и кто нелю-

дим,— устало ответил Володя.— Как вас зовут, тетя?

— Теткой Груней меня кличут.

— Тетя Груня, я ищу маму и очень заморился. Нельзя ли у вас часика три поспать?

— Ложись возле Сони, а я тем временем борща сварю.

Володя вымыл ноги в сенцах, осторожно лег, чтобы не разбудить девочку, и мгновенно уснул.

...Вскочил он как ужаленный, осмотрелся и, когда увидел конопатую рожицу Сони, просунувшуюся в открытое оконце, сразу вспомнил все. Девочка улыбнулась ему и, как видение, исчезла. Зато в ту же минуту в комнате появилась тетя Груня.

— Плесни на лицо водицы и садись борща поешь.

— Тетя Груня, немцев в селе много?— спросил Володя.

— Много, хлопчик.— Женщина спрятала руки под фартук и смотрела на гостя.

— Небось вооруженные? — несмело поднял от тарелки глаза.

— Сказано, хлопец,— усмехнулась тетка Груня.— А ты видел фрица невооруженного? И машины, и мациклетки, и пушки у них есть. В парке нашем. Поломали деревья, поворовали у баб курей. Очень любят. вражины, русских курочек. Кость бы им поперек глотки стала!— от доброго взгляда Груни не осталось и следа.

— Спасибо, тетя Груня, пойду теперь маму искать.

— Куда пойдешь-то?

— Ну, в центр.

— Соня!— позвала тетя Груня, выглянув в окошко. Ее лицо вновь приобрело прежнюю доброту.

Конопатая девочка с растопыренными косичками вбежала в комнату.

— Проводи хлопчика в центр. Ты хоть скажи, как тебя зовут?

— Володя.

— Ну, ступай, Володя! Если что, приходи к нам.— И проводила его до ступенек крыльца.

На улице Соня вдруг стала серьезной, замкнутой.

— У тебя есть отец?

Не получив ответа, Володя повторил вопрос.

— На фронте он,— через плечо буркнула девочка.

— А ты в центре часто бываешь?
— А что мне там делать?
— Ну, кино смотреть!
— Кино? Да его немцы заграбастали.
— И много их, немцев-то, в вашем Терекли?
— Полно.
Володя усмехнулся.
— Ну спасибо тебе, Соня. Вижу ваш парк. Теперь беги домой.
В парк Володя вошел не через главный вход, а в боковую калитку. Шел, не прячась, по дорожкам парка, как и положено мальчишке, который ищет свою маму, но внимательные глаза Володи схватывали все: машины, орудия, пулеметы.
Вдруг он услышал разговор немцев и замер от страха, съежился. Готовясь к неминуемой встрече, он продолжал идти. Его ткнули в спину:
— Хэндэ хох!
Шеманаев испуганно отшатнулся, увидев сзади офицера, а по бокам двух солдат с автоматами, наведенными на него.
— Партизан?— спросил сурово офицер.
— Н-е-е-т!— Володя страдальчески вздохнул.— Я маму ищу.
— Ком!— приказал офицер.
Солдат подтолкнул Володю автоматом, и он покорно пошел за офицером. Споткнулся, вобрал голову в плечи и заревел в голос, кулаком размазывая слезы.
В штабе, куда его привели, в первой комнате молоденький солдат стучал на пишущей машинке, у окна стоял офицер, заложив руки в карманы брюк. Услышав, что в комнату вошли, он мгновенно повернулся. В другой комнате за столом сидел тоже офицер, постарше. На груди его Володя заметил два ордена.
— Ты партизан?— спросил переводчик, приглашенный офицером с орденами.
— Какой партизан? Я маму потерял,— Володя испуганно посмотрел на офицера.
— Мальчик, скажи правду, кто тебя послал к нам?
Володькины губы начали кривиться.
— Я сам. Я маму ищу. Мы убегали. Нас бомбили, и я потерялся.— Он выдержал колючий взгляд офицера.— Везде ищу ее. Куда делась — не знаю. И как мне

теперь быть — тоже не знаю.— Глаза Володи наполнились слезами.

Офицер с орденами откинулся на спинку стула и, пуская кольца дыма вверх, внимательно смотрел на Шеманаева. Потом обратился по-немецки к солдату. Володя понял почти все:

— На кухню. Пусть работает. Дайте поесть. Присматривайте за ним. Этим русским нельзя верить.

На кухне Шеманаев жадно накинулся на еду, хоть есть ему совсем не хотелось. В узком зеленом котелке повар подал ему густое месиво и назвал «супэ». «Вот это супэ»,— подумал Володя.

Потом повар подвел его к кучке зарезанных кур и показал, как их надо ощипывать.

Володя присел на корточки.

Сухие, маленькие перья кружились возле лица, липли к носу. После второй курицы пальцы правой руки онемели, а надо было ощипать еще восемь кур. И вдруг вспомнил, что дома, прежде чем снять перья, мать клала кур в таз и ошпаривала их кипятком.

Володя вошел в кухню и обратился к повару:

— Надо кипятком их залить.

— Вас? — спросил повар.

Володя подошел к плите, взял громадный чайник. Положил в таз трех кур и стал заливать кипятком. Повар молча смотрел, что делает русский мальчишка. Теперь Володя снимал перья всей пятерней.

— Гут! Зер гут! — похвалил повар.

После этой работы повар нашел Володе другую. Он показал на две плетеные корзины с картошкой: почистить!

— Ого-о! Чистить мне ее не перечистить,— засмеялся Володя.

— Филь зольдат.— И повар ушел к плите, в которую были вмазаны большие котлы.

Через несколько минут к Володе присоединились два молодых солдата.

Вовка чистил картошку, не поднимая глаз, и прислушивался к их разговору. Солнце клонилось к горизонту, когда Володя бросил последнюю очищенную картошину в чан с водой.

Вытер руки и обратился к немцам:

— А где я буду спать?

— Вас?

Володя ткнул себя в грудь, сложил ладонь к ладони и склонил на них голову.

— Понимай!— сказал один из солдат. Он ушел и долго не возвращался.

— Ком!— сказал он, наконец появившись, и для большей убедительности поманил Володю рукой.

...Ночью Володя ушел в пески, в аул Кумли, к своим. Запыленный и усталый, на другой вечер он стоял перед комиссаром партизанского штаба навытяжку и докладывал о результатах разведки.

— Спасибо, партизан Шеманаев!— поблагодарил его Михаил Иванович Золотухин.

— Служу Советскому Союзу!

— А теперь мойся, ешь и иди спать к отцу.

Андрей Петрович Шеманаев жил в отдельной хатенке.

— Не пойду!— нахмурился Володька.— Я такой же боец, как и все, и нечего мне скидку делать. Буду спать вместе со всеми.

Михаил Иванович даже растерялся.

— Ну что ж, иди, боец Шеманаев, отдыхай вместе со всеми.

Спал Володя как убитый и не слышал осторожных шагов отца. После совещания в штабе Андрей Петрович тихо подошел к спящему сыну, нежно погладил его голову и, боясь разбудить,— ведь завтра рано поутру выступать на Терекли-Мектеб,— вышел из землянки. Небо было черным, звездным. Андрей Петрович присел, закурил. «Разведчик... Совсем взрослым становится...— подумал о сыне.— А давно ли со слезами просился: «Я с тобой, отец!»

Это были трагические дни эвакуации. Сформированный в Кугульте партизанский отряд уходил на восток. С ним двинется в путь и чекист Шеманаев. Но как быть с Вовкой? Он упрямо твердит: «Я с тобой, отец!» Насильно отправить в Баку? Сбежит с поезда и пойдет шататься по свету. Взять с собой? Но ведь это не воскресная прогулка...

И Андрей Петрович решил:

— Будь что будет. Собирайся.

На сборном пункте партизанского отряда Андрей Пет-

рович подошел к командиру Филиппу Денисовичу Лелекову.

— Ума не приложу, что делать с сыном. Жену с дочкой отправил в Баку, а он — ни в какую. В партизанский отряд, и только.

Володя стоял в напряжении, ожидая своей участи.

Старый рубака гражданской войны Филипп Денисович Лелеков подумал и спросил:

— Сколько лет партизану?

— Пятнадцать.

— Ладно. Бери с собой!

...Поля золотой нескошенной пшеницы, шуршание колес, цокот лошадиных копыт о грунтовую дорогу. Пятьдесят один человек. Пятьдесят взрослых и мальчишка. Ночевки под золотыми звездами. Наконец Кизляр. Здесь краевой комитет партии, крайисполком, крайком комсомола.

Заполненные до отказа сутки. Отряд слился с другим отрядом и получал продовольствие, оружие.

Шагая с тяжеленной винтовкой, Володя неожиданно столкнулся с бывшей своей вожатой Аней Шилиной.

— И ты?

— И я.

— Так детей же не берут!

— Раз взял в руки винтовку, значит, он уже не дитя.

— Ох ты! Кто же это научил тебя такой грамоте?

— Бывшая старшая пионервожатая станицы Советской Анна Шилина.

Аня расхохоталась. Села на сухую землю. Володя рядом с нею.

Вспомнили школу, военные игры.

— Помните, Аня, как мы с вами были в разведке? Три километра пробежали, чтобы доставить «красным» донесение. Помните, как я запыхался, а вы стыдили меня: «Еще мальчишка! Три километра пробежать не можешь! Какой же ты разведчик?» — Володя засмеялся.— Я тогда так на вас разозлился, что от злости готов был пробежать хоть десять километров.

— Помнишь, Вовка, как во время «боя» нас взяли в плен «синие»? А ты упрекал, зачем я надела белое платье да еще с красным галстуком, а не темные штаны и рубашку: белое с красным видно на всю Европу.

Володя приподнялся на локте:

— И еще «синих» я тогда просил, чтобы отпустили меня. Ведь был бы я один, меня ни за что не взяли бы в плен.

Аня вздохнула:

— Хорошо, если бы сейчас мы с тобой просто участвовали в военной игре...

— По ко-о-н-я-я-я-м!— раздалась команда.

Сдерживая молодого скакуна, Володя потянул повод. Они направились на базу, в аул Кумли. Шпаковский отряд придан десятой дивизии четвертого гвардейского казачьего корпуса генерала Кириченко и в этой дивизии зачислен на довольствие.

...Аул. Кругом степь да пески. Да речка тихо плещется о берег. В этих песках потянулись напряженные дни учений.

Последним в строю всегда стоял Володя Шеманаев. Вот и сейчас вместе со всеми он внимательно слушал негромкий голос командира:

— Предположим, кому-то из вас дано задание — переправить важный пакет через реку. Река глубокая. Как вы поступите?

В ту же секунду Володя подался вперед:

— Разрешите ответить, товарищ командир?

— Отвечай!

— Я бы принял пакет и отправился на выполнение.

В строю послышался смешок. Аня Шилина осуждающе посмотрела на своего пионера: «Мальчишка». Командир снисходительно улыбнулся и уже слушал ответ Анны Шилиной...

— Задание выполнено, товарищ командир,— раздался с противоположного берега реки звонкий Вовкин голос.

Партизаны остолбенели.

— Боец Шеманаев! Приказываю немедленно вернуться в строй.

Теперь десятки глаз смотрели, как Володька с бумажкой в зубах быстро плыл к своему берегу. Вот он уже стоит перед командиром, вода ручьями стекает с его одежды. Приложив руку к виску, он еще раз повторил, что задание выполнено. Выразительные глаза Володи светились какой-то шальной радостью.

— Молодец! Хвалю за находчивость, но рисковать зря не надо. И дисциплину нарушать — тоже. Запомни это раз и навсегда. А сейчас, боец Шеманаев, приказываю пойти в землянку и надеть сухую одежду.

Наконец получен приказ — выступить ночью и сосредоточиться в ауле Камыш-Бурун.

Летнее иссиня-черное небо с яркими мигающими звездами. Ехали долго. Тихо вокруг, лишь песок шуршит под копытами. В предрассветной дымке показался Камыш-Бурун.

Оставив часовых, все уснули. А когда снова наступила ночь, двинулись к селу Владимировка, чтобы выбить из него войска противника.

Снова пески и ночь.

По пути примкнул к партизанскому отряду конный эскадрон десятой дивизии.

На рассвете переправились через Куму и начали бой. Партизаны заняли удобный рубеж. Примостившись рядом с усатым дядей, стрелял и Володя. Он видел, как падали фашисты. Вдруг во весь рост поднялся командир партизанских отрядов Алексей Григорьевич Однокозов:

— Бей фашистов! — и рванулся наперерез гитлеровскому офицеру, удиравшему на легковой машине.

Володя видел, как офицер из окна машины выстрелил несколько раз, и Однокозов упал. Не обращая внимания на свистящие пули, Шеманаев подбежал к командиру. Но помощь Володи была ему уже не нужна. Тогда Шеманаев бросился вперед, стреляя на ходу:

— Гады! Советской земли захотели? Получайте же! Получайте!— кричал он, не сознавая того, что в грохоте боя никто его не слышит.

Метким выстрелом он убил шофера, и легковая машина опрокинулась в кювет.

— Не ушел, гад!

Кончился бой. Партизаны простились с Однокозовым.

На отдыхе, крутя цигарку, воин-кавалерист, тот самый усатый дядя, говорил своему соседу:

— С такими ребятами можно воевать!

— Откуда они взяли этого мальчишку? Храбрый чертенок!— говорил второй.

А храбрый «чертенок», насупив брови, топтался у трофейной штабной машины с радиостанцией и интересовался ее устройством.

На другой день партизаны вернулись на базу в аул Кумли.

Сигнал тревоги. Минута-другая — и партизаны в строю.

Шеманаев-младший держался на коне так, будто всю жизнь сидел в седле. Отец косил взглядом на сына: «Когда же он стал кавалеристом? Только недавно подсаживал его на коня. Молодец, Вовка!»

Хорошо пригнанный по фигуре военный костюм, черные, до блеска начищенные сапожки, серая смушковая шапка-кубанка с красной лентой делали Володю неузнаваемым.

Отряд двигался по степи и поднял такие облака пыли, будто на марше была многотысячная армия. Вероятно, так подумали и немцы, потому что спешно, без единого выстрела покинули Терекли-Мектеб. Пока готовился обед в той же кухне, которую приспособили для своей части немцы, Володя и Люба Некрасова на конях поскакали к тете Груне. Во дворе они спешились, привязали коней к дереву. Легко взбежав по глиняным ступенькам крыльца, Володя постучал в дверь.

Дверь открыла тетя Груня.

— Господи, наши!— обрадовалась она и... остолбенела.— Вроде как знакомый, а не пойму...

Она не успела договорить, как рядом с нею очутилась Соня. Откинув правой рукой косичку, девочка всплеснула руками, засмеялась.

— Смотри, какой партизанский царевич! Мама, это же Володя! Ты не угадала?

— «Людимых» тетей не забывают,— весело отозвался юный партизан.

— Та заходите ж в хату!— захлопотала тетя Груня.

Люба вошла первой, положила на стол буханку черного хлеба и коробку консервов.

— От щедрого сердца. Чем богаты...— сказала она.

Соня, подпирая своей худенькой фигуркой дверь, не сводила глаз с Володи. Заметив ее восторженный взгляд, Шеманаев рассмеялся:

— Что так смотришь, Соня?

Соня передернула худенькими плечиками, усмехнулась и неожиданно дерзко ответила:

— Подумаешь, и посмотреть на него нельзя.

— Люди добрые, та вы садитесь, расскажите, где наши солдаты? Как там на фронте?

— Соня, почитай маме,— Люба протянула газету.— Нам надо в отряд.

Володя и Люба сели на коней и умчались к центру села.

Недолго оставались партизаны в Терекли-Мектебе. Зная, что силы неравны, в одну из ночей они тихо ушли на прежние рубежи.

Через несколько дней группа разведчиков отряда получила задание выяснить расположение вражеской обороны у села Урожайного.

Разведчики подползли к оборонительной линии гитлеровцев и залегли примерно в ста метрах, в высоком бурьяне. Проходила тревожная ночь. Перед рассветом на подмогу партизанам должны были подойти восемь бронемашин и сообща атаковать немецкую линию обороны, чтобы разведать огневые средства и захватить «языка».

Обнаружив партизан, противник открыл сильный заградительный огонь. Разгорелся жестокий бой. Чтобы сохранить людей, командир дал приказ отойти к балке.

Медленно стали отползать.

Пули свистели беспрерывно. Аня Шилина не успевала подползать то к одному раненому, то к другому. Немцы заметили девушку и, выскочив из окопов, хотели взять ее живой. Аня вскинула автомат, с яростью нажала на спуск. Семеро гитлеровцев нашли здесь свою смерть. Когда кончились патроны, она метнула в наседавших фашистов гранату, схватила вторую, но бросить не успела. Подкравшийся сбоку гитлеровец ударил ее штыком.

Несколько часов подряд немцы не давали нашим забрать мертвую Аню Шилину. Лишь с наступлением темноты к ней подошел броневик.

Печальная весть о гибели черноокой казачки Ани Шилиной облетела всех.

— Аня? Шилина? — не поверил Володя.

Не верилось, нельзя было поверить в то, что его во-

жатой уже нет. Но лицо ее неподвижно. Володя растерянно оглянулся на притихших партизан и неожиданно для себя побежал к реке. Он упал на берегу и плакал, плакал, ладонью размазывая по лицу горячие слезы. Много времени прошло. Стало темнеть. Володя сел, осмотрелся вокруг. Вон там, у берега, Аня чистила своего коня и пела:

Прослужил казак три года,
Стал он коника ласкать:
Конь мой милый,
Конь ретивый,
Лучше нет мово коня.

— Володя! Где ты?

Шеманаев вскочил, стряхнул с одежды сухие травинки. К нему подходила Люба Некрасова.

— Пойдем простимся с Аней. Сейчас ее будут хоронить,— глухо сказала она, взяла Володю за руку и вдвоем они торопливо направились к месту похорон.

По дороге услышали винтовочный залп. Володя выдернул руку и побежал. За ним Люба. Остановились возле свежего холмика земли. Партизаны расходились. Шеманаев сжимал в руках кубанку. Ветер шевелил его светлые волосы. Володя опустился на колени перед могилой и тихо сказал:

— Клянусь, Аня, я отомщу за тебя!

В ночь под первое ноября вместе с частями десятой дивизии партизанский отряд сделал бросок под Ачикулак — важный стратегический пункт на перекрестке дорог к Моздоку и Кизляру. Отряд занял дорогу из Владимировки в Ачикулак. Артиллерия открыла по Ачикулаку, где закрепился противник, артиллерийский и минометный огонь. Лишь к вечеру прекратилась стрельба.

Ночью землю окутал густой туман. Утро тоже было туманным. В двух шагах ничего не разглядишь. Стояла зловещая тишина.

Из обоза к отряду подобрался старик Егор Титыч и доложил командиру, что на завтрак сварили суп рисовый с бараниной. Сейчас привезут. Партизаны повеселели — со вчерашнего дня не ели почти ничего.

Медленно начал рассеиваться туман. Когда горизонт прояснился, увидели, что там, где вчера занимали

позиции кавалерийские подразделения, никого не было.

— Как же так? Почему конники снялись, не предупредив нас? — взволнованно спросил Андрей Петрович Шеманаев у комиссара Щеголева.

— Не нашли нас. Густой туман. Подумали, что мы ушли.

— Нас тридцать пять. У противника большие силы. Я считаю, что надо немедленно уходить. Как ты думаешь, Яков Михайлович?

Не успел Щеголев ответить, как увидел четыре танка противника. Они шли на их позиции. Разорвались первые снаряды. Партизаны укрылись в окопах. Володя Шеманаев очутился рядом с дедом Егором.

— Не робей, дедушка!— то ли деда, то ли самого себя подбодрил Володя.

За их позицией опять разорвался снаряд.

— О господи! Пощади раба твоего!

— Дедушка, а бога нет. Если бы он был, он давно бы наслал на немцев мор за их злодеяния. Цельсь лучше по танку! Стреляй!

— О господи, сохрани мою душу грешную!

Снаряд разорвался ближе. Фашисты пристреливались. Володя приник головой к земле. Когда стал рассеиваться дым, увидел рядом мертвого старика. Вдали горел кем-то подбитый танк. Остальные ушли к селу. Вовке страшно стало одному. Полез поближе к своим. Залег рядом с Любой Некрасовой.

Из Ачикулака вышло несколько грузовиков, битком набитых солдатами.

— Огня не открывать!— понеслось по цепи.

Напряжение росло с каждой минутой. Не дойдя с километр до партизанских позиций, машины остановились. Немцы рассыпались цепью.

— Огонь открывать только по моей команде! — услышали партизаны голос командира.

Сосредоточенны и хмуры лица партизан. Немцы открыли огонь из автоматов. В окопах тишина. Всего сто метров отделяют теперь партизан от фашистов.

— Огонь по врагу!— раздалась, наконец, команда.

Володя целился старательно. Он видел, как падали фашисты. Война отняла жалость.

Первую цепь врага сразили. Остальные упрямо ползли и ползли на партизанские окопы.

Но все-таки атака была отбита.

Около вражеских машин взвилась ракета. Ясно — враг вызывает подкрепление. Надо отходить. Дали сигнал.

Володя отполз от линии обороны, потом поднялся и побежал к одинокой кошаре. В ней уже укрылись несколько партизан. Замаскировались и внимательно следили за дорогой.

Ночью партизаны двинулись на восток. В бурунах встретились со своими. Едва поднялись на взгорок, как заметили четыре вражеских танка. Щеголев оглянулся. К великой радости, он увидел окопы, которые несколько дней тому назад вырыли солдаты десятой дивизии. Как они были кстати!

— Занять окопы!— скомандовал он.— Приготовиться к бою!

Ударили противотанковые ружья. С танков начали прыгать автоматчики. Партизаны открыли огонь и по ним. Вспыхнул один танк. Три других повернули назад.

— Ура-а-а, товарищи, атака отбита!— выскочил из окопа Володя.

— Назад!— закричал Андрей Петрович.

Вовка прыгнул в окопчик и взвизгнул от боли — отец схватил за ухо:

— Отчаянный дурак опаснее врага!

Вовка надулся.

В сумерках снова двинулись на восток. Начинал мучать голод. А еще больше — жажда. Но где тут в бурунах, в сыпучих песках найдешь воду?

На рассвете сделали привал.

— Андрей Петрович!— обратился Володька к отцу.— Может, выкопаем ямку?

Шеманаев-старший с болью посмотрел на впалые Вовкины глаза, на потрескавшиеся губы и первым принялся рыть яму. К ним на подмогу подошло еще несколько партизан. Вырыта яма в метр глубиной.

— Вода!— Володя облизал пересохшие губы.

Андрей Петрович зачерпнул котелком воды, взял ее в рот, сморщился и тут же выплюнул:

— Соленая, как рапа!— Но, преодолев отвращение, второй глоток выпил. Его примеру последовали и другие.

Трехчасовой отдых — и снова в путь. Шли весь день. Над дорогами все время патрулировали фашистские

самолеты. Некоторые пролетали близко-близко. Тогда партизаны прятались в бурьянах.

Рядовой Андрей Губанов очень боялся самолетов. Ему всегда казалось, что самолет пикирует прямо на него. Он испуганно вглядывался в небо и, завидев стервятника, кричал:

— Гляди! Гляди! Пикируя! Ложись! Пикируя!

Володя молча, с усталой улыбкой смотрел на него. Хотелось сострить, но не ворочался распухший от жажды язык.

К вечеру подошли к котловине. В ней решили укрыться на ночь, развести костер, обогреться, вскипятить чаю, если хоть на этот раз найдут воду. Быстро выкопали колодец (в кизлярских бурунах вода залегает совсем близко), достали воды, и — о ужас!— вода была горько-соленой. Всыпали в котелок сахара, но вкус воды от этого нисколько не улучшился. На ночь расстелили на траве бинты, чтобы утром смочить упавшей на них росой губы, и повалились спать.

Сон был короток. Еще не взошло солнце, а партизаны уже двигались дальше. Не прошли и двух километров, как далеко в долине заметили всадников.

— Наши!

— Наши кавалеристы!— закричали обрадованно.

Побежали им навстречу и вдруг увидели трубы водопровода.

— Вода!

— Товарищи, вода!

Откуда только взялись силы.

Подскакали кавалеристы.

— Кто такие?

— Партизаны,— и рассказали, что добираются до десятой дивизии.

— Мы из девятой, а десятая в шести километрах отсюда.

Изнемогшие от жажды и усталости, все обступили водопровод, из которого струйкой лилась драгоценная влага. Кружка пошла по кругу. Казалось, не утолить жажду. Глотая воду, каждый ощущал ее приятную прохладу, запах. Вода! Да нет же ничего вкуснее, чем вода!

Кружка дошла до Володи. Он жадно пил, боясь расплескать хоть каплю. А из трубы лилась вода.

— Ох и вкусная!— блаженно улыбнулся Володя и провел рукой по груди.

Через час партизаны уже были в десятой дивизии. Встретились здесь со второй группой, которая ушла от них другой дорогой. После завтрака пили чай из настоящей вкусной питьевой воды. Чай с сахаром. Володя лукаво взглянул на Андрея Губанова и завопил:

— Гляди! Гляди! Пикируя!

Все залились смехом, вспомнив страхи Андрея.

Командиром небольшого, в шесть человек, отряда назначили Григория Игнатьевича Ивантеева. В отряд вошел и Володя, уже прославший опытным и смышленым разведчиком.

В назначенный час отправились в Величаевку. Вышли на окраину села и укрылись в чьем-то саду.

— Слушай, Володя,— зашептал Ивантеев,— иди в ближайшие хаты, расспроси, есть ли в селе немцы, сколько, где, и возвращайся сюда. Даю двадцать минут на выполнение задания.

Пригибаясь, Шеманаев ушел от товарищей напрямик, к сиротливо видневшимся хатам. Пять пар глаз следили за Володей, пять человек мучительно думали, какой будет разведка. Не схватят ли парнишку фашисты? Благополучно ли он вернется?

Двадцать минут, как вечность!

Двадцать первая — радостная. Володя, не успев отдышаться, выпалил:

— Товарищи! В селе немцев нет. Предатели только в управе. Если что, пристукнем их.

— Идем, по двое в хаты,— приказал Ивантеев.

Пожалуй, задорнее всех читал сводку Совинформбюро Володя Шеманаев о том, что наши войска перешли под Сталинградом в наступление. Женщины от радости всплакнули, старики взбодрились.

— Сынок, а ты откудова?— спросила Володю пожилая женщина.

— Из партизанского отряда.

— А где же этот отряд?

— На земле.

— Ишь ты...

— Значит, не велено говорить,— пояснил старик.

— А вот теперь вы мне скажите: вы настоящие люди?

— А то кто же?!— возмутились старики и бабы.

— Если я оставлю вам газеты, вы передадите их в другие хаты?

— А то как же!

— Не побоитесь?

— Мы хигренько,— сощурился сухонький старичок,— комар носа не подточит.

Володя протянул газеты.

— Ну, добре! А теперь расскажите, где дом старосты?

Шеманаев без труда нашел двор предателя, прилепил на воротах «Правду», полюбовался газетой, представил себе, какое впечатление она произведет, и помчался к своим товарищам.

Хорошая новость, словно освежающий ветер. Партизаны уже крепко спали на своей базе, а жители села Величаевки, не зажигая коптилок, говорили, говорили о сводке Совинформбюро, о партизанах, о лихом партизанском парнишке.

Через неделю снова направили в Величаевку тех же разведчиков. Володя зашел в хату, где был в первый раз, и хозяйка рассказала ему, что случилось после их ухода:

— Вышел утром староста, глядь, на воротах советская газета. Испугался, проклятый, а когда пришел в себя, со злостью рванул ее, но свернул аккуратненько. Небось самому было интересно прочитать, как дела у Советской Армии и долго ли он продержится холуем у немцев.

А старик дополнил:

— Прошло чуток времени, он вышел из хаты, запряг лошадь и поскакал, прохвост, в Урожайное. В полдень приехал с комендантом и ну вызывать людей в полицию да допрашивать, откуда появилась газета, что да как. Расстрелом угрожали.

Володя нахмурился.

— Ну и как? Кто-нибудь рассказал?

Старик свернул дулю и покрутил ею в воздухе:

— А кукиш голый они не хотели? Ты, парень, знай — в нашем селе люди живут. Люди! Понял? Так и перекажи своим.

— Так и перекажу, дедушка, что в вашем селе живут хорошие советские люди.

* * *

Вместе с регулярными частями Красной Армии партизаны освобождали Ставрополье от фашистской нечисти. Из освобожденного Ставрополя Володя вскоре уехал в Москву, к матери, а оттуда, выполняя клятву, произнесенную у могилы Шилиной, ушел добровольцем на фронт. Попал в авиачасть. Был стрелком-радистом. Демобилизовался только в пятидесятом году. Он награжден медалями: «За боевые заслуги», «Партизану Отечественной войны» I степени, «За оборону Кавказа», «За взятие Кенигсберга», «За победу над Германией», «Тридцать лет Советской Армии и Военно-Морского Флота» и юбилейными — в честь двадцатилетия и двадцатипятилетия победы над фашистской Германией.

МИТЯ-РАДИСТ

К удушливому запаху керосина Дмитрий Фокин уже стал привыкать. Сам ведь вызвался в помощники по починке пишущих машинок к Николаю Дмитриевичу Ростокину, соседу по квартире. И теперь хоть задохнись, а промывай всякие винтики.

А машинки для кого? Для фашистов, что хозяйничают в их Черкесске. Митя вспомнил, как оккупанты ворвались на главную площадь города, накинули на монумент Ленина стальной трос, и под гиканье солдат грузовая машина рванулась раз и два, и памятник рухнул.

Впервые за пятнадцать с половиной лет своей жизни Митя услышал тогда, как бешено застучало его сердце. Он беспомощно посмотрел по сторонам и неожиданно для самого себя дал стрекача.

Митя помнит, как на полуслове в их доме оборвало свои передачи радио, и наступила непривычная, гнетущая тишина. Как же теперь? И не узнаешь, что в мире делается.

В первый вечер оккупации пробрался он в свою школу, которую еще не успели занять гитлеровцы. Когда совсем стемнело, Митя выдавил стекло в физическом кабинете. Со страху показалось, будто треск выдавленного стекла слышен был на три квартала. Митя присел на корточки, озираясь по сторонам. Никого. Приподнялся на цыпочки, вынул из рамы остатки стекла и влез в окно. Крадучись прошел к шкафу, открыл его и стал шарить по полкам. Нащупал конденсаторы, провод. На другой полке попадались какие-то колбы, пузырьки, металлические детали. В правом углу нашел радиолампы.

Но где же батареи? Без них приемника не соберешь. У Мити дрожали руки, колотилось сердце, пересыхали губы. «Ну хоть одна должна же быть»,— проносилось в голове. Он долго искал, но батарей не было. Он рассовал лампы по карманам, остальные детали сложил в мешочек, прихваченный из дому, и, не чувствуя под собой земли, закоулками помчался домой. Спрятал все в са-

рае. И на другой же день начал мастерить одноламповый радиоприемник. Вот, оказывается, как пригодилось его увлечение радиотехникой!

В один из хмурых сентябрьских дней в коридор ввалился дядя Коля, усталый, заросший рыжей щетиной. Только начал мыться, как раздался громкий стук в дверь. В квартиру ворвались три вооруженных полицая и повели его в полицию.

Случайно услышал Митя, как тетя Вера шептала его матери, Олимпиаде Ивановне: «Погибнет теперь Коля. Он же в партизанском отряде был. Отряд разбили где-то в горах».

Но Николай Дмитриевич не погиб. Никто тогда не знал, что в полиции работали свои, советские люди. Они спасли Ростокина.

Он вернулся домой. Потом дядю Колю куда-то вызвали и заставили работать по своей специальности — мастером по ремонту пишущих машинок. Они предназначались для немецких учреждений.

Узнал об этом Митя и рассердился на дядю Колю так, как еще никогда и ни на кого не сердился. «Ему, наверное, все равно, что бороться в отряде, что изменять Родине. Ну и что же, что у него четверо детишек и мал-мала меньше. Тетя Вера разбитная, что-нибудь бы придумала».

Митя был наедине с приемником-молчальником и со своими мыслями. «Если дядя Коля бессовестный человек, плохой человек, изменник, то почему к нему ходят люди? Правда, они долго не засиживаются у него: пошушукаются и быстро исчезают».

Пытался Митя задавать вопросы дяде Коле. Но тот долгим и пытливым взглядом смотрел на него и молча отворачивался. «Совесть нечиста, вот ты и не смотришь в глаза, дядя Коля»,— думал Митя, склонив светловолосую кудрявую голову к приемнику.

Увлекшись однажды радиоприемником, Митя не слышал, как в кладовку вошел Николай Дмитриевич. Испугался Митя очень: дрогнула белая кудрявая голова, карие глаза расширились. «Выдаст или не выдаст?» Он стоял растерянный у своего приемника и не сводил глаз с непрошеного гостя. «Вот растяпа, забыл замкнуть дверь!»

Николай Дмитриевич подпирал притолоку своей вы-

сокой нескладной фигурой и смотрел то на Митю, то на радиоприемник.

— Долго ты еще будешь возиться с ним?— кивнул в сторону приемника.— Послушать бы сводки Совинформбюро.

— Батарей и катушек нет!— неожиданно для себя пожаловался Митя.

— А ты не обратил внимание на трансформаторную будку возле кинотеатра?

Белесые Митины брови полезли вверх: «Вот это мысль!»

И Митя пошел на разведку. У входной двери кинотеатра увидел дощечку: «Только для немецких солдат и офицеров». Озорная мысль вдруг пришла Мите в голову, написать бы: «Только для злых псов». Он даже посмотрел вокруг. но с противоположной стороны улицы шла женщина, мимо нее с шумом пронеслась легковая немецкая машина, спугнув с акаций шустрых воробьев. Митя вовремя раздумал: «Зачем рисковать? Ведь пользы от этого никакой, а схватят — и поминай как звали».

Будка не привлекала внимания ни солдат, ни жителей. Чтобы ночью ничто не застигло врасплох, Митя все высмотрел и запомнил подходы к ней.

Еле дождался густой темноты. Пробирался к будке не улицами, а через дворы: посидит у забора в чьем-то дворе и снова карабкается через другой забор. В одном из дворов на него напала собака. Еле успел унести ноги. Упал в чей-то огород. Наконец спрыгнул с последнего забора.

Митя знал, что патрулей здесь нет. Сняли, как только закончился сеанс. Но осторожность не помешает. Выждав немного, он медленно пополз, прислушиваясь. Единственная подслеповатая лампочка у кинотеатра тускло освещала небольшой круг. До будки свет не доставал.

Осторожно открыл Митя дверь будки и влез в нее. Минуты две приходил в себя, а потом начал работать: разобрал металлический сердечник, взял из него три катушки — это все, что здесь можно было взять, и так же осторожно выбрался из будки.

Хотя рискованное ночное путешествие и увенчалось успехом, но деталей для радиоприемника по-прежнему не хватало. Нужны батареи! Теперь уже без подсказки

Дмитрий сообразил сам, что ему надо пойти к разрушенному радиоузлу на Колхозной улице и покопаться там. Авось что-нибудь найдет в груде развалин.

Митя попросил у матери корзину и отправился добывать детали. Почти весь день ворочал кирпичи, извлекая из-под них то, что могло пригодиться для дальнейшей работы.

Уцелевшие две стены скрывали парнишку от посторонних глаз.

— Вот они!— прошептал Митя и счастливо улыбнулся.

Нашел батареи БАС-80. Лизнул одну, другую. Нет, не годны батареи. Такая досада взяла. Сидел над ними и раздумывал: «Взять или не взять? Взять. Дома переконструирую». Осторожно сложил находку в корзину, прикрыл тряпкой и, озираясь, выбрался на улицу. В людных местах нарочно размахивал корзиной, чтобы показать, что она пуста. Фашисты, ведь они какие?! Поселяются в чужих домах, как в собственных, и им, грабителям, ничего не стоит заглянуть в чужую корзинку, как в свою.

Опять в кладовой закипела работа. Дмитрий поставил на табурет фарфоровые стаканчики (запасы мирных дней), положил в каждый из них цинк, влил солевой раствор в графитовые мешочки, и получился элемент, который дает ток напряжением в 1,2 вольта.

Митя сколачивал коробку. Стук привлек внимание Олимпиады Ивановны. Она протиснулась в кладовку, наглухо закрыла за собой дверь и молча уставилась на сына.

Митя перестал стучать, ожидая, что скажет мать. Ее взгляд не предвещал ничего доброго.

— Выбрось все это и подальше. Слышишь, выбрось!

— Мама, да ты что? У меня же скоро будет готов радиоприемник. Разве ты не хочешь узнать, где наши? Узнать правду о войне? Может, и про отца что-нибудь услышим.

Митя на мгновение забыл обо всем: в памяти воскрес отец, такой добрый и ласковый. Когда Митька был поменьше, то все хвастал перед товарищами: шапки и фуражки они носят те, что шьют его отец и мать в артели. А когда началась война и отец ушел на фронт, Дмитрий все прислушивался к сводкам Совинформбюро:

может, отец сделал что-то такое героическое, что о нем сообщат в сводке.

Олимпиада Ивановна больше ничего не сказала сыну, только, выходя из кладовки, попросила:

— Ты хоть стучи потише!

Митя зачесал пятерней льняные непокорные кудри и снова принялся за дело. В коробку поставил все стаканчики, соединил, а дальше опять дело застопорилось. Надо было спаять кое-какие детали, а он не умел паять.

— Дядя Коля,— обратился к нему вечером Митя,— когда чините машинки, вы кое-что паяете. А мне поможете?

— Помогу.

И помог. Даже антенну вместе установили на чердаке, не выводя ее на крышу.

В первый вечер, когда приемник был совсем-совсем готов, Митя залил батареи раствором соли, и лампы загорелись. И Митины глаза тоже загорелись: победа! Пусть маленькая, но победа!

Была ночь. Все в доме спали, лишь Николай Дмитриевич да Митя упорно искали Москву. Нашли! Москва! Наша Москва!

На оживший приемник смотрели серьезные, немигающие глаза Ростокина и ошалелые от радости — Митины. Сводку Совинформбюро они в этот день не записывали, а слушали, глотали, как после сказал дядя Коля, боясь пропустить хоть слово. Зато на вторую ночь записывали по очереди. Листки с записью сводки Николай Дмитриевич аккуратно сложил и, зажав их в руке, вышел из кладовки.

Через два дня весь город говорил о листовках. Их наклеил кто-то даже на плакатах с Гитлером.

«ТОВАРИЩИ! С каждым днем, с каждым часом приближается момент освобождения нашего города. Враг, неся огромные потери, откатывается на всех фронтах. Красная Армия не выпустит проклятых гитлеровцев с Северного Кавказа. Дорога на Ростов уже перерезана. Керченский пролив станет могилой не одному десятку тысяч кровавых фашистов.

Вместе с проклятыми фашистами бегут и их приспешники — подлые предатели Родины, но их ждет гибель вместе с их хозяевами фашистами-псами.

Врет фашистская пропаганда, что фашисты меняют позиции. Нет и нет! Не позиции меняет враг, а бежит от Красной Армии.

Да здравствует Красная Армия!

Смерть немецким оккупантам!»

В то утро Митя вышел в город. Чужие на улицах солдаты и офицеры. Но что это? Около большого здания группкой сбились граждане. Митя тоже подошел к ним и услышал, как кто-то сказал: «Молодцы!» Лица людей расплылись в довольных улыбках. Но вот появились полицаи, и людей как не бывало. Кто-то на ходу крикнул, когда полицаи стали сдирать листовку с портрета Гитлера:

— А вы кипяточком!

Тогда Мите и в голову не пришло, что и он к этим листовкам имеет отношение.

А однажды дядя Коля сказал:

— Ты вот что, Митя, садись и помоги мне написать листовки.

— Дядя Коля, пишуших машинок у нас вагон и маленькая тележка, а мы от руки, под копирку...

— А что же ты не научился печатать?— весело спросил Николай Дмитриевич.

Кому потом передавались листовки, Митя не знал да и не старался узнать. Дядя Коля предупредил, чтобы он не был любопытным. Не знал Митя и того, что подпольщики берегли его как «радиоталант».

За первой крохотной радостью — действующим радиоприемником — последовали дни переживаний. Дмитрию принесли повестку с биржи труда.

Биржа размещалась в бывшем Доме связи. Сколько в высоком зале ребят и девчат! Неужели все поедут в Германию?

Митя протиснулся к небольшому окошечку, машинально, не глядя, кто там сидит, подал повестку, а когда поднял глаза, обомлел: их учительница немецкого языка. Она тоже узнала его, поднялась со стула и, убедившись, что гитлеровцев близко нет, зашептала в окошечко:

— Повестку твою я уничтожу, а ты уходи отсюда и больше не приходи. Слышишь?

Взволнованный Дмитрий побрел на Зеленый остров. Любимое место отдыха горожан теперь было пустынно. Митя посмотрел на оголенные поздней осенью деревья, на Кубань, что беспрестанно лизала берега, спустился ниже к воде, сел, прищурил светлые глаза и начал бросать в воду камешки. Долго сидел. Долго думал. Хотелось найти партизан, чтобы вместе с ними стрелять в

ненавистных фашистов, но где их найдешь? Вернулся домой, когда над притихшим городом сгущались сумерки.

— Где же ты пропадал целый день? — накинулась на него Олимпиада Ивановна.

— Мама, не ругайся. Повестку мою уничтожили. Там наша немка. Она сказала, чтоб я больше не приходил.

— А зачем ты туда вообще пошел?— свирепо посмотрел на него Ростокин.— Не мог дождаться меня, что ли?

— Так вас же долго не было, дядя Коля.

— Ну вот что, друг, на улицу больше ни шагу. Сиди дома.

— Ладно, не буду,— покорно согласился Митя.

Николай Дмитриевич попросил Олимпиаду Ивановну:

— Оборудуйте нам, пожалуйста, с Митей жилье в подвале, Вера вам поможет.

А как только остались наедине, Митя и Николай Дмитриевич опять начали писать листовки.

Митя старательно выводил:

«ТОВАРИЩИ! Лживыми обещаниями фашисты вместе со своими подручными, подлыми изменниками, пытаются увезти молодежь в Германию. Тысячи молодых украинцев уже страдают в трудовых лагерях Германии, где их морят голодом, избивают, мучают непосильным трудом. Такая участь ждет всех попадающих в Германию, там их ждет мучительная гибель.

Записавшиеся на работу в Германию, не выходите для отправки! Скрывайтесь у своих родных и знакомых. Скоро подойдет час освобождения!»

Мите ничего не говорили о подпольной группе, которой руководил Михаил Сотников. Он лишь догадывался о ее существовании. Догадка его подтвердилась одной холодной ночью. К ним вбежал человек-богатырь. Он что-то встревоженно стал шептать Николаю Дмитриевичу.

Митя слышал обрывки фраз:

— Открыл калитку... немец автоматом в грудь. Рванул на себя... убил. Вбежал в дом... уходите немедленно... Жена ушла. Сестра больная. Загрохотали... В сенцах топор... немца топором одного... другого. Выбежал... Кубани... Выстрелы... Ушел... Оглянулся, зарево. Дом... подожгли. Сестра погибла.

Теперь в подвале жили трое. Третьим был подполь-

щик Иван Даневич, которого Митя окрестил про себя здоровенным дядькой.

Как-то Даневич сказал Ростокину, что он подготовил другое потайное место, что надо немедля перебираться туда, но нужно прихватить харчей.

Олимпиада Ивановна ночью пекла хлеб. Трое подпольщиков услышали бешеный стук в дверь, и через несколько минут над их головами протопали в квартиру Фокиной немцы. Хорошо, что женщины завалили пиленными дровами ляду, которая вела в подвал. Немцы, обшарив глазами комнату, спросили у Олимпиады Ивановны:

— Муж есть?

— Нету, война забрала мужчин.

— Клеб кому? Партизан?

Олимпиада Ивановна испуганно отшатнулась:

— А я что, кушать не хочу? Никс партизан!

Немцы довольно заулыбались. Подошли к столу, забрали только что испеченный, накрытый полотенцем хлеб и потопали к выходу.

Олимпиада Ивановна заперла за ними дверь и обессиленная опустилась на пол. Пот ручьями струился по лбу, щекам.

Вот так и жили в вечном напряжении, страхе. Наступил холодный и голодный декабрь. В этом месяце Митя нарушил запрет. Ему очень хотелось увидеть свой город ночью. Даневича и Ростокина не было. Фокин оделся потеплее и тайком от матери улизнул в город. На землю сеял и сеял снег. Улицы стали пустынными.

У деревянного, почерневшего от времени забора, за которым стоял одноэтажный домик краеведческого музея, заметил человека в черном. Он был метрах в пятидесяти от него. Дмитрий понял, что смельчак наклеивает что-то на забор. Мите сделалось вдруг страшно, но не за себя, а за того, неизвестного. «Что если попадется?» Только Дмитрий подумал об этом, как увидел идущих с противоположной стороны двух мужчин. Моментально сообразил, что так смело ночью могут ходить только немцы или полицаи.

Митя прижался к забору. Руки спрятал за спину. Хорошо, что доски темные и его фигура слилась с ними.

— Стой! — услышал Митя властный окрик.

Но человек побежал. Автоматные выстрелы. Человек

упал. Полицаи подбежали к нему, а Митя перескочил через забор, во двор музея, и притаился там.

— Готов!— сказал один из полицаев.

— Не надо было убивать, чертова дубина. Из него бы выдавили все партизанские секреты.

Облизывая пересохшие от волнения и страха губы, Митя заглянул в широкую щель. Полицаи поволокли подстреленного к центру города.

Домой Митя летел пулей. Спустившись в подвал, одним дыханием сказал:

— Убили... листовки клеил.

Ростокин молча оделся и ушел в ночь.

Вернулся он на рассвете.

Митя вскочил с матраца:

— Дядя Коля, кого убили?

Будто не слыша вопроса, Ростокин сел, опустил голову.

А вскоре Митин радиоприемник принес самую большую радость: Москва передала сообщение о Сталинградском котле, об окружении гитлеровцев.

Николай Дмитриевич подошел к Мите, обнял его за плечи.

— Ми-и-т-я! Ми-и-ть-ка! Ты не представляешь, какую радость доставил нам!

— Дядя Коля, это не я радость доставил, а Красная Армия.

Дядя Коля в этот день смеялся, шутил, как, бывало, в мирное время.

И опять ушел в ночь.

На другой день весь Черкесск узнал о нашей большой победе под Сталинградом. А еще через несколько дней с Кавказских гор двинулись заснеженные машины с гитлеровцами. Эту длинную цепь орудий, танков, машин видели Ростокин, Даневич и Митя. В подвале, где они прятались, было крохотное, узкое отверстие, которое закрывалось кирпичиком. Даже в темноте Митя видел, как блестели глаза Ростокина и Даневича, когда они смотрели в щель.

Ночью Николай Дмитриевич дробно, нетерпеливо забарабанил вверх. Женщины открыли ляду, и оба, Ростокин и Даневич, ушли к своим товарищам-подпольщикам.

За ними устремился и Митя. Олимпиада Ивановна

схватила его за локоть на пороге и потащила в дом. Митя разбушевался.

— Почему ты не пускаешь меня? Что я, маленький, что ли? — В глазах Дмитрия появился огонек упрямства.

— Сынок, ты же знаешь, что мне сопротивляться бесполезно! — твердо сказала мать.— Я еще справлюсь с тобой!

Раздосадованный Митя молча полез в подвал и уже один наблюдал за улицей, неспокойной ночной улицей с выстрелами, криками, грохотом машин. Метель бесновалась вовсю: «Они там дерутся, а я как дурак тут сижу». С досады он лег. Через некоторое время приоткрыл ляду, чтобы убежать, но мать не спала, она стерегла его. Опять лег и незаметно для себя уснул. Проснулся, когда начало сереть на улице. Митя оделся и, обрадованный тем, что мать уже не стережет его, помчался в город.

Фокин почувствовал себя сильным и взрослым. Мысли его кружились, как яростная метель на улице: «Сейчас найду автомат... ваш автомат, и буду гнать вас, поганые убийцы, из нашего города. Хватит сидеть у радиоприемника! Я буду драться. И жалости у меня не будет. Вы убили ее вместе с тем человеком, который клеил вот на этой улице листовки. Вы сожгли больную сестру Даневича! Вы убиваете наших отцов на фронте...— И защемило сердце Мити:— Жив ли отец? И какая же клятая жизнь, когда война!»

На засугробленной Советской улице Фокин увидел распластанного немца. Убит. Так тебе и надо. Подбежал, хотел взять оружие, но автомата уже не было. Кто-то опередил.

На ходу влетел в Дом связи. В зале народу полным-полно: все с винтовками, автоматами.

— Марш домой, пацан!— услышал Фокин чей-то грубый голос.

Ну да, домой! Не за тем он прибежал сюда. Митя глазами стал искать Ростокина. Он был уверен, что после уличного сражения дядя Коля будет здесь. Нашел. Ростокин был с винтовкой.

— Это наш хлопец!— увидел его Николай Дмитриевич и улыбнулся.— Иди сюда, Митя!— Когда Митя протиснулся к нему, спросил:— Все-таки убежал?

Дмитрий кивнул и тоже улыбнулся.

Где-то за городом били из орудий Значит, части Красной Армии близко.

— Дядя Коля, дайте мне вашу винтовку.

— А зачем она тебе? Я и сам справлюсь.

— А я?

— А ты пойдешь домой. Ты уже сделал свое доброе дело для победы.

Митя поднял лицо, обидчиво взглянул на дядю Колю.

— Вы что, смеетесь надо мной, что ли?—и глаза парнишки наполнились слезами.

— Я говорю вполне серьезно. Иди домой.

И надо же так — в Митином доме остановился штаб Красной Армии. Митя удивленно смотрел на генерала, на офицеров: на плечах их шинелей были новенькие погоны со сверкающими звездочками. Митя не видел еще у наших офицеров погон. И может быть, именно это сковывало его, он все боялся обратиться к генералу с просьбой. Но однажды вечером все-таки решился.

Тихонько постучал к генералу. Вошел и, моргая глазами, выпалил свою просьбу.

— Товарищ генерал, возьмите меня на фронт.

Генерал сурово посмотрел на хозяйкиного кудрявого сына, улыбнулся. Улыбка обидела Митю: «Он думает, что я маленький».

— Подрастешь, возьмем!— дружелюбно ответил генерал.— У меня же армия, а не средняя школа. Ты вот что, брат. Ты давай-ка получше учись в школе. На отлично! Идет?

Обиделся Дмитрий и на генерала, и на свой неудавшийся рост, и на свою совсем непримечательную, негероическую судьбу.

«Все равно сбегу на фронт! Все равно...» А потом отлегло немного от сердца: «Генерал, наверное, прав. Учиться так учиться!»

И вспомнился физический кабинет с разбитым окном. «Завтра же надо застеклить».

ПРАВОФЛАНГОВЫЙ

★

Свой месяц отпуска вот уже двадцать лет она брала летом. В исполкоме знали, что Варваре Николаевне Юрченко нужен именно какой-то теплый месяц: июль или август, когда в Кавказских горах стоит жаркая, сухая погода. Сотрудницы понимали ее глубокое горе и шли навстречу.

От своего горя Варвара Николаевна не может избавиться уже более двадцати лет. К отпуску-походу она всегда готовилась заранее, клала в рюкзак все необходимое, а в назначенный самой себе день ранним утренним автобусом выезжала из Микоян-Шахара в сторону Марухского перевала.

До Зеленчука все горные тропы ею давным-давно исхожены, все пастухи в горах опрошены. Нет, ничего они не знают о партизанском отряде «За Родину», ничего не слышали о ее шестнадцатилетнем сыне Диме. В сорок втором девятого августа вышел он с отрядом из Микоян-Шахара и как в воду канул.

Пусть еще пройдут годы, но она не перестанет искать. Разве успокоится мать, пока не найдет хотя бы могилу своего сына?

Убирая перед отъездом квартиру, Варвара Николаевна наткнулась на недостроенную сыном модель самолета. Это они с Геной Томиловым мастерили. Молча держала в руке модель и по щекам катились слезы. Сколько Диминых работ, выпиленных лобзиком, посылались в Ставрополь, на краевую выставку! Тогда в пионерском отряде все обратили внимание на Диму Юрченко, который «все может». А сколько он читал! Летом целыми днями пропадал в библиотеке. И не только читал, но и помогал библиотекарям: то плакат нарисует, то тексты напишет.

В восьмом классе Дима с Геной стали мастерить всякие корабли, подводные лодки. Так и не достроили электролодку.

Началась война. Мальчишечьи затеи пришлось отложить на время. Ребята твердо решили: мы уже не маленькие, окончили восемь классов, сдали нормы на «Во-

рошиловского стрелка», значит, наше место там, где решается судьба Родины.

Ох, и надоели же тогда ребята военкоматчикам!

— Ну, что мне делать с этими настырными хлопцами? — сокрушался военком Подосиновский.— На фронт просятся. Тоже мне фронтовики! Вам же вещмешок штанов надо брать с собой!

Дима Юрченко и Гена Томилов настойчиво доказывали, что на фронте они не будут лишними.

Военкоматчики тихо посоветовались между собой, а потом товарищ Подосиновский сказал:

— Посылать вас на фронт нельзя. Не доросли еще. А вот в истребительный батальон местной охраны, так и быть, зачислим.

И зачислили.

Варвара Николаевна вовсе потеряла сон. То беспокоилась о муже (он в первые дни ушел на фронт), а теперь вот Димка пропадает по целым неделям неизвестно где. И спросить не у кого. Гена Томилов от него ни на шаг. Раз нет в городе Димки, значит, пустые хлопоты искать Генку.

Дозналась как-то в исполкоме, что батальон вылавливал в горах Прегрaдненского района бандитов. Но сколько ни спрашивала сына, где он был, молчит как в рот воды набрал.

Однажды возвращалась она с пригородного хозяйства и на КПП увидела Диму, стоявшего на посту.

Димка был бледен, большие глаза ввалились.

— Ты же голодный, сынок?! Идем домой, поешь хоть.

Димка снисходительно улыбнулся:

— Смешная ты, мама! Разве я могу бросить пост?

Так и ушла одна.

Этот случай напомнил Варваре Николаевне другой. Однажды они с отцом Димки Михаилом Дмитриевичем увидели, как из школы вышли мальчишки — члены военизированного кружка с деревянными винтовками за плечами.

Оба, не сговариваясь, стали искать глазами сына.

— Смотри, Варя, наш-то — правофланговый!— улыбнулся Михаил Дмитриевич.

Варвара Николаевна часто вспоминает последние минуты прощания. Дима вел себя сдержанно, с достоинством. Подошел к ней, обнял, как взрослый.

— До свиданья, мама!

А Варвара Николаевна залилась слезами.

— Сынок...

— Я вернусь, мама! Ты не плачь. Ну, прошу тебя, не плачь.

Схватив вещевой мешок, он выбежал на улицу.

Город притих в эти дни, насторожился, окруженный, как крепостной стеной, горами.

Только внизу, где беспорядочно были разбросаны домишки карачаевцев, шумела Кубань.

С той поры прошло двадцать два года. Вокруг города детства Димы так же величественно возвышаются горы, так же несет свои быстрые ледяные воды Кубань, а его нет.

Где он, Дима Юрченко?

Как только Красная Армия изгнала фашистов с Кавказа, Варвара Николаевна начала поиски сына. Из села в село, из аула в аул ходила она. В Хасаут-Греческом узнала, что в августе сорок второго года через селение в сторону Марухи прошел партизанский отряд. Но как он назывался, куда двигался, был ли там Дмитрий Юрченко, мальчишка шестнадцати лет, люди не знали. Горы и леса, может, и знали, но они без языка: любую тайну доверяй — не скажут.

Где же Дима?

* * *

В конце длинной колонны людей, поднимавшихся на Марухский перевал, шел человек без ноги, опираясь на костыль. Это был Геннадий Томилов. Как ни трудно идти ему, но он старался не отставать от остальных. Глаза его часто устремлялись на цепь высоченных Кавказских гор. На одну из вершин предстояло взобраться.

— Вы-то куда? Не дойдете!— услышал Геннадий возле себя мужской голос.

Геннадий поднял глаза и упрямо ответил:

— Дойду! Должен дойти!

— Сейчас вам дадут лошадь и, пожалуйста, без возражений!

— Не надо!— запротестовал Геннадий, но мужчины уже не было рядом.

Минут через десять-пятнадцать к Геннадию подъехал на добром коне лесник из Архызского лесничества. Это

он сопровождал сейчас бывших защитников Марухского перевала к местам былых ожесточенных сражений, где недавно подо льдом обнаружили останки героев.

Среднего роста, худощав, тонок в талии, широк в плечах.

— Садись,— просто обратился он к Томилову.

— Я же сказал — дойду!

— Ай, слушай, зачем напоминать одно упрямое животное! Мне же легче идти. У меня два нога.— Но, видя, что упрямый шел впереди, поставил коня поперек тропинки и грозно приказал:

— Садись!

Геннадий молча отдал лесничему свой костыль.

Конь заржал под незнакомым седоком и успокоился.

Томилов ехал тихо, придерживая коня. Лесничий шел рядом.

— За тобой там тоже гонялись немецкие мины?— показал лесничий на видневшийся вдали Марухский перевал.

— Не только мины. Бураны, мороз и голод были злейшими нашими врагами, после немцев, конечно.

— А как ты туда попал?

— Сперва я был в партизанском отряде «За Родину».

Лесник сначала обрадовался, потом подозрительно посмотрел на Томилова.

— Я тоже был в этом отряде, но тебя что-то не помню.

Теперь Томилов нетерпеливо склонился к леснику.

— А ты не знал там Димку Юрченко?

— Знал, как же! Знал храброго джигита!— обрадовался лесник.— Мы вместе на Монаховой поляне за селением Хасаут-Греческое дрались с фашистами.

— Ну, а потом? Потом видел Димку? — нетерпеливо спросил Томилов.

— Погиб в бою.

— Как тебя зовут?

— Якуб.

— Якуб, расскажи все, что помнишь.

— Расскажу, все расскажу, дорогой, но у нас говорят: кто поднимается в горы, тот запасается молчанием.

— Садись, а я пойду,— и Геннадий сделал резкое движение, собираясь слезть с коня.

— С горами не шутят, дорогой. Сиди, раз лошадь везет, а?

Подниматься было все труднее и труднее. Круче становились горы. По живописному ущелью расползлась фиолетовая дымка, делая его еще более загадочным и неприступным.

— Слушай! Тебе сейчас легче говорить,— поднял к Геннадию заросшее щетиной лицо Якуб.— Расскажи, как это вас, совсем мальчишек, приняли в партизанский отряд?

Густые, светлые брови Томилова почти сошлись у переносицы.

— Друзья мы были с Димой со школьной скамьи. Мечтали после десятилетки поступить в военное училище, занимались гимнастикой, ходили в секцию бокса. Однажды мальчишек старших классов вызвали в военкомат. А мы тоже были старшие, восьмиклассники. Вооружили нас винтовками, выдали холостые патроны и повели в горы, в леса. Димка был правофланговым. Ночью должны были обнаружить «противника». Помню, как мерзли в ту ночь. Горы манят своей красотой, а потом мстят своим холодным дыханием за вторжение. «Противника» мы взяли на рассвете. Днем входим в город, а нам говорят: «Война!».

Мы тогда не представляли, что такое война. Думали, легко, как иногда в кино. Но если бы мы и знали, как это трудно, все равно пошли бы на фронт. Мы ходили в военкомат. Сколько раз ходили! На фронт не попали, а вот в батальон местной охраны нас зачислили. В сентябре сорок первого. Сперва нас обучали военному делу, потом мы дежурили на мостах, проверяли документы, участвовали в облавах, а в мае сорок второго уже были в деле.

В Прегрaдненском районе немцы высадили десант, который должен был связаться с бандой. Местному батальону вместе с краевыми работниками поручили его выловить. День и ночь бродили мы по лесистым горам. Не помню уж, на какой день разведка донесла, что враг обнаружен.

Ночью, стараясь не хрустнуть веткой, подкрались к фашистам.

На поляне горел небольшой костер, около него сидел мужчина в бурке, остальные спали тут же, у костра.

Наш сержант, целясь в того, что сидел, тихо приказал:

— Руки вверх!

Человек вскочил и выстрелил в сержанта. Пуля попала в гранату, которая висела на поясе. Граната взорвалась и убила нашего сержанта и немца. Разбуженные фашисты и бандиты повскакивали и начали строчить из автоматов. Мы стреляли в них из укрытий. Нас они не видели, а они оставались на виду. Костер-то горел! Мы с Димой были рядом. Оба гнались за убегавшими в чащу леса фашистами. Многих тогда убили, шестерых гитлеровцев взяли в плен, захватили рации, оружие. Местные бандиты драпанули в горы. Ты слушаешь?— посмотрел на Якуба Томилов.

— Когда говорят, всегда надо слушать.

— Батальону непременно надо было найти банду, и мы ее искали несколько дней. Встретился на нашем пути пастух и сказал, что видел каких-то вооруженных людей в Белых скалах. Это в Краснодарском крае. Взяли курс на Белые скалы. Пастух сказал правду. Мы окружили бандитов. Я с Димой лежал в густом папоротнике. Засевший в скале бандит все время стрелял из автомата и не давал нам поднять головы.

— Дима,— крикнул я ему в самое ухо,— ты продолжай стрелять, а я заползу вот за тот большой камень, с левой стороны, и сниму бандита.

— Действуй,— сказал Дима.

Я пополз. Притаился за камнем, долго целился и убил бандита с одного выстрела. Но оказалось, что за этим камнем лежал еще бандит. Он выстрелил в меня, но пуля попала в камень, а его осколки в мою голову. Бандит вскочил и побежал. Далеко он не ушел. Димкина пуля достала его.

После этой операции Диму и меня приняли в комсомол.

Фронт приближался к нашим Кавказским горам. Формировались партизанские отряды. Мы с Димой вступили в отряд «За Родину».

Вышли мы из Микоян-Шахара девятого августа, в сорок втором. Задача была такая — пройти в Аксаутскую долину и действовать в районе Марухского перевала.

Возле Осетиновки ко мне подъехал командир и говорит:

— Мы забыли снять бойца на мосту. Вернись, Томилов, сними его и догоняй отряд.

Я подъехал к Диме, отдал ему свой вещмешок, винтовку, патронташ...

Задание я выполнил, но при выезде из города меня задержал патруль партизанского отряда «Мститель». Привели в военкомат к Подосиновскому.

Тот удивился:

— Откуда ты?

Я объяснил.

— Ну, вот что, товарищ Томилов, садись с бойцами на полуторку и заминируйте Тебердинский мост,— приказал он.

Так вот и остался я с «Мстителем».

— При-и-ва-а-л! — разнеслось по цепочке.

Через несколько минут запылали костры. Вершина, казалось, рукой подать. Но это только казалось. У костров закурили, заговорили. Бойцы вспоминали пережитые на Марухском перевале дни сражений.

В больших глазах Якуба отсветы пламени. Он рассказывает о коротких днях жизни партизанского отряда «За Родину».

Боевое крещение мы получили на второй же день. Встретились с вражеским десантом на горе. Первый жестокий бой. Атаку фашистов отбили. Они потеряли несколько человек убитыми и много ранеными, а мы одну лошадь. Э, не так. Почему я говорю потеряли? Мы ничего не потеряли. Мы приобрели тогда ярость. Мы готовы были крошить врагов на куски. Зачем они пришли в наши прекрасные горы?— Якуб посмотрел на искрящийся от снега и льда Кавказский хребет.— Если гость — это хорошо. Гость всегда радость хазяину. А они пришли убивать, чтоб завладеть нашей землей. Карачай землей. Карачай горы все равно, что сердце в человеке. Нельзя его отделить от тела, а Карачай от России. Земля как нана. Сын гор не может отдать свою нана в обиду. Тот не сын, кто не поможет матери, когда над ней нависнет опасность.

В догоревший костер кто-то из мужчин бросил сухие ветки. Якуб обхватил руками колено и взволнованно продолжал:

— На подступах к Николинским лесам отставший от

нас «пикап» вместе с шофером Ванюшей попал в окружение десантников. Жалко, фамилию Ванюши забыл. Из облзо он. Ваня пустил «пикап» на врага, а сам бросился в кусты и, отстреливаясь, стал пробираться к своим.

Отряд спустился с гор, прошел через Хасаут-Греческое и углубился в ущелье Аксаута. Восемь комсомольцев замыкали отход отряда. Я был с ними. И медсестра Нина... Ее фамилию тоже забыл. Совсем стареть стал, а? Засели мы в теснине. Фрицы тут как тут. Шли за нами. В горы полз бронеавтомобиль. За ним мотоциклисты. Мы лежали, ждали — пусть подойдут ближе. Один не выдержал — стал стрелять. Тогда все стали стрелять. Кто-то сумел пробить скат броневика. Мотоциклисты сразу назад. А мы стреляли... стреляли, пока пули их догонять могли.

Потом мы скоро уходили в горы. Под утро услышали разговор, чужой разговор: «Шнель, шнель». Мы засели. И увидели такое... Впереди шли женщины, дети, старики. В их спины упирались автоматы фашистов.

Разве мы могли стрелять в своих? Командир приказал — без выстрела уйти в глубь ущелья.

Мы шли. Мы быстро шли. Мост в Красный Карачай был взорван отступавшими частями Красной Армии. Мы пустили под откос весь автотранспорт и на бричках стали подниматься по лесной тропе мимо Караулки.

Плохой день был пятнадцатого августа. Аман день. На Малом Карджаумасе нас опять обстреляли. Тяжело ранили нашего лейтенанта из управления КГБ, возле дома лесника. Нельзя бросать товарища. Командир сказал: «Кто пойдет добровольно?» Ответили — все пойдут. Нас было четверо. Среди нас и Дима Юрченко.

По-пластунски поползли к домику лесника. Фашисты заметили и не подпускают к лейтенанту. Тогда я сказал, что возьму огонь на себя. И пополз вниз, к берегу Аксаута. Пусть стреляют в меня.

Фрицы кинулись в мою сторону. Но преграда им — река. Через нее не переплыть, не перейти. Бурная и глубокая река. «Рус, сдавайся!» — кричали с берега. Стали пилить сосну, чтобы перебраться на мой берег.

Но я стрелял. Я не давал им возможности перейти.

Я не слыхал, как ко мне подполз Дима.

«Почему вернулся?» — кричу ему.

Дима молча показал на свои ноги. За ним тянулся кровавый след.

— Спасайте лейтенанта, а я свою жизнь дорого отдам,— и потряс противотанковой гранатой.

Я перевязал ему одну ногу, на другую наложил жгут. «Дима, ты стреляй,— сказал я ему,— я вынесу с ребятами лейтенанта, и мы придем за тобой. Продержись, друг!».

Мы перенесли лейтенанта и тут же поползли вниз, на выручку Диме. Но почему наступила тишина? Нет выстрелов. Только ветер в ветвях да шум злого Аксаута. Почему перестал стрелять Дима? Мы торопились. И вдруг сильный-сильный взрыв. Я в ужасе смотрел на товарищей — я уже знал, что произошло. Как мы тогда стреляли в фашистов! Подползли совсем близко и стреляли. Они по натянутой веревке переправлялись через реку. А мы пулями сбивали их в бурную реку. Оттуда никто никогда не выходил.

Якуб замолчал, долго шевелил угли в догорающем костре.

— Подползли мы совсем-совсем близко к месту взрыва и оцепенели. Там, где я оставил Диму, была лишь одна воронка и в небо уходила гарь. По земле расползлись бурые пятна крови. Некого было нам спасать,— с трудом заговорил Якуб снова.— Там, где оставался Дима, была лишь одна воронка. Нашего бесстрашного джигита не было в живых.

* * *

Томилов вернулся с завода вечером. Он только сел за стол, как постучали в дверь. Взяв костыль, Геннадий подошел к двери, распахнул ее. Перед ним стоял человек, напомнивший ему детство, его друга Диму. Он сразу узнал Михаила Дмитриевича Юрченко и кинулся к нему.

— Я прочитал твою статью в газете, Гена. Прошу тебя, расскажи все, что знаешь о Диме.

И когда Михаил Дмитриевич узнал все о сыне, он попросил Гену рассказать о себе.

— После того, как приняли шестичасовой бой в Гоначхирском ущелье, мы взяли курс на Марухский перевал. Там мы должны были соединиться с Зеленчукским отрядом «За Родину». Путь через горы был трудным.

Ведь в лесистых горах был враг. Сколько раз приходилось прикрывать отряд — я был вторым номером пулеметчика.

На Марухский перевал мы прибыли в конце августа. Наше командование связалось со штабом армии, действовавшей в горах. После совместного партийного собрания нам объявили: «Кто хочет остаться на перевале и действовать по особому заданию штаба 46-й армии, оставайтесь». Осталось нас восемнадцать человек.

Двадцать седьмого августа под командованием Виктора Ивановича Панаева наша группа повела роту бойцов через Марухский ледник к Шеелитовому руднику. По данным разведки там высадился вражеский десант. Надо было уничтожить его.

По пути наткнулись на отряд фашистов, в перестрелке был убит Виктор Иванович. Командование взял на себя Аркадий Дятлов.

Бой с фашистским десантом продолжался с утра до темна. Позиция у нас была не совсем удобная, и Владимир Жаров вызвался поискать позицию получше. Пошел и не вернулся.

С темнотой пришло новое несчастье. Тяжело ранило Дятлова. Валя Доценко подползла к нему, чтобы оказать первую помощь, но вражеский снайпер ранил и ее в правую руку. Решено было уйти с места боя. Здоровых, кого не задела фашистская пуля, нас оставалось трое: Ольга Короткевич, Эльза Андрусова и я. Несли с собой Дятлова. Добрались до ледника. С него надо было прыгать метра три. Мы-то прыгнем, а как быть с раненым Дятловым? Мы оставили его наверху, обложили камнями, чтобы не заметили немцы, и обещали прийти за ним. Потом с Эльзой мы спустились в балку за убитым Панаевым. Перенесли его на горку, сделали каменную могилу. Искали Жарова. Но не нашли.

Мы вернулись к товарищам, поджидавшим нас. Залезли под лед, как под стол, чтобы прокоротать ночь. Утром увидели роту бойцов, которая, как мы после узнали, была послана к нам на выручку.

* * *

В светлом коридоре Усть-Джегутинской средней школы № 2 русоволосая девочка читала статью о Диме Юрченко.

— Ребята, а в нашей станице живут Юрченки. Может, это родители Димы?

— Пошли узнаем!

В тот же день в доме Юрченко слушали пионеры рассказ Варвары Николаевны о сыне.

— А что если поехать на место гибели Димы и поставить обелиск?! — неожиданно предложил кто-то.

— А если списаться с пионерами Хасаут-Греческой школы?

— Давайте спишемся и поедем!

— Весной!— дружно предлагали пионеры.

...И вот весна, буйная и яркая.

Грузовая машина остановилась у большого дерева. Из кузова выпрыгнули девочки и мальчики в красных галстуках.

Одни из них сразу подбежали к воронке, заросшей травой, другие вместе с Михаилом Дмитриевичем выгружали из кузова кирпич, лопаты, мастерки, кули с цементом, известкой.

Якуб осмотрелся, шагнул к одинокому дереву, украшавшему своей пышной кроной крутой косогор.

— Да, здесь погиб Дима.

Он снял шапку.

Варвара Николаевна стала на колени, потом упала, обнимая землю, навеки скрывшую ее сына. Платок сполз с ее головы, давным-давно побелевшей от горя.

Ребята начали строить обелиск. Вокруг посадили деревья.

Председатель отряда имени Димы Юрченко Тая Лучанинова выстроила пионеров на линейку у обелиска с красной пятиконечной звездой. И каждый по-своему представлял, как разгорелся здесь бой, как Дима стрелял в фашистов, засевших за рекой, как взорвал себя и фашистов последней гранатой.

Будто в солдатском строю, начала Таня перекличку:

— Правофланговый Дима Юрченко!

— Погиб смертью героя в августе тысяча девятьсот сорок второго года,— ответил стоявший первый пионер.

После переклички мальчики дали торжественный салют из ружей. Снова по горному ущелью прокатилось эхо от выстрелов, но теперь уже в честь того, кто остался в вечном строю героев.

Тая Лучанинова торжественно произнесла:

— Слушайте нас, матери!
Мы клянемся, что будем
достойной сменой наших героев!
— Клянемся!— подхватили горы.
— Через века, через годы
Помните!
О тех, кто уже не придет никогда,
Помните!

НЕ ИГРАЙТЕ В ВОЙНУ, МАЛЬЧИШКИ

В ПЕРВОМ ПРИКРЫТИИ

Между возами, на которых громоздились узлы, чемоданы, сумки, корзины, а сверху и с боков сидели малолетние дети, женщины и старики, пробивался мальчишка лет пятнадцати. Он то и дело озирался по сторонам, будто прятался от кого. Иногда из-за какого-нибудь воза были видны его шелковистые русые волосы. Часто его зоркие серые глаза смотрели из-под темных, сдвинутых бровей в сторону Дома Советов, где были партизаны отряда «Мститель». Среди них мальчишечьи быстрые глаза искали отца, Федора Томашенко. У Васи были противоречивые желания: ему хотелось объявиться отцу и честно сказать, что по дороге в Зеленчукскую сбежал от матери, чтобы вместе бить захватчиков-фашистов, и в то же время боялся встречи с ним. Конечно, лупить он его не станет, да отец никогда его и не бил, потому что учился он прилежно, вел себя хорошо. Но знал Василий, что отец долго будет смотреть на него своими добрыми серыми глазами, смотреть с болью и укоризной за его ослушание.

Вася увидел сослуживца отца, конюха дядю Петю. Он сидел на возу и затягивался цигаркой. Обычно улыбчивое лицо старика было хмурым, кустистые брови насуплены.

— Ты почему здесь, Василь?

— Сбежал от мамы.— От волнения Вася глотнул слюну.— Мы на семейном совете решили, что я пойду с отцом. А потом он передумал, а я не передумал.

Дядя Петя молчал.

— Я же умею стрелять из винтовки и пистолета, дядя Петя!

— Ты, Василь, думаешь, что это как в кине: ни крови тебе, ни переживания за убитого? Это всамделишная война, будь она трижды проклята!— Старик свесил ноги в сапогах с брички.— А вот и твой батько идет.

Вася с тревогой повернул голову.

Отец остановился, удивленный.

— Ты как очутился здесь, Василий? Где мать, сестра?— В голосе тревога.

— Папа, не волнуйся, они уехали, а я сбежал к тебе. Ты же говорил, что я с тобой в отряде буду,— одним духом выпалил Василий и уже менее уверенно добавил:— Не прогоняй, пожалуйста.

— Да теперь куда ж тебя денешь? Будь с дядей Петром пока. За городом я тебя найду. Не волнуйся, если мы встретимся через два-три дня.— И Томашенко ушел.

Одиннадцатого августа партизаны и их семьи бесшумно двинулись из Микоян-Шахара по Тебердинскому ущелью.

Впереди всадники с оружием за плечами, две тачанки, на одной из них пулемет. За ними семьи военнослужащих и партизан. И замыкали эту необычную, на километр растянувшуюся колонну партизаны.

В Микоян-Шахаре стало тихо-тихо. Ни живой души на улицах. Лишь пепел от сожженных бумаг, поднимаемый легким ветром, носился в воздухе.

Группе саперов под командованием секретаря обкома партии инженера Позднякова было приказано взорвать чугунный мост через бурную реку. Михаилу Тарасенко, Федору Томашенко, его сыну и другим партизанам следовало прикрывать группу подрывников. Они засели на косогоре между деревьями с пулеметом и зорко следили за местностью.

— Папа, смотри, какой красивый цветок! Вот бы в школе на клумбе посадить!

Кто-то из партизан прыснул:

— Нашел время ботаникой заниматься, чудак!

— Папа, смотри, кто-то прячется за деревьями на той стороне,— Василий схватил отца за руку.

— Да это колхозники угоняют от фашистов колхозных коров,— ответил за Томашенко-старшего Геннадий Томилов, второй номер пулеметчика.

И снова начали следить за подрывниками, которые уже успели подложить под мост взрывчатку. Но на мост вошли коровы. Их гнали колхозные пастухи.

— Г-е! Г-е-е! — Пастухи подгоняли животных.

Людям хотелось скорее дойти до цели: перегнать скот через Клухорский перевал, чтобы не достался врагу.

— Г-е-е! Г-е-е!

А животные шли медленно и лениво.

Наконец стадо прошло. Подрывники побежали на середину моста, в трех местах зажгли бикфордов шнур.

Раздались взрывы: один, другой, третий. Они эхом прокатились по горам. Мост словно кто разрубил пополам.

В сторону аула Нижняя Теберда и курорта Теберда шли берегом реки. В районе хутора Дженгирик партизан обстреляла банда.

Их было немного, горных разбойников, князьков, не пожелавших строить новую социалистическую жизнь. Еще в 1920 и 1921 годах они подняли восстание, которое было подавлено войсками ЧОНа под командованием Якова Балахонова.

Когда в августе сорок второго года радио принесло страшную весть о приближении к Кавказским горам фашистов, недовольные советской властью ушли в горы. Это они обстреляли партизанский отряд.

ЗА ЯЩИКОМ

По дороге ехал всадник. Ночь была вязкая и темная, как деготь. В двух шагах хоть глаз выколи — ничего не видно. Такие густые ночи бывают только в горах.

...Поздней ночью партизаны остановились в центре поселка Теберда и не досчитались одного ящика с взрывателями к гранатам «Ф-1» — потеряли в перестрелке. Надо за ним кому-то возвращаться. Под руку подвернулся Василий Томашенко, его и послали.

Гордый оказанным доверием, ехал Василий по дороге. Лишь цокот копыт нарушал тишину ночи. В одной руке поводья, в другой — пистолет. Его холодная сталь успокаивала. Да и лошадь всегда предупредит об опасности. Это Василий усвоил еще с раннего детства, когда отец работал в лесничестве.

Лошадь брела понуро и спокойно. Цокот копыт отдавался в ушах. Приглушить бы их, чтоб так громко не раздавались в ночи.

Время тянулось медленно. «Цок-цок» — стучали копыта. «Тук-тук» — гулко напоминало о себе сердце. Но что это? Животное вдруг тревожно захрапело, потянулось назад. Мальчик моментально положил голову на лошадиную шею, слился с лошадью. Вгляделся вперед.

Посреди дороги лежал белый предмет. Ящик! Василий легко спрыгнул с лошади. Подошел. «Так и есть — ящик». Ощупал его. Цел. Попробовал сдвинуть. Тяжелый, дьявол! Просунул руки вниз, приподнял и, осторожно ступая, понес. С трудом положил груз на спину лошади. Но то ли лошадь неосторожно ступила, то ли неудачно Вася поставил ящик, только тот упал. Пришлось поднатужиться еще разок. Забрался и сам в седло и, навалившись на ящик, чтобы еще раз не упал, поехал в Теберду.

Не знал Василий, какая страшная опасность угрожала ему, если бы ящик разбился.

У заповедника его встретили посланные навстречу два партизана. Василий передал им ящик, спешился и, идя рядом со взрослыми, рассказал о злополучной истории, приключившейся с ним.

— Как же он не взорвался?— ужаснулись мужчины.

Партизаны рассказали обо всем командиру Якову Герасимовичу Подосиновскому. Тот вызвал к себе мальчишку. При тусклом свете керосиновой лампы Яков Герасимович молча внимательно рассматривал вихрастого, взволнованного мальчугана. А тот стоял ни жив ни мертв.

— Ты как попал в отряд?— спросил командир.

Вася рассказал, как это получилось.

— Ну что ж, — подумав, сказал Подосиновский.— Оставайся пока в отряде. Дороги назад уже нет. Иди отдыхай, а отца позови ко мне.

В ГОНАЧХИРСКОМ УЩЕЛЬЕ

Многие шли в горы впервые. Первый раз видели их величественную и грозную красоту. Справа и слева зубчатые пики гор уходили в заоблачные выси.

Отряд партизан двигался медленно — с ними были семьи.

Через день с альпинистом Вячеславом Никитиным семьи отправили в Домбай, а оттуда по трудной дороге через перевалы в Абхазию.

Началась суровая военная жизнь. Бойцам отряда выдали альпинистские ботинки с шипами, туристские брезентовые куртки и шаровары, хлопчатобумажные панамы цвета хаки.

Васе достались ботинки сорок второго размера.

— Только плавать в них — корабли!— смеялся мальчик.

Все пополнили запасы боеприпасов из обоза, оставленного войсками Красной Армии. Вася оказался предусмотрительным: во все карманы он насовал гранат, патронов.

Командиры строго вели учебные занятия. Положение отряда было не из легких. В горы двигались части гитлеровской горнострелковой дивизии «Эдельвейс», вооруженные артиллерией, минометами, пулеметами. Численностью они превосходили партизан в несколько раз.

Мстителям не положено было вступать в бой с регулярными частями врага. Партизаны должны нападать на отдельные группы, парализовывать вражеский тыл. Они не думали, что придется драться лоб в лоб с дивизией «Эдельвейс».

Расположился отряд на левом берегу реки Бу-Ульген, где она сливалась с Тебердой. От базы идут две дороги: одна незаметно поднимается к Клухорскому перевалу, другая — к Домбайской поляне. Кто владеет мостом и узким проходом через скалу, тот владеет и этими дорогами.

У заминированного моста через реку Бу-Ульген лежали в засаде лучшие бойцы отряда. Они тихо разговаривали между собой.

— Жалко Магомета. Мировой парень был!— говорил автоматчик Юрий Симоненко, бывший шофер военкома.— Гордо погиб. Наши уползали под огнем фашистов к лесу. Десять метров оставалось проползти. Вдруг Магомет вскочил во весь рост и заорал: «Не хочу ползать перед поганым фрицем!» — а сам из автомата по немцам. Фашисты из пулеметов как дали, так и конец.

— А Генку Томилова, говорят, тоже здорово покалечило,— сказал Якубов.— Привели под руки, а сейчас уже сам ходит.

— Если бой начнется, обязательно драться будет,— вмешался Юрий.— Майор хотел его на Домбай отправить, все равно нам туда придется отходить, так он такой хай поднял, что даже майор махнул рукой и оставил его здесь.

— Мальчишки наши хорошие, настоящие джигиты,— Якубов улыбался.— Видели, как упрямо объезжал сво-

его Абрека Васька Томашенко? Конь его сбросит, а он только ушибленное место потрет и опять к коню. Настоящие джигиты.

Вася познакомился в отряде с радистом Григорием Ивановичем Буряком и очень привязался к нему. Радиста всегда можно было найти по антеннам, торчащим из-за камней. Вот Вася найдет его, сядет рядом и терпеливо ожидает, когда тот освободится, знал — радисту мешать нельзя. Дядя Гриша несколько дней назад засек вражескую радиостанцию, работавшую в районе Клухорского перевала. Об этом он сообщил командованию проходившей в сторону перевала воинской части. Как после стало известно, гитлеровцы были уничтожены нашими войсками все до единого.

Дядя Гриша узнавал новости первым, принимал сводки Совинформбюро. Васе казалось, что больше дяди Гриши в отряде никто ничего не знает. Таинство его общения с миром будоражило любознательность мальчишки.

Тогда же, в те тревожные горячие дни, Василий решил: «Буду радистом».

За Бу-Ульгеном послышались четыре взрыва. Один за другим. Василий вобрал голову в плечи. На взмыленных лошадях примчались на базу Поздняков, Володин и Ломакин, увешенные патронташами.

Володин схватил телефонную трубку:

— Штаб! Штаб! Товарищ командир!— Услышав ответ, он снова закричал:— Товарищ майор, мы вернулись последними из разъезда... Немец прет сюда. Мы пропустили под горой около двух батальонов. Разрешите зажечь мост? Есть!

Около десяти часов утра пятнадцатого августа разведчики Харун Глоов и Петр Доценко донесли, что недалеко фашистские мотомехчасти.

Откуда-то издалека послышался гул моторов. Через час враг появился на правом берегу Бу-Ульгена и обстрелял наших патрулей на мосту. Начался массированный обстрел всего отряда, который узкой полосой занимал позицию на левом берегу.

По линии обороны быстро шли комиссар отряда Азизов и начальник штаба Такмаков. На ходу они давали краткие указания:

— Без приказа не отходить! Геройством не щеголять! Беречь боеприпасы! Бить только наверняка!

Подосиновский стоял за большим увалом и спокойно, твердо давал указания.

Пулеметный расчет Тарасенко, где вторым номером был Гена Томилов, расположился неподалеку от Гоначхирского моста, среди крупных камней, обросших кустарником. Подносчик патронов у них Вера Иванова.

Надежные позиции против моста за глыбами камней заняли заместитель начальника штаба Петр Алтуфьев с партизанами Владимиром Жаровым, Харуном Глоовым, Али Байкуловым.

Всю силу огня враг направил в центр расположения партизанского отряда, в район действия пулемета, вел непрестанный огонь и по стоявшим сзади партизанской цепи машинам.

Немцы пошли в наступление, но вынуждены были откатиться назад.

Тогда враг усилил огонь.

— Вести прицельный огонь!— слышалась команда командиров.

От разрыва пуль летели осколки камней. В уши, рот, ноздри набивался песок. Уже погибло немало партизан, много было раненых. Девушки Таня Зорина, Валя Доценко, Оля Короткевич, Эльза Андрусова, рискуя жизнью, перетаскивали раненых в укрытие.

В минуты передышки Федора Томашенко беспокоила тревожная мысль: «Где Васька? Жив ли?» А Василий был в цепи и вместе со всеми стрелял по врагу.

По цепи от бойца к бойцу переползал комвзвода Жаров, подбадривал уставших партизан. За ним старшина отряда Василий Жигульский:

— Держитесь, ребята! Стойко держитесь, товарищи! Бейте гадов!

То тут, то там появлялся секретарь Карачаевского обкома партии Хамид Уразович Лайпанов.

Голос начштаба Такмакова:

— Товарищи! Ведите только прицельный огонь по врагу.

Васю Томашенко позвали к командиру.

— Будешь при мне связным.

В бинокль командир увидел, что фашисты прорываются к мосту: «Почему он не взорвался? Почему?»

— У кого есть гранаты?

Молчание. И вдруг звонкий мальчишечий голос:

— У меня, товарищ командир! Аж две!

— Томашенко, немедленно проберись к мосту и подорви его гранатами. Осторожнее, смотри. А то вот Симоненко пошел и не вернулся.

— Есть пробраться к мосту и подорвать его гранатами!

Где перебежками, где ползком Вася пересекал горящую поляну. Под непрерывный вой мин, треск автоматных очередей он полз, останавливался передохнуть и снова полз. Расстояние до моста метров четыреста.

Враги заметили маленькую фигурку Василия, сразу ударили по нему из крупнокалиберных пулеметов. Если бы не большие каменные глыбы, вряд ли Вася пересек бы поляну. Упал за камень отдышаться и вдруг почувствовал, что кто-то дернул его за ноги. Оглянулся — никого. Что такое? Оказалось, у ботинка оторвана подошва. А вражеский пулемет, стоявший на горе, все строчил и строчил.

Вот она, война! Страшная, настоящая! Раньше он с мальчишками любил играть в войну. Мотались с самодельными винтовками, «убивали» друг друга. Было весело и интересно. А война-то на самом деле вот какая.

Если он останется живым, если вот сейчас его не убьют, то скажет всем ребятам: «Не играйте в войну, мальчишки! Лучше давайте по-настоящему дружить и играть в путешественников, в моряков, летчиков, ботаников. Давайте делать модели планеров, самолетов, кораблей, радиоприемники».

Но как сказать об этом, чтобы слышали все? Стать на вершину Эльбруса и закричать на весь мир? Нет, голос человека здесь слишком слаб, чтобы пробиться сквозь ледяную толщу гор и заглушить извечный шум бурных рек. Вот когда прогонят фашистов и кончится партизанская жизнь, он непременно напишет письмо в Москву самому главному диктору Левитану, что читает сводки Совинформбюро. Его слушают люди всей планеты. Он должен выполнить его просьбу, просьбу Василия Томашенко, партизана из отряда «Мститель». Должен!

...Командир видел, что огонь фашистов сосредоточен на мальчике. Понял, что по открытому месту ему не

пройти, и послал лесом двух партизан на помощь. Но не добрались они до Васи...

Вася знал, что если он не выполнит задание, погибнет весь отряд. Разве можно допустить такое?

Только подтянул он к поясу правую ногу, собираясь ползти из-за укрытия, как увидел, что кто-то пробирается к мосту. «Кто это? Да Юра же! Симоненко! Жив!» Юра ползет быстро-быстро. Вот он у цели, а пулеметный и минометный грохот страшный. Юра опрокинул канистру с бензином, которую волок за собой, и через считанные минуты мост вспыхнул. Он выгнулся, середина его с треском и шумом приподнялась в воздух и рухнула в бурлящую реку. Получай, фашисты, мост!

Василий все ждал возвращения товарища, молча сцепив зубы. А потом понял, что Симоненко не вернется, он пошел на смерть ради жизни других. Под свист пуль, глотая слезы, Василий пополз к штабу, чтобы доложить о выполненном задании Юрием Симоненко, о его геройской гибели.

Солнце скрылось за горами. Как долго длился бой! В Гоначхирскую долину спускалась глубокая ночь. Враги поняли, что им не прорваться на противоположный берег, и прекратили атаки.

Они нахально орали:

— Рус, сдавайся!

— Рус капут!

— Сдавайся, рус!

Изредка как майские жуки пролетали в воздухе трассирующие пули, а внизу был слышен звонкий говор непокорной реки. Узкая долина стала наполняться сизой дымкой. Дохнуло холодом с гор.

Василий дополз до леса, встал, побежал. Ветки хлестали по лицу. Вон там, за грудой камней партизанский штаб. Но почему так тихо? Почему не видно ни одной живой души? Сделалось страшно-страшно. Мгновение стоял растерянный и напуганный обступившей его тишиной. Непроглядная ночь, фашисты за рекой и лес без конца и края, а он один, совсем один.

Отряд ушел в сторону Домбая. Скорее туда! Скорее! Спотыкаясь о камни, кусты, Василий пустился догонять партизан.

Мама, где ты? Ты и не знаешь, что твоему сыну плохо. Очень плохо. Если бы знала, увела бы от беды.

Рядом хрустнула ветка. Василий замер. Свой? Враг?

— Кто тут? — спросил твердо.

— Я, санинструктор Эльза Андрусова, — ответили тоненьким голоском.

— Эльза!— обрадовался Вася.— А почему одна?

— Замешкалась. Отстала.

— Оружие у тебя есть?

— Нет, у меня сумка с медикаментами.

— Держи пистолет.— Василий нащупал ее маленькую руку.

Оба воспрянули духом. Вдвоем веселее.

— Может, подождем рассвета? Ничего не видно, а дороги мы не знаем,— предложила Эльза.

— Нет, ждать нельзя. Я поведу тебя. Не бойся, мы найдем своих.

Взялись за руки и продолжали путь. Изредка останавливались передохнуть. И снова вдогонку отряду. Но что за оказия? Пришли к тому месту, откуда ушли. Внизу догорал мост. По воздуху, с другого берега, проносились трассирующие пули.

— Вася, мы заблудились. Не найти нам дороги, — упавшим голосом прошептала Эльза.

— Вот еще выдумала! Дороги не найти! Совсем мы не заблудились. Говорят, это принцип левой ноги, когда возвращаются на старое место. Вот увидишь, к утру мы догоним наших. Не падай духом.

И опять двинулись в путь. Темнота сменилась серой пеленой наступающего утра, и можно было среди высокой травы рассмотреть тропинку, проложенную партизанами.

— Здесь они, Эльза, близко.

Прошли еще немного.

— Кто такие?— хрипло спросили из кустов.

— Свои.

Оба несмело подошли к веткам, за которыми пряталась группа партизан — она прикрывала отход основного отряда.

НОВЫЕ НЕОЖИДАННОСТИ

Свободен ли путь через Алибекский перевал? Нет ли там немцев? Узнать об этом должны были разведчики. Их было шестеро. В их числе и Василий с отцом. Про-

водником был семидесятилетний чабан Хасанов из аула Каменномост.

С туристской базы «Верхний приют» разведчики поднимались по Алибекскому леднику. Они вели навьюченных лошадей с боеприпасами и продовольствием. Медленно, с большими предосторожностями пробирались через нагромождения гранитных глыб и льда, через буреломы в лесу.

Труден путь в снежных горах. На каждом шагу путника подстерегает опасность: можно ступить на чистый снег и, не найдя под ногами опоры, рухнуть в пропасть; может обвалиться карниз, скатиться камень.

Нашли укрытие, остановились немного передохнуть. Василий будто и не устал, всех донимал расспросами.

— Как спустить лошадь с горы с вьюком, если она некованная, а под ногами лед? Кто знает, а?

Отец, нахмуренный, молчал. Ведь это он научил сына повадкам в горах, но только не время сейчас для вопросов-ответов.

— Лошадь нельзя брать за длинный повод. Она непременно собьет вас,— выждав немного, пояснял Василий.— Нужно взять коротко под уздцы правой рукой, опереться на нее и смотреть только себе под ноги. Понимаете, получается одно целое — лошадь и человек. Если я, например, поскользнусь, то удержусь за лошадь. Если лошадь поскользнется, удержу я.— Василий посмотрел на отца. Тот, удовлетворенный его объяснением, одобрительно кивнул головой.

— Вот мы идем в гору,— продолжал Вася.— На наших лошадях груз. Он сползает назад. Как быть? А так: нужно надеть подхвостники...

Начальник разведки скомандовал подъем. Группа выбралась из укрытия и снова пошла по льду. Там, где было очень круто, перекладывали груз с коней на свои плечи. Нес груз и Василий. Ему не делалось скидок.

До Алибекского перевала не дошли. В пути застала ночь. Между гранитными глыбами расположились на отдых. Но в холоде не заснешь. Обессилевшие разведчики, прижавшись друг к другу, забывались в коротком, тревожном сне. Федор и Василий Томашенко спали под одной буркой. Через каждые пятнадцать-двадцать минут отец будил сына, чтобы мальчонка не замерз. А Василий сердился.

— Папа, ну что ты толкаешься? И пять минут не дашь уснуть.

— А если ноги отморозишь и оттяпают их тебе, лучше будет?

Томашенко будил всех разведчиков, заставлял их двигаться, разминаться. Те чертыхались, нехотя вставали и вытанцовывали на льду, усталые и сонные.

Стало светать.

Тихо, чтобы не разбудить отца и товарищей, Василий встал и остолбенел, пораженный увиденным. По горе стлался густой-прегустой туман. Даже собственных ног не было видно. Туман расползался понизу. Его высота была не больше метра. По этому туманному морю в каких-нибудь двадцати-тридцати метрах плыли громадные рога горных козлов-туров. Самих туров из-за тумана не было видно, а рога, освещенные восходящим солнцем, плыли и плыли. Василий даже дышать перестал, чтобы не спугнуть это чудо-юдо. Вспомнил: отец рассказывал, что такие чудеса бывают от преломления света, дифракции.

Рассвело. У склона горы увидели небольшое озерко. Глубина его метров пять, но оно просматривалось до самого дна, такая чистая здесь была вода.

Снова начался невероятно трудный, утомительный подъем. Оставалось каких-нибудь пятьсот метров до вершины. Но какие же они были трудные, эти пятьсот метров! Достигли вершины только через несколько часов. Немцев на перевале не было.

С Алибекской поляны партизаны отряда «Мститель» двинулись на Марухский перевал, чтобы соединиться с другими отрядами. Стали спускаться через седловину вниз, в лощину. А спуск труднейший. Только и слышалось в рядах, растянувшихся цепью:

— Камень! Камень! Камень!

И люди плотнее прижимались к скалам.

Командование опять послало разведчиков — Хамида Лайпанова, Никиту Касьянова и Николая Дзодзиева с группой партизан,— чтобы проложить наиболее удобный путь.

Шли лесом. Шли долго и очень устали. Мучила жажда.

— Командир, объявляй привал. Мочи нет идти даль-

ше!— тихо попросили Лайпанова два партизана.

— При-и-ва-а-л! — дал негромкую команду Лайпанов. Он и сам дышал тяжело, устало.

Бойцы присели на крутом косогорье, в кустарнике. Одни сразу уснули, другие бодрствовали. Бодрствовали командир группы и его помощники. Им спать не полагалось.

Отдых разведчиков был нарушен подозрительным шорохом. Куда делся сон! Все мигом вскочили. Прислушались.

— Выдели двух бойцов с гранатами, пусть проверят, что там,— обратился к Лайпанову Никита Касьянов.— А мы пока займем удобную позицию.

У разведчиков напряжен каждый мускул. Дыхание задерживают, чтобы оно не помешало услышать приближение врага. Бегут минуты. Минуты кажутся вечностью. Да когда же вернутся двое?

Наконец разведчики вернулись:

— Товарищ командир, фашистов не обнаружили, а встретились с... медведем!

Раздался дружный смех.

— Вот оказывается, кто побеспокоил нас! Его величество медведь!

Об этом эпизоде рассказали в отряде. Больше всех смеялись мальчишки, на какое-то мгновение забыв о холоде, голоде и предстоящих тяжелейших спусках и подъемах в заснеженных горах.

— Дальше идти нельзя. Там обрыв метров в триста,— доложили вернувшиеся бойцы.

Лед надвинулся громадным карнизом. Малейшее сотрясение воздуха — и он не выдержит.

И он не выдержал. Серебристая громадина в несколько сотен тонн с шумом и грохотом пролетела вниз. От сотрясения начались еще обвалы. И снова страшенный грохот.

У Василия глаза расширились от страха.

В лощине подстерегала другая беда: начался дождь — частый и долгий. Спрятаться негде. Все промокли до нитки. С надеждой партизаны поглядывали на небо: не покажется ли солнце? Но небо оставалось серым и неприветливым.

Двадцатого августа отряд «Мститель» спустился в долину Морх и расположился в лесу, на берегу речки.

По долине на поиски краевого штаба западной группы партизан отправились комиссар Азизов, начштаба Такмаков, Сеид и Али Глоовы, Али Байкулов, Петр Доценко, Вобленко и Лайпанов. Разведчики ехали по узкой горной тропе. Было тихо-тихо. Но едва спустились на тропу узкого скального прохода, как фашисты-десантники открыли пулеметный огонь. Кони испугались. Партизаны успели вовремя соскочить с них и укрыться за камнями. Лошади умчались в сторону отряда.

После жестокой перестрелки с фашистами ненадолго в долине воцарилась тишина. Вдруг в густом ельнике разведчики заметили немецких «кукушек» и открыли по ним огонь. «Кукушки» полетели с деревьев. Партизаны взяли курс к своему отряду. Вернулись они на рассвете.

— Товарищ командир, — докладывал Азизов, — Аксаутское ущелье, которое пересекает дорогу к перевалу, занято вражеским отрядом мотопехоты.

«Мститель» взял курс на Шеелитовый рудник. И снова разведка, в которой были оба Томашенки.

Опять на пути следования отряда обнаружены немцы. Снова отряд изменил маршрут. На этот раз погода была великолепной.

— Утро-то какое! — восторженно прошептал Федор Томашенко.— Эх, война, война...

Василий отошел шагов на сто в сторону и вдруг увидел белку. Она завтракала под деревом. Вася замер, любуясь маленьким пушистым зверьком. «Сейчас поймаю». И, стараясь не хрустнуть веткой, стал подкрадываться к ней. Да разве мог он соперничать с белочкой в проворстве?! Вася и моргнуть не успел, как зверек забрался на дерево, оттуда перелетел на другое.

Отряд подходил к Марухскому перевалу. Ночью, когда спускались к южному его склону, пришлось пробираться по узкому карнизу, держась за скалу. Василий проехал это место на своем Абреке. Когда днем увидел это место,— ужаснулся. Как мог пройти конь с грузом тропу, шириной не более метра? Слева бездонной глубиной пугала пропасть, справа высилась скала, уходившая в облака. Ах, Абрек, дорогой умный друг!

Фашисты начали беспорядочную стрельбу. Партизаны залегли за камнями и отстреливались.

— Папа, немцы сзади! — закричал Василий.

Федор Томашенко схватил бинокль.

— Вроде бы не похоже на немцев.

Оказалось, это группа наших солдат тоже вела бой с врагом. Несколько партизан поспешили к ним на помощь. С ними Вася. В пути он немного отстал.

Вдруг откуда ни возьмись солдат с пятиконечной звездой на пилотке.

— Ты кто такой?

От неожиданности Василий растерялся. Не успел он и глазом моргнуть, как солдат выхватил у него винтовку.

— Парень, я сейчас такого жару фашистским бандюгам дам!

— Отдай! Это моя!

Пока препирались мальчишка и солдат, Федор Самуилович заметил отсутствие сына. Вернулся. Еще издали услышал перебранку.

— Ты что? А ну-ка верни винтовку мальчишке.

Солдат отдал оружие, извинительно улыбнулся:

— А я думал...

Вскоре произошла встреча пятнадцати солдат и офицеров Красной Армии с группой партизан.

...На Марухский перевал прибыли в конце августа. Здесь собрали всех партизан-коммунистов на закрытое партийное собрание. На нем присутствовал от штаба 46-й армии Марухского направления товарищ Дацевич.

— Кто желает остаться на перевале и действовать по особому заданию штаба 46-й армии, оставайтесь,— сказал товарищ Дацевич.— Остальные пойдут в Абхазию.

Восемнадцать остались на перевале. Остальные восемь партизан решили пробираться в Абхазию. С ними и оба Томашенки: Василий обморозил-таки ноги, и теперь вся надежда была на теплые края.

Василий был тощий. Сказался многодневный голод. На продолговатом длинноносом лице выделялись одни глаза.

Итак, решено. Завтра они начинают спуск с перевала. Васе было и радостно, что, наконец, кончится тревожная, тяжелая жизнь, и жаль расставаться с товарищами. «Как Гена Томилов?» Василий пошел разыскивать его.

Геннадий чистил винтовку под деревом. Из-под пи-

лотки выглядывала золотистая прядь волос. Руки проворно перетирали детали затвора.

— Гена, а ты идешь в Абхазию?

Гена пристально посмотрел на своего младшего товарища.

— Если все станут драпать от фашистов, то кто же будет бороться с ними? Я остаюсь.

Томашенко почувствовал, что Генка на него смотрит как на дезертира, и ему сделалось стыдно. Василий покраснел. Но Гена тут же улыбнулся.

— Я не осуждаю тебя.Ты ж совсем юнец. Учись хорошо, понял? Пока и за меня учись.

Товарищи пожали друг другу руки, крепко обнялись, и Василий ушел, унося с собой чувство тяжкой вины.

...Федор Самуилович еще раз проинструктировал, как спускаться с гор, как дышать, и восемь человек двинулись в путь.

Сентябрь в горах дождливый и холодный. Ночью температура минус двадцать. За ночь промерзают камни. А солнце взойдет, прогреет их, они начинают оттаивать и рваться так сильно, что эхо далеко-далеко разносит по горам гул канонады.

В Абхазии Вася долго лечился. Началось наступление Красной Армии. В январе освободили Микоян-Шахар, затем Черкесск, Пятигорск, Кисловодск, Железноводск, Ессентуки, Ставрополь.

* * *

Прошли годы. Страна наша праздновала двадцатилетие победы над фашистской Германией. Вспоминали партизаны Ставрополья о боях с гитлеровцами за свой родной край. За столом торжественного президиума — бывшие воины-герои Советской Армии, бывшие партизаны. Среди других и Федор Самуилович Томашенко. А Василия нет — не смог приехать. Он служит в рядах Советской Армии. Уже много лет. Начальник радиостанции.

...Написали тем, кто живет и трудится за пределами родного Ставрополья. Бывший боец партизанского отряда «Мститель» Владимир Дюков откликнулся из Москвы стихотворением «Они с нами»:

На Марухских отрогах высоких,
У истории на виду,
Огневые бессмертные строки
Алой кровью пылают на льду.
Вася! Как я тебя понимаю!
Но не в силах исполнить приказ:
Разве тех заносить в поминанье,
Кто живыми остался для нас?
Ты скажи мне, пожалуйста, милый,
Почему, не вернувшись в отряд,
На крутом берегу Гоначхира
Слишком долго товарищи спят?
Сколько раз огневые рассветы
Поджигали лесистую падь...
Почему об ушедших в разведку
Двадцать лет ничего не слыхать?
Не такие то были ребята,
Чтобы кланяться пулям врага...
Может, это метель виновата —
До вершин набросала снега?
Может, трудное было заданье:
Не хватало назначенных дней?
Слышишь топот и гулкое ржанье...
Не они ли торопят коней?
Может, путь оказался неблизким?
Ночь в ущелье как копоть черна...
Подожди. И в желтеющих списках
Не вычеркивай их имена.

СОДЕРЖАНИЕ

Маленький танкист	5
Подруги	15
На улице Таманской	57
Соловушка	80
Вовкина гора	103
Я с тобой, отец!	113
Митя радист	132
Правофланговый	144
Не играйте в войну, мальчишки	157

□

Харченко Людмила Ивановна.

ШЕЛ РЕБЯТАМ В ТУ ПОРУ...

176 с. с ил.

Редактор Л. Хохлова.
Художник В. Каретко.
Худож. редактор Г. Говорков.
Техн. редактор Т. Стеблянко.
Корректоры З. Кулиш, Ю. Забелло.

□

Сдано в набор 26.II-73 г. Подписано к печати 29.VI-73 г. Формат 84x108$^{1}/_{32}$. Бумага типографская № 2. Усл. печ. л. 9,24. Уч.-изд. л. 9,28. Тираж 175.000. Зак. № 1481. Цена 40 коп. ВГ98617.

□

Ставропольское книжное издательство,
г. Ставрополь, ул. Артема, 18.

□

Краевая типография, г. Ставрополь, ул. Артема 18.

Харченко Л.

9(С)2
Х22 Шел ребятам в ту пору... Ставропольское книжное издательство. 1973.

176 с.

Книга о юных героях-ставропольцах, участвовавших в Великой Отечественной войне.

Х $\frac{0763—047}{М159(03)—73}$ 47—73

40 коп.

Ставропольское книжное
издательство 1973

★ ШЕЛ РЕБЯТАМ В ТУ ПОРУ...